

vk.com/kurotranslations

ДЖЕНИС ХАРДИ
ВОЙНЫ ЦЕЛИТЕЛЕЙ: КНИГА I

Преобразователь

Ниа — сирота, пытающаяся выжить в городе, пострадавшем от войны. А еще она — Забиратель, своим прикосновением она может исцелять, забирая боль из тела человека в свое тело. Но, в отличие от сестры и других Забирателей, ставших учениками Лиги целителей, умение Нии с изъясном: она не может отдавать эту боль пинвиуму, зачарованному металлу, используемому для этого. Она может только передавать ее другому человеку, это опасное умение ей приходится скрывать от захватчиков города. Если правда раскроется, ее могут использовать как оружие против собственного народа. Из-за слухов о новой войне жизнь Нии стала сложнее, ей приходится отчаянно рисковать, чтобы найти работу и еду. Она терпит неудачу и выдает свое умение торговцу болью, возжелавшему использовать ее способность для своих корыстных целей. Сперва Ниа отказывается, но когда Тали и другие Целители Лиги таинственным образом исчезают, она сталкивается со сложным выбором. Ее отец говорил, что придется жертвовать многим, но чем придется пожертвовать Ние, чтобы вернуть Тали живой?

Дженис Харди «Преобразователь» («Войны целителей» — 1)

Перевод: Kuromiya Ren

*Томасу Харди и Харлан Эллисон,
Они знают, почему*

ОДИН

Кража яиц сложнее кражи целой курицы. Когда крадешь курицу, ее просто схватить, сунуть в мешок и сбежать. Но за яйцами нужно лезть под спящую курицу. А им это не нравится. Они просыпаются, начинают клевать руки и лицо, если ты близко. И ужасно шумят.

Нужно сначала будить курицу, потом забирать яйца. Страшно сказать, сколько времени у меня ушло, чтобы это понять.

— Доброе утро, курочка, — тихо пропела я. Курица моргнула и склонила голову. Она не шумела, только зашевелила крыльями, когда я подняла ее с гнезда, она замерла, когда я сунула ее за пазуху. Я узнала о таком трюке у мальчишек, с которыми разгружала рыбу на прошлой неделе.

Рядом раздался голос:

— Не двигайся.

Я не хотела слышать такие слова с чужой курицей в руках.

Я застыла. А курица нет. Ее чешуйчатые лапы тянулись к яйцам, что должны были стать моим завтраком. Я взглянула на милого стража, что был ненамного старше меня, около шестнадцати. Ночь была тише обычного, но ветерок играл с его песочного цвета волосами. Они были острижены, как у солдата, но уже пару месяцев, как отросли.

Спокойно, но настороже. Как говорила бабушка: если попался с пирогом, предложил кусочек. Хотя я не знала, как это можно подогнать под куриц.

— Придешь на завтрак, когда смена закончится? — спросила я. До рассвета еще два часа.

Он улыбнулся, но все равно направил рапиру на мою грудь. Мило, что красивый парень улыбнулся мне в свете луны, но улыбка была печальной, ведь он делал свою работу. Я намного быстрее научилась разнице между улыбками, чем хитрости с кражей яиц.

— Ну, Геклар, — окликнул он через плечо, — у нас вор. Похоже, я ошибся.

Фермер Геклар появился в поле зрения, жутко похожий на курицу, что еще пыталась клюнуть меня, взлохмаченный, носатый и с блестящими глазками. Он подошел и упер кулаки в бока.

— Я же говорил, что это не крокодилы.

— Я не ворую курицу, — быстро сказала я.

— А что это тогда такое? — страж направил рапиру на курицу и снова улыбнулся. В этот раз теплее, но взгляд выдавал его, когда он повернул руку.

— Курица, — я сдула с подбородка перышко и присмотрелась. Его костяшки побелели, ведь он слишком крепко держал легкое оружие. Наверное, болели суставы, может, была проблема с костяшками, но он ведь не был старым. Обычно суставы поражала старых рабочих пристани. Наверное, потому он работал, защищая куриц, а не аристократов. Мне явно не везло.

— Слушайте, — сказала я. — Я не хочу красть ее. Она мешала взять яйца.

Страж кивнул, словно понял, и повернулся к Геклару.

— Она просто голодна. Может, отпустим ее с предупреждением?

— Арестуй ее, идиот! Она поест и в Дорсте.

Дорст? Я сглотнула.

— Слушайте, два яйца на завтрак не повод бросать в тюрьму...

— Воры сидят в тюрьме!

Я отпрянула. Нога раздавила куриный помет. Его было много. Он свисал с каждого насеста. Здесь было столько помета, что можно было усеять берег озера.

— Я отработаю яйца. Может, за два яйца помыть вам курятник?

— Ты украдешь еще.

— Нет, если он будет следить, — я кивнула на стража. Я выдержу запах, если буду работать не одна. Может, ему доплатят, может, мне это поможет, когда мы с ним пересечемся утром. — Может, по яйцу за ряд?

Страж поджал губы и кивнул.

— Неплохое предложение.

— Арестуй ее уже!

Я выронила курицу. Она закудаhtала, царапаясь от паники. Страж закричал и уронил рапиру. Я сорвалась с места.

— Стоять! Вор!

Я могла обогнать фермера, хоть и на их территории, но стража? Может, у него и проблемы с руками, но ноги работали отлично, как и рефлексы.

Я обогнула гору сломанных насестов быстрее, чем он. Не замедляясь, я бросилась влево, срезав между кормушек, полных зерна. Я бежала параллельно им, это немного замедлило меня, но он догнал бы меня, если бы я побежала по прямой.

Свернув направо, я бросила одну из пустых бочек. Она с треском упала между мной и стражем.

— А-ах! — стук и впечатляющие ругательства.

Я рискнула обернуться. Обломки бочки валялись на земле. Страж прихрамывал, но это

не сильно его замедлило. Я лишь оторвалась на пару шагов.

Ряд расходился, дорогу пересекали насесты высотой до пояса. Я повернула влево к мосту рынка, в боку колело. Вряд ли я добегу до острова. Мне бы ферму покинуть.

Еще больше бочек мешали проход к мосту. Они были высотой по колено, они были перевязаны проволокой, как водорослями. Геклар вообще убирается? Я прошла мимо них раньше стража. Его пальцы схватили меня за край юбки и потащили. Я споткнулась, взмахнула руками, пытаясь за что-нибудь уцепиться.

Но падение остановила земля.

Я вдохнула дыхание, что было сложно после удара, и в рот набились пыль и перья. Страж сбил бочки и рухнул с воплем рядом со мной. Сухая кукуруза рассыпалась из бочки на землю.

Я выбралась из грязи, пока он ругался, держась за ногу. Он успел хорошенько удариться об обломки бочек, лодыжка теперь, похоже, была сломана.

Он посмотрел на меня и криво усмехнулся.

— Иди.

Я встала, но не побежала. Он потеряет из-за меня работу, и ему придется работать за гроши, как Геклар. Я опустила на колени и схватила его за руки, прижала большие пальцы к его костяшкам и прочертила.

Через миг наши руки нагрелись от исцеления. Он вскрикнул, я застонала, и его боль перешла моим рукам. Я оставила его рану на ноге, так он сможет объяснить, почему отпустил меня, и если святые помогут, работу он не потеряет. А если нет, у него хотя бы будут здоровые руки. Было сложно жителям Гевега нынче найти работу, а с его руками были бы дополнительные проблемы.

Костяшки болели. Я развернулась до того, как он понял, что я сделала. Я не первый раз исцеляла кого-то из жалости, но я старалась не делать такое часто. Иначе появятся вопросы, на которые я не хотела отвечать.

Я шагнула вперед, но что-то большое преградило дорогу. Геклар! Он замахнулся на мою голову, я пригнулась, но слишком медленно.

Боль пронзила висок, и я отлетела на землю. Геклар приближался, окруженный серебряными вспышками перед моими глазами, в его руке была черно-синяя дубинка из пинвиума.

И тут я все поняла. Мне повезло, что дубинка была дешевой, и он только ударил меня, а не выстрелил ею. Оружие было слишком черным, чтобы быть чистым пинвиумом, но достаточно синим, чтобы причинить много боли. Я не хотела этих атак, как и не хотела в темницу.

Он оскалился и направил дубинку на меня.

— Два грязных вора.

Не думая, я схватилась за лодыжку стража, очертила кость и вытянула из его лодыжки всю боль. Его боль прошла по моей руке, ударила по ноге, впилась в мою лодыжку. Ага. Сломана. Желудок сжался, но я еще могла отбросить эту боль.

Я схватила свободной рукой ногу Геклара и надавила. Боль стража промчалась по мне и через покалывающие пальцы прошла в Геклара. Я остановилась раньше, чем передала ему боль в костяшках. От этого он только сильнее сжал бы дубинку, что запустило бы чары. И тогда все зависело бы от моей удачи.

Геклар закричал так громко, что мог разбудить святых. Честно говоря, он такого не

заслуживал, но отправлять меня в темницу за украденные яйца тоже было нечестно. Это бы святых повеселило.

Впрочем, мои дела это не оправдывало. Я обещала больше так не делать. Но я обещала, когда жизнь была проще, а не такой, как сейчас. И становилось только сложнее.

Я оставила их лежащими в перьях и зерне и побежала прочь. Еще немного, и я выйду, а оттуда и до моста недалеко. Как только я пересеку мост, я буду на главном острове Гевег, в районе рынка, а там спрятаться легко. Если я добегу.

У моста на меня удивленно посмотрели двое парней в зеленой одежде Лиги целителей. Я замерла и оглянулась через плечо. Я видела стража и страдающего фермера. Парни точно заметили мою передачу боли.

— Как ты это сделала? — спросил один из них. Он был высоким и худым, но для его возраста у него был слишком тяжелый взгляд. Он был слишком юн для ученика. Был под чьей-то опекой, значит. Война оставила в Гевеге много сирот.

— Я ничего... не делала, — дышать было сложно. Я держалась за бок, пока проходила мимо них, выглядывая наставников или сопровождающих, что часто ходили с сиротами. Я боялась, что еще кто-нибудь увидел, как я передаю боль.

— Делала! — кивнул другой, рыжие волосы упали ему на глаза. Он отбросил их рукой в веснушках. — Ты передала боль. Мы это видели!

— Нет, я... я ударила его по ноге... гвоздем, — я склонилась, уперев руками в колени. Серебряные вспышки вернулись, я покачивалась. — Если присмотритесь... увидите кровь.

— Старейшина Лен сказал, что передача боли — лишь миф, но ты это сделала, да?

Я не знала, какой святой давал удачу, но я точно ему задолжала за пятнадцать лет.

— Идите лучше в Лигу... пока Светоч не узнал, что вы тут бродите.

Они побледнели при упоминании Светоча. Раз в три года мы получали нового, Целители герцога должны были пройти какой-то ритуал и доказать свое достоинство. Новым Светочем был басэери, и как всех басэери, которые занимали места гевегцев, его не любили. Он тут пробыл только пару месяцев, но все уже его боялись. Он управлял Лигой беспощадно, и если с ним столкнуться, то тебя уже никто не сможет исцелить. Как и твою семью.

— Вы ведь не хотите проблем?

— Нет!

Я прижала палец к губам.

— Я никому не расскажу, и вы молчите.

Они закивали, выпучив глаза, но парни в этом возрасте не умеют хранить секреты. Утром об этом будет знать вся Лига.

Тали меня убьет.

* * *

— О, Ниа, как ты могла?

Тали подражала разочарованному лицу мамы. Подбородок выпячен, карие глаза как у щенка, губы поджаты, но при этом она хмурится. У мамы получалось лучше.

— А ты хотела, чтобы я попала в темницу?

— Конечно, нет.

— Тогда не злись. Что сделано, то сделано, и...

— Я не могу этого изменить, — закончила она за меня.

Я была старше нее на три года, что обычно придавало мне авторитет. Но она, попав в

Лигу, забыла, кто старше. Это было сложно, ведь нас осталось всего двое, но она смогла.

— Радуйся, что я сбежала, — я плюхнулась на зеленые подушки на полу. Тали села на край кровати, одетая в форму целителя-ученика, из-под которой выглядывало белое платье, короткий зеленый жилет был застегнут. Лучик, падающий из маленького окна на нее, сиял на ее серебристой косе.

Дверь в комнату Тали в общежитии была закрыта, но пропускала звуки. Слышались шаги и смех других учеников, готовящихся к занятиям. Вскоре начнутся утренние уроки, и мне нужно постараться и найти, чем питаться весь день. Тали крада еду для меня, если получалось, но Лига давала порциями и следила за учениками и подопечными, особенно, если они были гевегцами. Хоть я и была голодной, но не могла заставлять ее рисковать из-за меня, это не стоило завтрака.

— У тебя занятия с утра? — спросила я, покачивая ногами в свете солнца.

Тали кивнула, но не посмотрела на меня. Наверное, кража обуви пугала ее больше кражи еды, хотя попасться в столовой было проще.

— Можешь? — я подняла болевшие ладони. Боль из-за костяшек стража делала меня бесполезной, а на спине я не смогу переносить столько, чтобы за это заплатили.

— Да, иди сюда.

Я придвинулась, и она взяла меня за руки. Вспыхнул жар, боль исчезла, уйдя в костяшки Тали. Она сохранит ее, пока какой-нибудь аристократ не заплатит Лиге, чтобы избавиться от боли, а потом она выпустит всю боль в Плиту. Было рискованно забирать так боль, но я не могла бы выпустить ее в Плиту, даже если бы добралась до нее.

Плитой ее называли ученики и низшие целители. На самом деле она называлась Зачарованным исцеляющим Пинвиумом, у него были особые способности. Я никогда не видела его, даже когда мама была жива, но Тали сказала, что это чистый пинвиум цвета океана и размером с тюк сена. Я могла всю жизнь питаться на ту сумму, в которую он обошелся Светочу.

Тали сжала пальцы и скривилась.

— Надо было продать это торговцам болью.

Я выдохнула. Торговцы болью не были ворами, но платили за боль так мало, что почти воровали ее. До моего рождения они помогали исцелением, как Лига сейчас, но они поняли, что получают больше боли, если будут платить за нее. Они использовали эту боль, чтобы зачаровывать талисманы и оружие, которые продавали аристократам из басэери дороже, чем они получили бы от исцеления.

Конечно, были в этом и минусы.

Они не нанимали умелых целителей, так что нельзя было верить, что от них уйдешь исцеленным. Некоторые их Забиратели просто крали твою боль и оставляли то, что не знали, как исцелить. И к ним теперь шли только те, у кого не было другого шанса, и я видела, как из-за этого гибнут бедняки. А еще кривые руки и ноги из-за плохого исцеления торговцев были заметны, как раны после войны.

Я почти была готова пойти к ним, но держалась в стороне по своим причинам.

— Слишком рискованно. А если они поймут, что я — Забиратель, и спросят, почему я не заглушила ее сама?

— Редкие умеют чувствовать. Из не Старейшин я знаю только тебя и еще нескольких.

Этот талант с завтраком мне не помогал. Я бы обменяла его на ее умение чувствовать пинвиум, чувствовать «зов металла», как Тали рассказывала мне все лето, пытаюсь заставить

мое умение правильно работать. Ей было двенадцать, мы хотели попасть в Лигу вместе. Стать из необученных Забирателей настоящими Целителями и хорошо жить. Лига была одним из мест, где заправляли басэри, в котором принимали гевегцев. Обе стороны потеряли слишком много целителей в войне, и обученных теперь не хватало.

Но как бы мы ни пытались, я не могла ощутить пинвиум, не могла отпустить в него боль. И я отпустила Тали одну, они приняли ее так же быстро, как прогнали меня. Сначала я дулась на нее, а потом чувствовала себя виноватой, когда поняла, что обеспечивать себя одну проще. Но было бы приятнее иметь мягкую кровать и еду по расписанию, как у нее.

Я встала.

— Я лучше пойду. Найду работу. Может, успею помыть пристань.

— Может, рискнуть и податься в Лигу еще раз? — прошептала она. — Несколько учеников не хватает, рук не хватает. Светоча это беспокоит.

— Почему не хватает? — я рухнула на подушки. Война закончилась пять лет назад, но я еще помнила ее начало. Целители пропадали в ночи, их забирали из домов для войны герцога Басэра. Мы не знали, что за война. Мы едва знали, кто такой герцог. Все быстро изменилось, когда пришли его отряды, захватили Гевег и украли наш пинвиум, пока наши Забиратели прятались.

— Не так, — сказала она с большими глазами. — Я так думаю. Старейшины сказали, что они ушли, потому что не справились со сложностью учебы. Люди слышали, как возмущался Светоч.

— Ты им веришь?

Она пожала плечами.

— Такое бывает, но люди должны были хоть попроситься.

Или они ушли не сами. Я отогнала тревоги. Не надо беспокоиться. Тали в безопасности в Лиге. Ест три раза в день, есть мягкая кровать, учится у лучших Целителей в Гевеге. Я такое сама получить не могла, как и дать ей.

— А еще, — продолжила она, — я подумала, что можно уговорить их дать тебе исцелять, а потом ты сможешь передавать боль мне, а я бы ее отпускала.

Сердце трепыхалось, как рыба на берегу.

— Ты же не говорила им обо мне?

— Конечно, нет! Но ты можешь исцелять. Можно работать командой.

Даже просить об этом бессмысленно и опасно.

— Нет, Тали, ты знаешь, что со мной сделают, если они узнают о передаче.

Эксперименты, темница, а то и убьют. Несколько лет назад герцог начал называть выделяющихся Забирателей отродьями, сказал, что таких нужно приводить в Лигу. Он развесил плакаты по всему Гевегу, в каждом квартале на острове, даже на маленьких островках фермеров.

Она пожала плечами.

— Я слышала, что требования для входа понизят, будут просить исцелять маленькие порезы и синяки, так что Светоч не заметит. А ты исцеляешь сильнее этого.

Но это исцеление не было таким, как у Тали, настоящим.

— Заметит. И это истощит тебя, а Лига не будет рисковать твоим здоровьем. Ты нужна им, — а если меня не отправят в Басэр, то я бесполезна для них. Я же забирала боль до того, кто корчилась от нее сама и не могла двигаться.

— Ладно, — сказала Тали после очень длинной паузы, — если не хочешь работать

здесь, в следующий раз кради целую курицу. И она будет давать тебя каждое утро яйца.

Я улыбнулась, хоть и хотела работать в Лиге и быть настоящим Целителем. Я знала, что этого не случится.

— Куриный помет в пансионе? Милли это не понравится.

— Так укради и насест. И зерно. Можно нарвать камыш для гнезда.

Я пыталась держаться, но мысль о насесте в комнате меня добила. Прорвался смех. Мы с Тали катались со смеху, как дети, держались за бока, в глазах стояли слезы, пока не прозвенел звонок.

Тали встала, ее плечи тряслись. Она откинула светлую косу Целителя за плечо, звякнули нефритовые и золотые бусины, вплетенные в волосы. Ее волосы были гладкими и прямыми. Я не могла выпрямить свои утюжком. Как и Тали, но Лига хотела, чтобы ученики были опрятными, потому могли дать и утюжки, и пудру. Аристократы не хотели, чтобы их исцеляли неряшливые дети, а после войны в Гевеге остались только такие Забиратели. Им пришлось дать учителей и Старейшин из Басэера, чтобы обучить нас, и первые четыре класса гевегцев уже учились. Через год они будут Целителями, смогут уйти и искать счастья, хотя большинство останется в Лиге.

— Ты будешь в порядке? — спросила она. — Когда ты в последний раз ела? Я попробую украсть немного еды.

— Я буду в порядке, — желудок заурчал, и она закусила нижнюю губу, тревожась.

Она быстро кивнула, а потом обняла меня.

— Будь осторожна.

— И ты. Никуда не ходи она, хорошо? — я обняла ее в ответ. От нее пахло фиалками и имбирем.

— Обещаю.

— Иди и лечи больных, малышка, — она рассмеялась.

— Иди и рыбачь, — она улыбнулась, но была тревожной. Может, думала о пропавших учениках, может, дело было в боли, что она забрала у меня.

Мы покинули ее комнату. Тали пошла влево, в больничное крыло, а я — вправо, к выходу на другой стороне главного холла. Этот выход был близко к пристани, и стражи северных врат Лиги всегда меня пропускали. Я была уверена, что худому я нравилась, но я скорее поцелую крокодила, чем кого-то из Басэера.

Я пересекла вестибюль, снуя между десятка людей, ожидавших исцеления. Зеленые, белые и серебряные ученики спешили по задней лестнице, срезая путь.

— Это она!

Я поспешила, пока меня не поймали. На меня указывали двое подопечных, у них были такие же большие глаза, как и ночью. Святые и грешники! Еще больше невезения нужно поискать.

— Это она передала боль, — сказал подопечный громко, чтобы повернулись голову. Некоторые остановились, чтобы увидеть. — Она забрала ее у одного человека и толкнула в другого. Мы это видели, да, Синнот?

Пустой желудок сжался. С подопечными стоял Старейшина в золотом. Восемь кос свернулись на его плечах, как гадюки, концы свисали на одеяние. Рукава были выглаженными, а руки — большими, а черные волосы с бусинами были связаны сзади. Мама назвала бы его рослым.

Он поманил меня пальцем к себе.

— Иди сюда.

Если сбегу, будет еще подозрительнее.

Непослушание тоже было бы подозрительным. Я тогда не пройду стражу, даже если и нравилась там парню.

— Ну, девочка.

Ничего хорошего эти слова не сулили.

Я шагнула вперед, думая, сколько раз кормят в тюрьме Дорста.

ДВА

Старейшина смотрел на меня, выглядя твердо, как колонна, что поддерживала балкон за ним. Он скрестил руки на широкой груди и постукивал пальцем по бицепсу. Мужчина в мантии не должен был выглядеть грозно. Для этого придумали броню.

— Ваше имя? — спросил он.

— Мерлиана Осков, — Тали снова будет сердиться на меня, как мама, за ложь, но если Старейшина узнает имя, будут проблемы страшнее. Они боялись лишь Светоча, а тот — герцога, как и все назначенные военные лидеры Гевега. Было опасно попадаться им на глаза.

— Ты знаешь этих ребят?

— Нет, сэр.

Общительный парень широко раскрыл карие глаза и рот.

— Но...

— Я работаю от заката до рассвета в таверне, — быстро сказала я. — Не знаю, откуда парням пересечься со мной в такое время.

Синнот ударил друга по руке.

— Похоже, это не она.

— Это она. У нее даже та же грязная одежда.

— Ошибаешься.

Старейшины Лиги не были дураками, но мне нужно было, чтобы с этим все было иначе.

— Когда вы видели ее? — спросил он.

— В три, — сказал парень.

— В пять, — сказал в тот же миг Синнот. И скривился.

Старейшина улыбнулся, а потом потянулся к моей руке.

— Пойдем со мной.

Я отпрянула. Если кто-то снова похищал учеников, я не хотела оказаться в комнате обработки Лиги.

— Простите, но я не могу. Мне нужно домой.

— Твоя семья поймет. Идем! — Старейшина быстро схватил меня за руку. Его глаза стали огромными, а потом он прищурился. — Ты Забиратель.

— Пустите! — мой крик эхом разносился по прихожей. Головы в бусинах оборачивались, все замерли и смотрели. Зеленые жилетки появлялись среди серого камня, все хотели посмотреть. Мужчина, идущий за Старейшиной, остановился и, хмурясь, посмотрел на меня.

— Хватит бороться, девочка... Я тебя не обижу.

Но он уже причинял боль. Кожа пылала там, где его пальцы впивались в мою руку. Он был сильным.

Парни раскрыли рты. Толпа глазела. Никто не приходил на помощь. Да и с чего бы? Я была для них крысой, никто не спорил со Старейшиной, хотя я могла поклясться недельными обедами, что, будь у меня черные волосы как у басэери, кто-то выступил бы в защиту.

— Я сказала пустите, — я ударила его по колену, пачкая его белые штаны. Он отпустил, с шипением вдохнув.

Я побежала к северным воротам, пересекла зал и нырнула в соседнюю комнату. Ученики и подопечные расступались. Крики и звон заглушали хриплые приказы Старейшин, но я догадывалась, что там за приказы. Стражи, схватите девчонку. Заприте ее, избежите ее, поймите, не враг ли она.

Я проникла сквозь толпу учеников к выходу и открыла дверь. Солнечный свет обещал свободу, но я еще не покинула территорию Лиги. Северные ворота блестели впереди. Медь звенела о камень, а я выбежала наружу.

Сердце колотилось. Я скользнула в толпу, пришедшую на исцеление. Люди заполняли круглый двор из известняка, их было больше, чем рано утром, но не многие попадали внутрь. Дети в бархате играли среди бабушек в хлопковой одежде. Фермер в грязном комбинезоне прижимал окровавленную руку к груди. Десятки рыбаков, солдат, торговцев и слуг смешались, словно все были попрошайками. Я пробивала локтями путь, научилась двум новым ругательствам от одного из солдат у моста при этом.

На краю Круга Лиги мосты и каналы расходились колесом к остальному Гевегу. Пары солдат стояли на каждом углу, некоторые были настороже, другие прижимались к фонарным столбам. Несколько лодок покачивалось в конце пристаней, аристократы басэери выходили из них, их стражи не отставали. Слева, сколько хватало взгляда, сверкало озеро, уже усеянное рыбацкими лодками.

Я замедлилась, чтобы не бросаться в глаза ближайшим солдатам. К счастью, они скучали и не смотрели в мою сторону. Я перепрыгнула низкую каменную стенку и упала под ближайший мост, раздавив при этом водяную кувшинку. Холодная вода залила ноги. Я стояла по колено в озере и цветах, стараясь не думать о крокодилах.

Если учесть, что я только что ударила Старейшину, это было не сложно. Крокодил мог вцепиться и утащить под воду. А Старейшина, что злился на меня, мог выгнать Тали из Лиги. Он мог заставить ее отплатить. Он мог...

Почему меня не преследовали стражи Лиги?

Я встала на носочки и прислушалась. Шаги, кашель, нервное общение в толпе, но криков не было. И топота тоже. Он дал мне ударить его и убежать?

Я медленно выбралась на берег озера к стенке и перепрыгнула ее. Никакой стражи. Даже толпа не шумела, по двое или по трое, люди ходили, опустив головы. Может, Старейшина подумал, что найдет меня в баре. Я улыбнулась. Он не найдет нигде Мелану. Или это была Мелетта? Плевать. Ее уже нет.

Стражи могли искать меня, но ярко-зеленую форму Лиги было легко заметить. Люди расступятся, если заметят вооруженных людей.

Мой желудок заурчал. От этого болью скрутило все внутри, я пропустила завтрак. И обед. И ужин. Я пошла к пристани, но инстинкт говорил, что уже слишком поздно там что-то искать.

* * *

— Корабли уплыли, Ниа. У меня ничего нет для тебя.

— Прости, Ниа. Я уже попросил двоих парней убрать на пристани. И за это много не дал.

— Если бы ты пришла раньше, у меня еще были бы телеги для погрузки, но это уже сделано.

У всех были похожие ответы, хотя несколько выглядели расстроенными из-за этого. Особенно Барников, который обычно находил для меня что-нибудь. Он потерял трех дочерей, и ему нравилось, что я приходила и слушала его истории, пока он ощипывал уток, но сегодня тут лодок не было.

Как не было и работы в пекарне, и у мясника было достаточно людей, чтобы ощипывать куриц и цесарок. Стеклодув уже нашел работу двум девочкам, носившим песок, и я не понадобилась. Парни моего возраста ждали у кузницы, хмуро глядя на знакомую девушку. Айлин танцевала у стены сада из речного камня возле заведения, где могли показать представление, если заплатишь ужасные цены за их еду, воду и развлечения. Она сияла, бледные плечи выделялись среди темно-красного с золотым платья. Желтые бусы обвивали ее шею, такие же бусинки блестели на ее коротких рукавах.

Я пошла к ней. Мимо нее каждый день проходили офицеры, аристократы и торговцы, чтобы тратить украденные деньги, и Айлин знала больше сплетен, чем отряд старушек. Если у кого-то была работа для меня, она бы знала, а мне нужно было скорее заработать на еду. Мои карманы были пустыми, как и живот. За жилье я заплатила до вчера, и я могла немного избегать Милли. Летние ночи не дадут замерзнуть, но девушке все же не стоило ночью спать под кустом. У нее возникло бы много проблем в синей форме.

Я шла среди потока людей, а потом забралась на стену.

— Прошу, скажи, что ты знаешь о любой работе. Мне нужны хорошие новости.

— Привет, Ниа, — она отбросила длинные рыжие волосы и помахала хорошо одетому прохожему торговцу. Он приподнял расшитый воротник и проигнорировал ее. — О, как всегда. Что, всю работу уже разобрали?

— Я поздно пришла. Думаешь, надсмотрщику каналов нужен сборщик листьев? — водяные кувшинки заполняли собой каналы каждое лето, мешая лодкам плавать по ним. Работа была опасной, но за нее хорошо платили.

— Хочется поиграть с крокодилами?

— Хочется поесть.

Ее улыбка исчезла.

— Все так плохо?

— Иначе стала бы я искать для себя риск?

Ее улыбка вернулась.

— Эй, красавчик, заходи! У нас лучшие танцовщицы на всех Трех землях, — позвала она мускулистого солдата в синей форме басэери. Он ткнул друзей локтями и помахал, но не зашел. — Нет, ты умнее этого. Я рассказывала как-то Кайде, как ты...

— Айлин, там есть работа?

— О, нет, уже нет. Доброе утро, господа! Заходите, три пьесы в день, лучшие актеры в Гевеге! — еще солдаты прошли мимо, они были с сине-серебряной скопой на грудях. Солдаты басэери всегда заполняли улицы, но я еще не видела столько патрулей с начала оккупации.

Мне хотелось оказаться в другом месте.

— Почему здесь столько солдат сегодня?

— Верлатта в осаде.

— Серьезно?

Она кивнула, ее ракушки-серьги покачивались в такт с бедрами.

— Офицер басэери остановился поговорить прошлой ночью. Он собирался вверх по реке. Сказал, Его герцогство направился к шахтам пинвиума в Верлатте.

Даже солнце не могло избавить меня от дрожи. Басэер был через двести миль отсюда вверх по реке, на границе Трех земель с северной рекой, но казалось, что герцог снова дышал в наши шеи. Он уже завоевал Сорилль и теперь управлял большей частью хороших для земледелия территорий, но у него не будет шахт с пинвиумом, пока он не завоюет нас. Мы старались отбиваться, вернуть свободу, но это не работало. Как только он получит Верлатту, он будет править Тремя землями, которым его прапрадед дал независимость давным-давно.

— Сначала наши шахты, теперь их. Разве герцогу не хватит пинвиума для всех в Басэере?

Она пожала плечами.

— Это не для исцеления, а для оружия. Если он перестанет тратить пинвиум на оружие, ему столько и не понадобится. Это жутко. Он жадный. Сам виноват.

Айлин была права, но это было куда страшнее, как по мне. Посылать солдат в бой, использовать их боль, чтобы наполнить оружие с пинвиумом, чтобы нападать на остальных людей и красть их пинвиум, чтобы исцелять свой народ, потому что весь пинвиум ушел на создание оружия. Глупо. Просто глупо.

— Людей много, — отметила Айлин, глядя, как беглецы спешат покинуть паром. Герцог давно расставил посты проверки на основных мостах и дорогах, без печати басэери никого не пропускали. Получить печать было не сложно, просто нужно было отдать все, что у вас есть. Люди пытались их подделать, но наметанный глаз солдат замечал это.

— Слишком много людей, — согласилась я. Семьи в полосатой одежде с яркими расшитыми воротниками, популярной одеждой в Верлатте, шагали рядом с семьями в лохмотьях. Все несли мешки или корзины, наверное, это все, что они успели взять, покидая Верлатту.

И теперь все они тоже будут искать работу в Гевеге.

Я посмотрела на магазин торговца болью, его вывеска болталась на ветру. Дразнила. Манила. Соблазняла. Может, стоит рискнуть. У многих беглецов я могла украсть немного боли, одна такая продажа обеспечила бы меня на несколько дней. Нужно лишь найти кого-то в синяках или порезах, но не слишком серьезно раненого, чтобы Забирателя не заподозрили. Их недостаток обучения мог быть удачей для меня.

Может, Айлин знала, какие Забиратели не поймут? Она бы захотела знать причину, и хотя мне нравилась Айлин, я не знала, умеет ли она хранить секреты. В Гевеге было пять магазинов торговцев боли, и шансы найти Забирателя, что не поймет...

На нас смотрел мужчина, почти скрытый за кустом гибискуса на расстоянии двух магазинов. Он был одет странно — в желтый и зеленый шелк. Он ничего не нес, значит, был не с парома. Сын аристократа? Он перевел взгляд с меня на Айлин, его губы знакомо оскалились.

— Я лучше пойду, посмотрю, не нужна ли помощь на рынке, — сказала я. Это место принадлежало басэери, и я не волновалась, что моя грязная одежда и растрепанные волосы испугают клиентов, но я не хотела портить Айлин работу. — Дашь мне знать, если услышишь о работе?

— Конечно.

Я спрыгнула со стены, мир закружился.

— Полегче, — Айлин схватила меня за руку и удержала на ногах. — Ты в порядке?

— Голова закружилась. Слишком быстро двигалась.

— Ты такая тощая, что я смогла бы тебя сунуть за пояс. Тебе дать денег на еду?

Она полезла в карман.

— Нет, спасибо, я в порядке, — быстро сказала я. Я не могла отплатить ей в ответ, а бабуля говорила, что долг убивал дружбу.

Она нахмурилась, словно не поверила мне, но не продолжила.

— Передавай Тали привет.

— Хорошо.

Все покачивалось, но я старалась идти ровно, не беспокоить ее. На рынке фермеров я заметила крупную женщину с корзиной, полной хлеба. Не аристократка, но ее розовая рубашка сочеталась с узорчатой юбкой, не выглядела поношенной, значит, она на кого-то работала. Может, на кухнях. Она разглядывала манго, поднимала по одному и нюхала. Желудок снова причинял мне боль, добавлял вины за то, что я готова была сделать из-за голода, но никто не нанял бы девушку, что падает в обморок.

Я шаталась, пока шла, я слабо толкнула ее к ящику с манго. Несколько откатилось. Она закричала и схватилась за край стола, уронила корзинку и фрукт на камни.

— Простите! — я опустила на колени, подняла ее корзинку, пока она не перевернулась. Хлеб в ней был хорошим, теплым, пах корицей, был укутан в ткань. — Вот. Надеюсь, не испачкалось.

Она забрала корзинку из моих рук.

— Дура! — выругалась он. — Смотри, куда идешь.

— Простите. Вы правы, стоило смотреть, куда я иду. Мне нет прощения, — я сунула два манго в карман, три других протянула ей. — Думаю, это все.

Она посмотрела на мои светлые волосы и фыркнула.

— Бесполезная.

— И вам хорошего дня, — я поклонилась.

Она фыркнула и вернулась к покупкам.

Я выждала пару ударов сердца. Криков не было, на меня не побежал злой фермер, требуя оплаты. Я скользнула в толпу, дала потоку нести меня прочь от рынка.

Колени дрожали, я опустила на траву под пальмой перед магазином кожаных изделий Тривент, прижалась к стволу, вытянув ноги. Мадам Тривент не обиделась бы за это, а тут никого не было. Пустое место в Гевеге было редкостью.

Я прокусила кожицу манго, выпила сок, игнорируя возмущения желудка, пока я жадно глотала. Первый я съела быстро, потом начала второй, но уже медленнее.

Я пропустила утреннюю работу, но она была и после обеда. Рыбацкие лодки возвращались днем, и я ходила туда, чтобы поработать на разгрузке улова. «Закат» был удачлив на этой неделе. Они задержали меня в прошлый раз на пару часов дольше остальных рыбаков, похвалили мою работу.

Я замерла. Станный человек вернулся и смотрел на меня из-за ограды. На меня, а не Айлин. Я не видела хороших причин, и он мог быть из Лиги. Лига! Там я его и видела, он проходил за Старейшиной.

Манго застрял в горле. Он подслушал, что я могу забирать боль, и начал преследовать?

А если это ищейка? Я не слышала о них после похищений на войне. По слухам они искали для нас и герцога, чтобы Целители, которых они ловили, не знали, какой стороне придется служить. Шептали об ищейках и духах болот. Но только ищейки были настоящими.

Жуй. Не дай ему понять, что ты его увидела. Болота слишком близко, чтобы прятаться в воде.

Будет ли он ловить меня на виду или...

— Кыш, девчонка! — эти слова всегда были бедой. Мадам Тривент стукнула меня метлой по голове. Солома задела уши и вырвала немного волос.

Манго упал на землю. Я схватила его и вскочила на ноги, пригнулась, пока она дико размахивала.

— Ухожу, ухожу.

— Не смей отпугивать моих клиентов, — она вымела меня, словно мусор, на улицу. — Не возвращайся!

Люди старались избегать меня. Солдаты не любили шум, а люди не хотели оказаться притянутыми к этому.

Я медленно развернулась, но не нашла желто-зеленый шелк за кустом, деревом или углом. Голод мог играть с разумом, но я не думала, что он мне показался.

Я прошла к волне беглецов. Дом звучал хорошей идеей. Если я буду тихой, то странный человек оставит меня в покое.

Глупая мечта. Ищейки не отпускают. Они нападут посреди ночи, и никто уже вас не увидит. Заставят исцелять солдат. Поддерживать мятеж. Бороться с герцогом. Выгонять его из Гевега. Оставить пинвиум в Гевеге.

Это было бесполезно.

Но я была бесполезна для Лиги, и у Гевега уже не было солдат, чтобы исцелять, чтобы они боролись. Лига даже не знала, кем я была. Я рассказывала только Тали, и она не сдала бы меня. Как же...

Я вдохнула. Стражи северных врат. Они знали меня. Они видели, как я убежала, перепуганная, как кошка.

Я бежала по последнему кварталу к дому Милы. Он был на краю канала Концепруда, недалеко от этого места выбрасывали мусор из куриных ферм. Вид был неплох, но запах сбивал цену. Я забралась по ступенькам к своей комнате на третьем этаже.

Моя дверь была закрыта.

Я не платила всего день. Милли никогда раньше меня не выгоняла за это.

— Деньги принесла? — Милли стояла в конце коридора, тонкие руки были скрещены на груди. Ее ушам позавидовала бы летучая мышь.

— Будут к вечеру. Клянусь.

Она вскинула руки и фыркнула, а потом пошла вниз.

— У меня твои вещи. Забери, пока я не продала.

— Милли, прошу, дайте пару часов. Я заплачу, как только придут лодки.

— Три семьи ждут комнату.

— Прошу, вы же знаете, что я хорошая. Завтра заплачу вдвойне.

— А люди хотят заплатить так сейчас, — она ткнула мне в руки корзинку с моей одеждой, а потом вытерла руки о фартук. Белые облака муки поднялись в воздух. — Иди к своей сестре.

Милли знала, что Лига проверяла комнаты. Ее сына Лига выгнала. Сказали, что ему не

хватает таланта. Не мог и царапину на колене исцелить. Его выгнали и торговцы болью, хотя там не требовалось особого таланта. Новые ругательства всплыли в голове, но я прикусила язык. У Милли были самые дешевые комнаты. Она могла легко выгнать меня или вернуть. Только она в Гевеге поверила, что мне семнадцать, что я могу платить за комнату.

Я вышла на улицу, сжимая в руках корзинку, полную моих вещей. Две блузки, штаны, три разных носка. Я подняла голову. Слезы капали на руки. Мне нужно найти за полдня работу. Может, я смогу попроситься распутывать неводы. Барников может пустить меня переночевать в сарае, если я там уберу. И всегда был...

Я задохнулась.

Святые, спасите, странный человек вернулся.

ТРИ

Сила покинула мои ноги, я рухнула на сорняки на краю двора Милли. Я села, скрестив ноги, с корзинкой на коленях, уткнувшись в нее головой. Слезы не прекращались и стучали по прутьям корзинки.

Мужчина смотрел с другой стороны улицы. Смотрел, как я сидела и плакала. Открыла корзинку и вытащила носок. Высморкалась в него. Спрятала обратно. Он поймал мой взгляд. Не двигался. Я не знала, моргал ли он.

Мне стало не по себе.

— Ниа?

Я вскрикнула. Так сделала и девочка с хвостиками, которую я не заметила рядом с собой. Водоплавающие птицы у озера взлетели, хлопая крыльшками, как простыни в бурю.

— Энзи! — возмутилась я. Она делила комнату с Тали в Лиге, пока они не начали учиться на Целителей. Но я никогда не видела ее без формы Лиги. Она напоминала теперь девочку с лентами и в простой серой рубашке и штанах, как у меня. Ее одежда была новее, не было пятне на коленях и локтях. — Ради святой Сэи, не подкрадывайся так.

— Прости, Ниа, — Энзи опустила на траву рядом со мной. — Тали просила передать сообщение.

Я задрожала.

— Она в порядке? — если она в беде из-за меня, я брошусь к крокодилам.

Энзи кивнула.

— Она хотела, чтобы ты пришла к ней в красивый круг к трем. У дерева.

Цветочный сад. Тали называла его «красивым кругом» в четыре. Мы проводили там пикники, сидели на синем покрывале под большим деревом инжира.

— В чем дело, Энзи? — Тали никогда так не делала. Она или говорила сразу, или вообще не говорила.

— Не знаю, — она отвела взгляд зеленых глаз, прикусив губу.

— Ты можешь рассказать мне.

— Не знаю, честно. Но я боюсь.

Я обняла ее. Бедняжка. Ей было всего десять. У нее был талант, хотя она не могла использовать его еще два года. Сила гудела в ней, как мост, когда по нему шли солдаты.

— Все хорошо, Энзи.

Она всхлипнула, цепляясь за меня. Я водила ладонью круги по ее спине. Мужчина смотрел. Я пристально смотрела на него с вызовом, хотя я не знала, из-за чего.

Но он отказался. Отвернулся и ушел.

Я обняла Энзи крепче, вдруг испугавшись, как она, не зная причины.

* * *

Я прошла три мили по Гевегу к садам, они были на другой стороне островов от Милли. Хотя сады были открыты людям, они был в районе аристократов. Припудренные женщины с жемчужинами, вплетенными в высокие прически из темных волос, смотрели на меня, пока я шла к воротам. Солдаты басэери стояли у всех четырех входов, мешая пройти людям, которых аристократы не замечали, что означало, что они не давали пройти всем, кто не был из Басэера. Они не должны были так делать, порой их можно было уговорить, если вид был опрятным, если говорить четко и прямо, но никто не заходил с корзинкой с одеждой. Бездомных не пускали никогда.

Она выбрала сложное место для встречи.

Я обмакнула носок в озеро и постаралась умыться, а потом спрятала корзинку под раскидистым кустом гибискуса неподалеку от восточного входа. Чистая? Отчасти. Смогу говорить четко? Хоть мямлить не буду.

Солдат смотрел, как я приближаюсь. Я не замедлилась, поравнявшись с ним, показывая, что хочу войти, что уже так делала.

— Простите, мисс, — он выступил вперед и преградил рукой проход, напоминая одно из деревьев, что росли внутри. Высокий, широкий, коричневый с золотом сверху. Странно было видеть светловолосого басэери. Почти все они были с черными волосами, что блестели на солнце, как крылья ворона. Но у него был острый нос и подбородок басэери. Может, он был похож на птицу на дереве. Или птицу в дереве.

— Да?

— Ваше дело там?

— Встречаюсь с сестрой.

Он посмотрел на меня с неохотой в темных глазах. Там была и доброта, это можно было использовать.

— У нее день рождения.

— Не думаю...

— Наши родители приводят нас сюда каждый год, — я не могла остановиться. — Мы шли к мосту и, если ветер дул правильно, его покрывали розовые лепестки. Они падали как дождь, в воздухе пахло так сладко, что глаза слезились, — как у меня сейчас. Я не думала о таких празднованиях годами.

Его строгое выражение лица дрогнуло, он опустил руку и кивнул.

— Заходи. Передай сестре наилучшие пожелания.

— Спасибо. Передам.

Сады поприветствовали меня. Холодная тень скрыла от города, воздух пах так, как я и помнила. В этот раз ковра из цветов не было, но трава казалась густой и мягче всех кроватей, на каких я спала за последнее время. Ветки наверху задрожали, одна обезьяна побежала за другой, вопя. Я прошла под арками, деревья шептали, и мне всегда казалось, что так они рассказывали мне свои секреты. В этот раз говорить будет Тали.

Она ждала на скамейке из красного мрамора под большим инжиром на краю озера, яркое пятно среди зеленого и коричневого.

— Я прошла, представляешь? — крикнула я. Улыбка была почти искренней.

— О, Ниа, — она вскочила со скамейки и обняла меня, ее слезы намочили то же плечо,

что и Энзи. Мне стало не по себе. Ее выгнали из Лиги?

— Что случилось?

— Вада пропала.

На один ужасный миг я была рада. Тали еще училась. Вада была ее лучшей подругой в Лиге, множество наших недавних встреч заканчивались так: «Ладно, мне пора. Нам с Вадой нужно учиться...». Я бы не встревожилась, если бы Вада покинула Лигу, я бы даже была рада, если бы ученики уже не пропадали.

— Уверена, что она не отправилась домой на пару дней?

— Она бы сказала мне. Мы все друг другу рассказываем.

Все?

— И обо мне?

— Конечно, нет! — Тали вытерла глаза и села с вздохом на скамейку. — Это не связано с тобой. Что-то не так, точно. Она — четвертый пропавший за неделю ученик.

Святые, спасите, это случилось снова. Но зачем Лиге похищать своих учеников?

Тали мяла юбку, костяшки пальцев были белыми, как ткань.

— Люди задают вопросы. Четыре девочки не могли просто уйти посреди ночи, парни говорят, что и их друзья пропадают. Они ограничили количество людей для исцеления, потому что нас стало меньше. Наставники просят не беспокоиться, но они ведут себя так, словно что-то не так, но они не хотят нам рассказывать.

У меня снова задрожали ноги. Ученики пропадали. Меня преследовали. Верлатта в осаде. Как при войне, только в этот раз не было на улицах криков о независимости. Тали нужно быть осторожной, как и всем нам.

— Тали...

— Я боюсь. Я слышала кое-что от первогодок, — она прикрыла рот рукой и склонилась ближе. — Говорят, порой Плита отвергает Целителей. Словно не хочет их боли.

— Что? Тали, нельзя верить всем слухам. И первогодки едва ли старше меня. Слушай...

— Но они закончили обучение. Они могут знать.

— Они не знают столько, и они вряд ли получили больше одного шнура.

— Они говорили о тебе тоже.

— Первогодки? — сколько людей знало обо мне? Конечно, меня вынюхали, словно от меня пахло рыбой.

— Нет, Старейшины. Не по имени, но ходит слух весь день по общежитию о девочке, что может преобразовывать боль. Фермер прибежал на исцеление с самого утра и рассказал историю, что слишком хороша, чтобы молчать. Старейшины спрашивали у меня о тебе. Даже прервали исцеление для этого.

— Почему ты сразу не сказала?

— Они спрашивали у всех. И они зовут тебя Мерлианой, так зачем переживать? Никто о тебе не знает, кроме меня.

И ищейки. Даже если у него не то имя, он знал мое лицо, а теперь знал и Айлин.

Сильный порыв ветра отбросил мои кудри назад, волосы Тали зазвенели. Мы вскинули головы и посмотрели на озеро, что было таким большим, что не было видно другого края. Темные тучи охватили горизонт, отражая горы на другом конце города. Некоторые горы давали Гевегу пинвиум, цель таких, как герцог. Несколько рыбацких лодок стояли у берега. Бури были ужасными, и мы получали сполна каждое лето.

Тали дала мне краюшку хлеба и половину банана, завернутую, казалось, в страницу ее

учебника.

— Стащила для тебя с обеда. Прости, это все, что получилось взять.

— Спасибо, — я проглотила еду, надеясь, что смогу думать лучше. — Что хотят сделать со мной Старейшины?

— Они не говорили. Я хотела узнать, но боялась вызвать подозрения вопросами.

Я проглотила остатки хлеба. Без корицы или масла, но все равно вкусный. Жаль, внутри не было ответов, как в особом печенье, что мы делали на День всех святых.

— Тали, тебе нужно быть осторожнее. Там...

— Знаю. Они не должны знать о тебе. Я глупо подумала, что Лиге будет все равно, что ты не обычная. Они запрут тебя или отправят в Басэер, чтобы герцог сделал тебя убийцей.

— Стой, — я вскинула руки. — О чем ты?

— Утром на уроке истории Старейшина Бейт вел себя странно, рассказывал странные истории, постоянно оглядываясь, словно кто-то мог войти. Он сказал, что герцог использовал Забирателей как убийц, потому важно докладывать ему, если такого найдут. Я сразу подумала о тебе, — ее глаза сияли. — Как думаешь, есть ли еще такие, как ты? Потому ему так хочется получить Забирателей? Может, ты не одна!

Гром низко заворчал, свежий порыв ветра зашелестел листьями. Не только я? Святые, я надеялась, что это не так, но если это правда, то странный мужчина мог выслеживать всех нас.

— Тали, ты не спрашивала на уроке ничего, чтобы это выдало меня? Не давала намеков, что ты кого-то такого знаешь?

— Ниа! Я бы так не сделала.

Я пожевала остатки ногтя большого пальца. Может, тот мужчина был шпионом басэери. В городе всегда были шпионы, они могли следить за кем угодно. Повезло, что его не было, когда меня выдали те парни.

В какой я опасности?

— Тали, меня преследует ищейка.

Она вскрикнула и спешно огляделась.

— Здесь? Сейчас?

— Нет, но так было сегодня, — я схватила ее за плечи, паника была заметна в ее глазах. — Он ушел, когда пришла Энзи.

— Он видел Энзи?

— Она была не в форме, а он был слишком далеко, чтобы ее услышать. Не думаю, что он знает, что я пришла сюда, — я не была уверена, но я вряд ли увидела бы его, если бы он захотел скрыться. — Осторожно выбирай тех, кому доверяешь.

— Обещаю, — слезы лились из ее глаз, оставляя следы на щеках. — Думаешь, он забрал Ваду? И остальных?

— Не знаю.

Она обняла меня, уткнувшись головой в мое плечо.

— Ищейки забрали маму.

Нет, она ушла сама, как и папа, чтобы сражаться, но к концу войны ищейки не только уводили простых Забирателей. Он уводили и Старейшин из Лиги, личных целителей аристократов, ни один Забиратель не был в безопасности.

Пахло жимолостью и дождем, и под деревом инжира я представляла синее покрывало, на котором стояли миски с картофелем и жареным окунем, и мама мешала свой особый

салат с бобами, пока папа намазывал на хлеб масло.

Опять война. Опять нужны Забиратели. А если Забиратель мог не только исцелять? А если теперь они пришли за мной, чтобы я исцеляла в первых рядах или делала что-то ужасное?

* * *

Буря сразу отогнала лодки. Ветер приносил капли на мои щеки, они промочили мою одежду. Но это не прогнало меня с пристани, ведь еще оставался шанс получить комнату обратно раньше, чем странный мужчина забрал меня и превратил в убийцу. Жаль, что дождь не прогнал остальных. Десятки людей стояли в ряд у разгрузки с корзинками в руках. У некоторых были даже дети, цепляющиеся за их ноги или дрожащие на руках. Никто не возражал, что первых выбрали родителей, но многие кривились. Зато здесь ищейка не посмеет забрать меня, ведь кто-то увидит, даже если им все равно.

Работу быстро выполняли. К закату приплыло только одно судно, а человек сорок толкались, чтобы привлечь внимание управляющего. Я пнула его после того, как он меня ущипнул, и пошла прочь, дрожа под дождем в свете угасающего солнца.

Куда мне идти? Я забрала скрытую корзинку и села в сухом уголке, почти скрытая кустом гибискуса. На озере пустые рыбацкие лодки плыли к пристаням, два парома с людьми, ищущими работу и комнаты, ждали сигнала выходить на причал. Был и переполненный речной паром из Верлатты, этот флаг хлопал на мачте. А еще был маленький паром на озере, что забирал людей с Кофейного острова, крупнейшего из фермерских. Каждые несколько секунд было слышно треск, волны сталкивали паромы. Я хотела закричать, чтобы они спасались. Но крики меня до добра не доведут.

Скрип пронзил воздух, на миг я подумала, что я все же кричу. Я уронила корзинку, она выкатилась под дождь, набрала скорость на склоне берега озера. Загремел гром, а я выбежала из сухого уголка. Ноги скользили на земле, я упала на колени, но поймала корзинку раньше, чем она упала в воду.

Еще визг, словно свиней ведут на заклание. Маленький паром завалился набок, врезался в большой паром. Приглушенные крики смешивались с дождем. Выл ветер, снова раздался треск.

Я прижала корзинку к груди, кусок палубы оторвался и упал в бушующие волны. Поплыли бочки. Вспыхнула молния, озаряя людей, падающих в воду. Святые, жальтесь! Я оглядела берег, но не знал, чего искала. Лодки спасателей? Тросы?

Толпа на пристани бросилась вперед, но они могли лишь раскрывать рты и тыкать пальцами.

— Делайте что-нибудь! — закричала я. Ветер проглотил мои слова, но меня все равно не послушали бы. Паромы сталкивались. Пассажиры летали по палубам, скользили на влажном дереве. Волны и ветер отгоняли маленький паром все дальше по воде. Он ударился о стену канала и отскочил. Волны набегали на стены, паромы, берег, становясь все выше.

А люди ничего не делали.

Уронив корзинку, я побежала к офису паромщика и застучала в дверь.

— Помогите! Людям нужна помощь!

Никто не отвечал. Они уже пошли что-то делать? Им нужен был план.

Я побежала по берегу, поскользываясь на траве и листьях. Молния озарила небо, очертив трех людей, выпавших за борт в черные воды. Они не успели всплыть, их накрыл паром. Дерево загремело о камень. Я старалась не представлять тела, попавшие между ними,

но о другом думать не могла.

Слева с волнами боролась рыбацкая лодочка, двигаясь к тонущим паромам. Люди боролись с веслами, чтобы лодка плыла по бушующей воде. Волны ударили ее в бок, и лодка пошатнулась, закачалась. Я задержала дыхание, шагнула ближе, словно могла вытащить лодку на берег.

Ветер кружил над пристанью, лодка выправилась, но в ней было слишком много воды, чтобы оставаться на плаву. Половина людей из нее уже плыли, борясь с потоком, что уносил их глубже в озеро.

Потоки выбирали жертв случайно, поднимали одного к берегу, а другого уносили во тьму.

— Держитесь, — вопила я, пробиваясь сквозь камыши. Бледные руки появились над водой вдали от меня, их смыло. Красное смешивалось с белой пеной волн, но кровавые руки были далеко. И крики. Все больше криков. Слишком много криков.

Мне нужно ближе! Вода окружала меня до пояса, тянула за ноги, старалась унести меня к крикам. Мое сердце было с ними, куда руки не могли дотянуться.

Плеск справа.

Я обернулась, озираясь. Оранжевое мелькнуло на миг, и я бросилась туда. Пальцы нашли мягкость и тепло, ткань и кожу. Прошу, святая Сэя, пусть они выживут. Я схватила обеими руками и потянула.

Мужчина всплыл из воды, кашляя. На лбу было очень много крови. Глубокая рана, может, что-то и с костью. Я вытащила его из воды и камышей на берег. Рука накрыла порез на его голове, я немного углубилась, чтобы закрыть рану и остановить кровотечение. Голова заболела над левым глазом.

Рыбаки и прочие появлялись на берегу рядом со мной, они становились в ряд, обматывали пояса веревкой. Крупный мужчина расставил ноги на грязи берега, недалеко от того места, где я пряталась за кустом. Я подбежала и схватила трос в фуге перед ним.

— Назад, — он оттолкнул меня, я чуть не упала.

— Я могу помочь!

— Помоги раненым.

Большой мужчина отодвинул меня и бросил канат в воду. Я отошла, разглядывая берег в поисках выживших, но никого не было.

Я уловила больше всплеск цвета и криков. Я побежала по берегу прочь от мужчин с канатов. Пассажиры парома приблизились к берегу, стараясь держать головы над водой.

Я вошла в воду, обломки дерева ударили по ногам. Впереди маячил темный силуэт, и я бросилась в сторону, глотнув воды. Бочка пронеслась и ударилась позади меня о камни. Кашляя, я нашла женщину, чья рука больше не будет сгибаться, и потащила на берег. Пальцы немели, когда я тащила мужчину, который будет хромать. И сердце екнуло, когда я коснулась мальчика, что не двигался и был слишком холодным для исцеления.

Дождь лил сильнее, словно старался выровнять волны, чтобы мы спасли больше. Но больше мешал, чем помогал. Ужасный треск, громче грома, заставил всех обернуться. Маленький паром разбился пополам и исчез под водой. Через секунды большой паром накрыл его обломки. Все трещало, дерево отрывалось. Люди цеплялись за поручни, паром накренился, и они выскальзывали в озеро.

Я вытаскивала их.

А когда прекратились крики, начал плач.

* * *

Я шла медленно, с болью, не помня, когда начались мои боли и закончились те, что я забрала. Целители Лиги пробегали мимо меня с носилками, расплескивали лужи и пачкали форму. Многие были учениками и низкими рангами. Я искала Тали, но не видела ее. Моя корзинка исчезла. Ее украли или отбросили. Я не знала, но это не имело значения. У меня осталась только боль.

Тали будет занята сегодня и уставшей завтра. Раненых было много, Плита наполнится до конца ночи. У них есть что-то запасное? Две Плиты из пинвиума высотой со стог сена подошли бы прекрасно, но разве туда вместишь всю боль?

Музыка и смех влекли меня к заведению Айлин, но ее там не было. В окнах виднелись веселые сухие лица, они не знали о горе на пристани. Кузнец был закрыт, но жар исходил от стены. Я постояла под крышей, защищающей меня от дождя.

— Мне некуда идти, — слова вылетели изо рта, испугав меня. Я могла пойти в Лигу? Может, они заберут мою боль до того, как поймут, что я не могу заплатить за это. Или хоть дадут сухое место для сна. Я прижалась к кирпичам. Глупые мысли. Если я пойду в Лигу, меня увидят те парни и Старейшина. Слишком большой риск.

Я выглядывала Айлин, но она не появилась, хотя дождь прекратился, и вышла луна. Я пошла. Я почти высохла и слушала цикад и музыку. Завтра я пойду к торговцам болью. Я могла продать много боли. Если они поймут, кто я, я убегу. Я хорошо это умела.

А если они скажут Лиге?

Тогда я побегу быстрее? Или дам поймать меня и заставлю сказать их, зачем меня преследуют...

Руки оттащили меня в темноту между зданий. Одна рука зажала мой рот, другая обхватила грудь и прижала руки к бокам.

— Не кричи.

Я слушаться не собиралась.

ЧЕТЫРЕ

— Не рань меня, — сухо сказал тихий голос, словно знал меня и что я могу с ним сделать. Он звучал знакомо, но я не могла вспомнить по голосу лицо. А потом он неуверенно добавил. — И я не трону тебя. Обещаю.

Мои пальцы не могли дотянуться до его руки, но они покалывали, готовые влить в него боль, как только я коснусь его кожи. Но был страх, а меня до этого никто не боялся.

— Я просто хочу поговорить, — он убрал руку от моего рта, но другой все еще держал меня.

Я была слишком зла, чтобы кричать, но смогла выдавить:

— Чего надо?

— Мне нужна твоя помощь. Если я отпущу, обещаешь не сбежать? И не ранить? — он звучал отчаянно.

— Да.

Он уронил меня, как живую змею. Я развернулась, расставив пальцы, словно могла бросить в него боль, словно из зачарованного оружия из пинвиума. Красивый парень нервно смотрел на меня, даже робко, и в свете луны он выглядел почти как...

— Ты тот ночной страж!

Он кивнул и улыбнулся. По-настоящему. И я не видела нигде оружия.

— Я Данэлло. Мне очень жаль...

— Зачем ты так меня схватил?

— Я боялся, что ты убежишь, подумав, что я хочу тебя арестовать.

Я скрестила руки на груди.

— Чего надо?

— Мне нужно, чтобы ты исцелила моего отца.

Мое усталое тело протестовало. Я не могла принять еще боль, даже если это будут волдыри.

— Не могу.

— Можешь. Ты дважды исцелила меня.

Нет, лишь раз. В другой я перенесла боль, а этого делать не стоило. Испуганное лицо мамы вспыхнуло перед глазами. *Нельзя вкладывать в кого-то боль, Ниа. Это очень плохо. Обещай, что не будешь так делать.* Я старалась придерживаться обещания.

— Иди в Лигу. У них есть дежурный Целитель.

— Мы не можем позволить Лигу.

— Тогда идите к торговцам болью, — если раны его отца очевидны, они справятся. Но серьезное, например, перелом ноги, они могут не исцелить. Или хуже — исцелить наполовину. Один из торговцев фруктами не мог ходить после того, как сходил к торговцу болью.

— Я ходил... нас прогнали. Они всех гонят.

Это меня заткнуло. Случай с паромом был для них днем наживы. Никто не отказывался от грошей, что предлагали людям с ранеными членами семьи. Люди порой хотели сами платить им, и они зарабатывали на исцелении и продавая безделушки, наполненные болью. Вокруг было много беженцев, жезлы из пинвиума требовались чаще обычного. И не каждый рискнул бы лезть в окно, подоконник которого мог ударить болью.

— Они не могут прогонять людей, — сказала я. — А к тем, что у пристани, ходил?

— Я ходил ко всем пятерым в городе. Трое принимали, хоть и не платили, но когда я пришел, они сказали, что больше не принимают.

Плохо дело. Если они прогоняли всех, то не примут и меня, а у меня было уже много боли на продажу.

Данэлло неуверенно шагнул ко мне.

— Прошу... папа был на пароме. Он серьезно ранен, сломал руку и ногу, может, пару ребер. Он не может работать. Может даже потерять работу.

Я не могла этого сделать. Я уже несла слишком много боли, и кто знал, когда Тали сможет забрать ее у меня.

— А ты? Не можешь заплатить за дом, пока он не может работать?

— Геклар меня выгнал, — он не сказал, было ли это из-за меня, но я это понимала.

Я огляделась.

— Ты мог бы работать вместо отца, пока ему не станет лучше. Тебе должны позволить.

— Не могу. Отец — мастер кофе, а меня даже не учили этому. Это умеют ребята из Верлатты. Если отец не сможет работать, нас выгонят. Младшим братьям едва исполнилось десять. А сестре всего восемь.

Слишком маленькие, чтобы быть на улице, даже если Данэлло будет приглядывать за ними, если их отец умрет. А он мог умереть, раз торговцы не принимали. Некоторые старые

солдаты умели вправлять кости, но я не слышала о тех, кто делал это хорошо. Данэлло мог поискать торговцев травами с болот, но их порошкам и зельям доверять нельзя было. Тогда уж лучше идти к необученному торговцу болью, Забирателю. Даже если Забиратель исцелит не все раны, большую часть — сможет. Мое горло сжалось, я кашлянула, чтобы прочистить его.

— У меня нет пинвиума.

— Тебе и не нужно! Ты исцелила меня и передала мою боль Геклару. Ты можешь сделать так с моим папой.

— А кто потом возьмет его боль? Ты?

Он кивнул. На самом деле!

— Да.

Это было безумием. И у его отца было сломано много костей.

— Забранная боль не лечится, как обычные раны. Она не твоя, и она остается в теле. Если ты ее принял, тебе нужен обученный Целитель, чтобы забрать ее.

— Я избавлюсь от нее, когда торговцы снова начнут принимать.

— Ты не можешь. Тебе будет так же больно, как ему сейчас. Разве тебя не ждет работа? — мастер кофе не мог обеспечить всю семью. В Гевеге было мало такой работы, по крайней мере, для местных.

— Тогда мы возьмем по чуть-чуть: я, братья и сестра. Так ведь будет лучше?

— Это будет ужасно, — мне было плохо от мысли. — Я не могу так с ними поступить.

Он схватил меня за плечи с мольбой.

— Ты должна. Нам больше не к кому обратиться. Мы можем заплатить, хоть и не много. Немного еды, место на пару дней, если нужно, — он осмотрел меня со странной смесью надежды и жалости в глазах. — Тебе бы это пригодилось.

Больше, чем он знал.

— Я не могу, — сказала я. — Я была на берегу. Я... вытаскивала людей. Я... — хотела плакать. Хотела бежать. Хотела согласиться и спать в сухом доме. Вина холодом пронзала меня.

Ночью умерли сотни. А я хотела навредить детям ради кровати? Если я так думала, можно было работать на торговцев болью, продавать ради своего удобства.

— Прости, я не могу тебе помочь.

Он отошел и посмотрел на меня, в этот раз критически, взял за одну руку и поднял, потом другую. Он замечал, как я кривлюсь и кусаю губу.

— Сколько ты забрала?

— Больше, чем стоило.

Я видела отчаяние раньше, но не такое, как на его лице. Я видела его лицо другим. Проблемы переплетались с чувством вины.

— А если мы заберем и эту боль?

— Нет. Ты не понимаешь, о чем меня просишь, — я скрестила руки, стараясь немного согреться и защититься. Ужас до этого оживлял меня, а теперь усталость тянула к земле. Мне нужно было найти место для сна, где-то, где меня не будут просить передать боль детям. — Мне очень жаль. Надеюсь...

— Дай мне немного. Сейчас.

— Что?

— Боли. Я увижу, как это, а потом решу.

— Ты с ума сошел.

Он вытянул руку. Даже не дрогнул.

— Сделай.

Нет, не безумие. Отчаяние. Он хотел сделать все, лишь бы спасти папу, братьев и сестренку. Делала бы я так для Тали, если бы она была в беде?

Если я покажу ему, как это, он передумает. Я огляделась. Вдали общалось несколько человек, но близко не было никого. Я взяла его за руку и втолкнула боль.

Он закричал, рука взметнулась ко лбу над левым глазом. Со стоном он убрал пальцы и удивленно посмотрел на них.

— Я ожидал кровь.

— Ее было много на том, у кого я забрала эту боль.

Данэлло вдохнул и медленно вдохнул. Он кивнул.

— Хорошо, дай еще.

— Нет!

— Тебе нужно, не знаю, место для боли, если ты поможешь папе.

Он точно был безумен, как курица. Боль могла с этим покончить. Дать понять, что это тупая идея, что так нельзя делать с детьми, каким бы отчаянным ты ни был. Мне стоило отказаться. Я взяла его за руку и хотела забрать головную боль.

Но остановилась из-за воспоминаний. Мне было десять, когда мы осиротели, а Тали семь. Приют забрал нас, но выгнал, когда мне исполнилось двенадцать, ведь я уже могла работать, а им нужны были кровати для малышей. Тали была напугана, хотела домой и едва понимала, почему мы не можем туда попасть. Братьев и сестру Данэлло не признают сиротами, ведь он был достаточно взрослым, чтобы заботиться о них. Они не получают кровати и горячую еду. И вчетвером окажутся на улице, когда не смогут платить за крышу. Данэлло был милым, но жить на улице точно не умел.

Ему придется быстро учиться, или все они умрут. Он станет тем, кто будет думать о продаже боли, чтобы дети смогли спать в кровати. Он станет мной.

Я дала ему еще боли. Немного в руку, ногу, покалывание в плечо. Но не в ладони или спину. Он должен был работать.

Данэлло закрылся, он шумно дышал, прижавшись спиной к влажному дереву здания за ним.

— Ощущения не такие, как от своих ран.

— Тело защищается от ран. Но не узнает так же чужую боль.

— О, — он глубоко вдохнул и встал с упрямством. Если бы я не знала эту боль, я бы не заметила в нем ничего странного. Безумный, да, но он был стойким.

— Лучше? — спросила я.

— Да. А ты как?

— Больно, но уже не так, — снаружи. А внутри? Внутри словно кишели личинки в трупe крокодила.

— Поможешь папе?

— Возможно, — если он не умирал. Иначе я смогу лишь лишить его страданий. Святые, я бы не хотела этого.

* * *

Данэлло жил в одном из лучших пансионатов у Торгового канала, о таком месте я могла лишь мечтать. У его семьи было три комнаты — две спальни и небольшая кухня со столовой.

Хотя еще было видно женскую руку, она давно себя не проявляла. Два засыхающих растения, похожих на кориандр, стояли на полке у окна, с одной стороны собрались выгоревшие занавески. Над небольшой печью висели потертые медные горшки, тощая труба вилась по стене. Отсюда открывался вид на траву у рыночной площади. Двое устроились под кустом с покрывалом под ними. Я отвела взгляд.

— Нашел ее? — крикнул мальчик, выбежав из комнаты слева. — О, вижу, — его губы дрогнули, словно он не знал, радоваться, что я здесь, или пугаться.

— Это... — Данэлло повернулся ко мне и робко рассмеялся. — Я даже твое имя не знаю.

— Ниа.

Он кивнул.

— Ниа, это Джован. Остальные с папой.

Не зная, что делать, я помахала, и маленькая версия Данэлло помахала в ответ. Такие же темно-карие глаза, светлые волосы и решительный, но печальный вид.

— Папа без сознания, — сказал Джован осторожно, стараясь звучать по-взрослому. Святые, он же был еще маленьким. Слишком маленьким для такой боли. — Нам его разбудить?

Мой желудок сжался, но я покачала головой.

— Не будите. Я могу делать это, пока он спит.

Мы прошли в спальню, маленькую, но уютную. Картины цветов висели на стенах, некоторые были нарисованы на дереве, другие — на кусочках ткани. У кровати на желтом стуле сидел брат-близнец Джована, он был бледен и напряжен. Их сестренка сидела на полу у его ног. Ее светлая голова лежала на его колене, руки обвивали его лодыжку. Они на нас не смотрели.

— Это Бахари, а на полу Халима.

Я попятилась. Кровать того не стоила. Я не исцеляла, я решала, кто будет страдать. Это делали Святые, а не я.

— Я не могу.

— Можешь. Могут и они, — Данэлло сжал мою руку и подвел ближе. — Что нам делать?

— Передумать, найти торговца болью, притащить его сюда за волосы, если нужно, но не заставлять меня делать это.

Он взял меня за руки и крепко сжал их. Они были теплыми, на миг я ощутила себя в безопасности.

— Что нам делать? — спросил он.

Что делать, если это не нравится? Разве я не хотела быть Целителем? Тали делала не так, но я могла помочь им. Это всего на пару дней, а потом торговцы начнут принимать. Я же не ранила их. Я судорожно вдохнула и неохотно убрала руки.

— Пока что ничего, — прошептала я. — Мне нужно посмотреть, насколько все плохо.

Рука его отца была выгнута, точно была сломана. Нога была в крови и опухла, но была прямой. Я посмотрела на Джована, мне стало не по себе. Думай про их отца. Я встала с другой стороны у кровати и положила ладонь на его лоб. Холодный. Влажные пряди светлых волос, таких же, как у его детей, прилипли к моим пальцам.

Голос Тали звучал в моей голове. Она учила меня тому, чему они учили меня, ведь Лига могла меня принять, но так думала она, а не я. Я понимала, что так она пыталась исправить

то, что приняли ее, а не меня.

Я глубоко вдохнула. Ощутить путь через тело к ране. Руку покалывало, пока я искала путь через кровь и кость. Сломанная рука, как я и думала. Три сломанных ребра. Порванные связки на ноге, но не перелом. Синяки и порезы были всюду, но с ними он справится сам.

— Все не так плохо, как ты думал, — я описала его раны так, чтобы не напугать малышей. Бахари уже был близок к обмороку.

— Я возьму руку и ногу, — сказал Данэлло, словно заказывал еду. — Они возьмут по ребру. Это будет не так плохо, да?

Сказал тот, кто не ломал ребра.

— Будет больно дышать глубоко, а еще наклоняться и тянуться, — три пары карих глаз расширились. Я чуть не улыбнулась, но это напугало бы их сильнее, чем боль. — Ничего не сможете делать по дому, пока торговцы болью не примут вас.

Бахари вскочил на ноги, сжав ладони в кулаки.

— Я не хочу этого.

— Придется. Ради папы, — возразил Джован.

— Я... — Бахари огляделся, — помогу как-то еще. Схожу к аптекарям.

— Бахари! — вскрикнул Данэлло. — Они чаще всего продают яды. Я не буду так рисковать жизнью папы.

Я прижалась к стене. Я тоже этого не хотела, как и не хотела заставлять Бахари.

— Это больно, — сказал он.

— Да, но ты потерпишь пару дней.

— Но...

— Делай, Хари, — сказал Джован голосом, что был слишком стар для мальчика. — Папа нас не подводил, и мы не подведем.

Бахари не согласился, но и не возразил.

— Решено. Я первый, — Данэлло придвинул стул от окна к кровати и сел, крепко сжав руки.

— Данэлло...

— Делай.

Вправить руку, убрать боль, спать спокойно. Стиснув зубы, я потянула за сломанную руку. Я сглотнула и надавила сильнее, кость щелкнула, и рука встала на место. На глазах выступили слезы, размывая уже кружащуюся комнату.

— Я здесь, Ниа, — Данэлло взял меня за руку. Другие держались за пальцы папы.

Я собрала боль, как меня учила Тали, держала в себе противным шаром.

— Я в порядке. Готов?

Он отклонился, крепко держась за стул, и кивнул.

Я понемногу вливала в него боль, что пронзала его. Руки горели до локтей, особенно с одной стороны. Данэлло дрожал, его кожа была бледной, как туман. Дыхание выходило порывами, потом стало глубоким.

Я съехала на пол, прижалась спиной к кровати.

— Данэлло, ты в порядке? — Джован осторожно протянул руку и обхватил плечо брата. Никто не спрашивал, как чувствую себя я, но Бахари смотрел на меня.

— В порядке, — выдохнул Данэлло и улыбнулся. Боль виднелась в его глазах, но он ее скрывал. — Теперь ногу.

Я дала ему половину. Кто знал, сколько ему с этим быть. Я никогда не носила боль

больше двух дней, но этого хватало, чтобы я была рада избавиться от нее.

Джован выступил вперед с кулаками по бокам.

— Теперь я, — он смотрел с вызовом. Но кто бы дал мне отказаться?

— Будет резко, — предупредила я. — И больно. Дыши и что-то сжимай. Это помогает.

Я быстро вытянула боль, но двигала ее медленно, иголки пронзали живот жаром, но было терпимо. Я задержалась. Может, это он выдержит.

Джован вскрикнул, когда я дала ему боль его отца, но закусил губу и шипел, выдыхая.

— Не дыши глубоко, Джови, — предупредил Данэлло.

— Все не так и плохо, — сказал Джован, когда я его отпустила. Он вытер пот со лба и улыбнулся брату. — А ты расплачешься.

Бахари посмотрел на братьев, но шагнул ко мне и схватился за столбик кровати.

Он быстро кивнул мне, как делали бойцы на Ярмарке в городе.

— Быстрее.

— Уверен? — прошептала я.

Его взгляд смягчился, он кивнул.

— Ага. Это ведь на пару дней?

— Верно, — я дала ему не все. Он не плакал, но стоял близко. Он не кричал, не издал ни звука, кроме шипения сквозь зубы, как делал и Джован. Бахари ухмыльнулся брату.

— Вот так-то.

— Самые смелые близнецы в Гевеге, — сказал Данэлло, взлохматив их волосы.

Халима шагнула ко мне, в руках она сжимала самодельную куклу.

— Я тоже смелая!

— Я возьму за нее, — сказал Джован. Бахари будто хотел возразить, но не разжал губы. Халима посмотрела на них, как горный кот на добычу.

— Я сама справлюсь.

— Нет.

— Это слишком, — добавил Бахари.

— Я могу! Вы никогда не давали мне что-то сделать.

— Халима, — мягко сказал Данэлло, погладив ее по волосам. — Они правы. Это слишком больно.

Слезы потекли по ее щекам.

— Я тоже хочу помочь папе.

— Твоим братьям понадобится твоя забота, — сказала я. Ребро я выдержу. Ночь будет ужасной, но у меня будет кровать, а Тали завтра все заберет. Я могла прийти потом и забрать остальное. Украсть пару исцелений потом будет лучше, чем ранить людей, так что проникнуть в Лигу стоило. — Ты сможешь управляться в доме?

— Угу, — всхлипнула она, вытерла нос рукавом. — Я позабочусь о нас.

— Данэлло, я могу...

— Нет, — сказал он. — Я знаю, что ты дала не все. Мы договорились на эту боль. Ты не можешь исцелять, если тебе больно.

Я кивнула, хотя не знала, где здесь была правда.

— Мы разделим, — быстро сказал Джован, посмотрев на меня. — Не говори, что мы не можем. Она не твоя сестра.

Я посмотрела на Данэлло, он кивнул.

— Кто первый? — Джован выступил вперед и потащил за собой Бахари. — Вместе? —

спросил он, держа за руку. Бахари посмотрел на сестру и кивнул.

Я забрала последнее ребро и прижала ладони к их сердцам. За болью тихое гудение, как было у Энзи, раздавалось в них.

Они были Забирателями!

Слабыми, ведь не смогли бы работать на торговцев болью, иначе я бы сразу это ощутила. Я посмотрела на их руки, сжатые так крепко, что десять костяшек побелели. Связанные близнецы. Их талант возрастал, когда они держались за руки? Я о таком не слышала, но я и о передаче не слышала, пока сама не сделала, как и мама. Они не знали пока еще, на что были способны. Не знали, иначе забрали бы у отца больше боли. Джован — точно.

Данэлло коснулся моего плеча.

— Ниа? Что такое?

— Ничего, — просто его братьев теперь могли найти, забрать для новой войны. Многие Забиратели начинали чувствовать боль в десять, были готовы забирать ее с двенадцати. Но из-за осады в Верлатте Целителей будут набирать. Герцог потеряет многих в бою, он мог легко украсть детей, чтобы захватить еще один город, не желающий его правления. Как он забрал у Сорилля, чтобы захватить нас.

— Уверена? Выглядишь смешно.

Я не должна была говорить им. Если они не знали, они не были в опасности. Даже если кто-то проверит, они не ощутят этого, пока близнецы не соединены.

— Я в порядке, — я повернулась к близнецам, стараясь не дать Данэлло увидеть мою ложь. — Готовы?

Они кивнули, лица их были белыми, как у их папы.

Они не издали ни звука, но напряглись, сдержали даже шипение. Морщины на лице их отца разгладились, он поерзал во сне. Близнецы опустили на пол, держась за животы. Халима смотрела на них, словно их могло стошнить.

— Когда папа проснется? — спросил Данэлло.

— Скорее всего, утром. Какое-то время будет скован и ужасно зол, когда узнает, что вы сделали.

— Он поймет. Идем, я должен тебе ужин.

В животе заурчало, и он рассмеялся.

Голод и вина скручивали все внутри. Я прошла за ним на кухню. Я скрывала то, что хромаю. Он не скрывал свою хромоту, руку прижимал к груди. Он какое-то время не сможет бегать за ворами куриц.

— Данэлло, я помогу, — ребра болели, я потянулась за чайником, дрожащим в его руках. Он отдернулся и скривился. Мы были еще той парочкой.

— Нет, я держу. Я должен тебе ужин. Мы должны тебе куда больше, чем можем дать. Спасибо, — он улыбнулся, и мои щеки согрелись быстрее котелка.

— Это рыбные пирожки?

Он положил мне их в тарелку, а потом поставил котелок на огонь. Я ела рыбу и поняла, что напоминаю гиену, обгладывающую свежий скелет.

— Ох, прости.

— Ничего, — рассмеялся он и налил нам кофе. — Я не знаю, как ты это делаешь.

— Не ела три дня, — проворчала я со ртом, полным рыбы. — Потом ты удивишься, как быстро можно запихать еду внутрь. Даже дышать не нужно.

— Нет, я про удержание боли. Но ешь ты тоже внушительно.

Я пожалала плечами и постаралась не смотреть на близнецов.

— Это просто исцеление.

— Это нечто большее. Мне так больно, что я не хочу двигаться, но ты не выглядишь плохо.

Я смотрела на еду.

— Я привыкла, наверное. Или у Забирателей от природы высокий болевой порог. Не знаю. Я не задумывалась.

— Ты хороша.

— Хороша в этом? — я подняла голову так, что успела уловить его гримасу.

Он быстро отвел взгляд, теребя край своей тарелки. Он был милый, когда так стеснялся. Милее, чем был в лунном свете.

— Ты поняла, о чем я, — пробормотал он.

— Хмм, — сказала я, вдруг поняв, что у меня грязные руки, мокрая одежда, и я лишь молилась, что не воняю.

Он долго молчал, поглядывая на меня и отводя взгляд. Я ела, борясь с желанием пригладить волосы и стараясь не думать, как они выглядят. Когда было влажно, они вились сильнее.

Наконец, он сказал:

— Твои родители Забиратели?

Я жевала рыбу дольше, чем нужно, проглотила ее.

— Мама была. И бабуля тоже.

Он кивнул.

— Теперь только ты и отец?

— Сестра. Только я и сестра.

Молчание, полное понимания.

— Она работала в Лиге? Твоя мама?

— С двенадцати, как и бабуля. Отец был чародеем. Работал, в основном, в кузнице, готовил пинвиум для поглощения боли. Его прадедушка нашел первые шахты пинвиума в Гевеге.

Данэлло поник, словно услышал плохие новости.

— Так ты из аристократов.

Меня удивило, что это именно значение. Это было важно, когда Гевег был богатым местом, тут было много знати. И в Беседки не позвали бы рыбаков или фермеров. Когда пришла война, эти различия стерлись. Все шли в бой, если было нужно, даже знать. Это не были аристократы басэери, которые платили остальным, чтобы те умирали за них.

— Нет, ведь герцог все это отменил, — я проглотила кофе, обжигая им горло. — Когда герцог схватил бабушку, его солдаты вломились в наш дом, как в свой, выбросили нас с Тали, словно мусор. Нам не дали даже вещи взять, игрушки, что-то на память о родителях. Им было все равно, что нам некуда идти. Можно еще кофе?

Он уставился на меня с раскрытым ртом, а потом кивнул.

— Ага, я налью, — он налил мне кофе, дал еще пирожок с рыбой и начал резать грушу. — Мои родители работали в университете, но не были профессорами, им не много платили. Мама учила фехтованию и военной истории, папа — философии. Ее убили до окончания войны. Папа сказал, что было глупо сражаться с теми, кому мы точно проиграем,

но она все равно пошла туда. И нас тоже выгнали, — он поставил между нами тарелку с кусочками груши и сел удобнее на стуле. Мы почти не говорили после этого. Было приятно просто сидеть с тем, кто понимал. Халима пришла, убрала со стола и устроила мне место у окна. Она вела себя как хорошая хозяйка. Даже спросила, нужно ли мне еще одеяло. Джован вскинул брови и посмотрел на свою кровать, так что я отказалась.

— Спокойной ночи, — сказали дети и ушли в свою комнату. Дверь закрылась за ними.

Данэлло смотрел на меня, потирая рукой шею сзади. Глупо, но я все еще беспокоилась из-за своих грязных коленей и разных носков. Он не замечал, на его одежде тоже были заплатки.

— Как ты узнала, что ты... другая? — спросил он.

Я замешкалась, но он уже знал правду.

— Это было перед тем, как закончилась война. Мне было десять, мы с сестрой помогали маме и бабушке с ранеными в Лиге. Тали бежала, хотя не стоило, и споткнулась о меч. Сильно порезала ногу. Я видела кровь, слышала ее крики, и я схватилась за ее ногу. Я хотела это прекратить, понимаешь? — я поежилась. — Не знаю, что именно я сделала, но вдруг болеть стал моя нога, а она была в порядке.

— Ты исцелила ее нечаянно? — глаза Данэлло расширились. — В десять?

— Ага. Мама догадывалась, что мы Забиратели, это передается в семье, но она не говорила. Она боялась, что нас заберут. Она говорила мне: «Не исцеляй, не трогай Старейшин, не подходи к ищейкам». Я боялась, что сделала что-то не так, исцелив Тали, и я попыталась вернуть ее боль. И вернула.

Это напугало маму сильнее, чем меня исцеление. Я помнила ужас на ее лице, когда Тали подбежала, показывая на лодыжку, где не было ни царапины, крича, что она болит. Мама схватила меня за плечи и сказала никогда больше так не делать. А потом обняла так крепко, что я не могла дышать, и заставила поклясться Святой Сэей, что я никому не расскажу о том, что могу делать.

Я и не рассказывала до этого вечера. Только Тали знала.

— Она...

— Я устала, — сказала я. Хватит говорить. Это ничего не изменит, лишь вытащит на поверхность сожаления.

— О, прости. Тебе стоит поспать, да.

Я взбила подушку и старалась не смотреть на него. Это было сложнее, чем я думала.

— Спокойной ночи, Данэлло.

— Спокойной ночи, Ниа.

Еще одна дверь закрылась. Комната его отца. Я устроилась на мягком матрасе, но голова была полна вины и облегчения, и это мешало спать. Я наслаждалась теплом и запахами еды, тихими голосами возбужденных мальчиков, что старались не спать, хот сон ослабил бы их боль. Халима громко приказала им молчать. Я, несмотря на меланхолию, улыбнулась. Она хорошо справлялась с новой ролью. Я забыла, как приятно быть в семье.

Я не могла спать, потому села и прислонила голову к окну. Лунный свет заливал серебром угол рынка. Темные тени выложили узоры на камне, темнее было под кустом, где спала та парочка. Место было хорошее, защищенное от ветра и сухое.

Прыгающий свет привлек мое внимание. Покачивался фонарь ночного патруля. Солдаты остановились у кустов, пнули спящую пару и прогнали их. Патруль не преследовал их, лишь шел дальше, прошли человека, которого не тревожило, что он один ночью.

Фонарь качнулся, и свет озарил лицо мужчины.

Святые и грешники! Вернулся тот странный мужчина. Я сильнее укуталась в одеяло и опустила, хотя он вряд ли увидел бы меня в темной комнате. Кто этой крысе было нужно? У него было много шансов схватить меня после случая с паромом, пока я бродила, ничего не замечая. Данэлло смог это сделать.

Я посмотрела на детскую. Близнецы! А если он пришел за мной и ощутил их? После всего, что для меня сделал Данэлло, я не могла подвергать его семью опасности. Но если я уйду сейчас, меня точно заметят. Я приподнялась, держась пальцами за подоконник, на уровне глаз.

Тени дрогнули, и в серебряном свете появился еще один человек. Он заговорил с тем женщиной, а тот рукой обвел улицу. Руки дрожали, они словно не знали, куда я ушла, спорили, куда идти дальше. Новый мужчина кивнул и прижался к стене, оглядывая улицу, скрестив руки на груди. Первый мужчина пошел прочь и исчез в темноте.

Их было двое! Я дрожала в комнате, что была не такой темной, чтобы спрятать меня. Я посмотрела на дверь и успокоилась при виде засова. Заперто. Я была в безопасности, а они не знали о близнецах. Кто послал их за мной — Лига или герцог? Я накрылась одеялом с головой.

Не важно. Ищейки оставались ищейками, а я была добычей.

* * *

Я проснулась, чувствуя себя так, словно кто-то выкручивал мне мышцы, пока я спала. Было больно вытягивать руки. Приседать было больно, и боль растекалась по ногам. Я должна была ожидать этого. Я вытащила слишком много людей из воды. Или это было наказание за передачу боли детям. Я словно спала на земле. Поделом мне. Нужно было отказаться. Я была уставшей и голодной раньше, я справилась бы.

Я выпрямилась, тело хрустело в тишине. Идти было больно. Мне не хотелось признавать этого, но я могла с таким успехом спать и под кустом. Будет сложно дойти до Тали.

Будто я не чувствовала вину.

Я стиснула зубы и потянулась. Не важно. Как говорила бабуля, что сделано, то сделано, и я...

Слишком тихая комната вдруг стала шумной, словно говорила мне что-то. Я замерла и огляделась, ожидая увидеть зеленый и желтый шелк из-за занавесок, но комната была пустой, как и ночью. Но дверь в детскую была открыта. Я задержала дыхание и пошла к комнате, кривясь на каждом шагу.

Три кровати были заправлены. Открытых окон не было, мебель не была сбита, ничто не указывало на борьбу. Я вздохнула, когда часы пробили девять. Они ушли в школу. Ищейка их не похищала.

Дверь Данэлло была закрыта, а мои руки слишком болели, чтобы стучать. Он мог спать, но я представляла, как он сидит на желтом стуле у кровати отца, держит его за руку, ждет, пока он проснется. И улыбка Данэлло озаряла всю комнату.

Он был очень добрым. Я могла помочь его семье. Я могла привести сюда Тали и убрать их боль. Если мы ее разделим между собой, будет не так и плохо. В Лигу идти потом будет сложно, но мы справимся.

Старейшины, ученики и ищейки в шелке всплыли в голове. Было ли безопасно идти в Лигу? Я отодвинула занавеску и выглянула. Мужчин видно не было, но они могли быть где-то снаружи, множится, как кролики. И к закату за мной будут идти уже четверо.

Желудок заурчал, и я пошла на кухню, нашла взглядом остатки пирожков. Выглядело так, что у семьи Данэлло была еда, и я слышала, что школа по соседству кормила учеников обедом. Желтый сверток лежал посреди стола с запиской на нем. Я улыбнулась старательно выведенным буквам, по которым было видно, что ручка задерживалась на них.

«Ниа, вот завтрак. Надеюсь, он вкусный».

В свертке был пир: еще два пирожка, три груши и банан. Я съела пирожки сразу, а фрукты спрятала в карманы для обеда и ужина. Одну грушу я приберегла на следующий завтрак.

Блеск в ткани привлек мое внимание. Три медяка лежали на дне так, словно их хотели спрятать. Может, Данэлло хотел, чтобы я забрала узелок и нашла монеты потом.

Еда и кровать уже были достаточной платой. Я своим поступком навредила всей семье. И все же...

Я взяла монетку и провела большим пальцем по льву на одной стороне. Гевегская дени, а не оппа басэери. В бедных районах такие ценились больше, вопреки герцогу. Хватит ли мне этого на комнату? Я могла поделиться. Спать по очереди с тем, кто работает по ночам. Я убрала монеты в карман, добавила в список дел «идти сразу к Милли и посмотреть, что получится».

Я посмотрела на дверь Данэлло. Вежливо было попрощаться, но ноги отказывались двигаться. Он знал, что я была здесь, и если хотел проводить, то был бы здесь, когда я проснулась. Рука скользнула в карман и погладила монеты. Зачем ему провожать меня? Меня наняли помочь, мне заплатили. Пора уходить.

Мышцы болели от каждого шага вниз по ступенькам, пылали, словно я трижды оббежала Гевег. Было заманчиво потратить монетку на лодку в Лигу, но деньги получить было непросто, и извозчик дени примет вряд ли. У меня были ноги, чтобы идти.

Я замерла на пороге, разглядывая каждого человека, каждый куст, каждое возможное укрытие. Ищеек не было. Я вышла, стараясь оставаться в толпе. Солнце пробивалось через туманное небо, серое, как стены прихожей Лиги. Лужи блестели, как зеркала. Я проверяла углы и кусты, но если за мной и следили, прятались они хорошо. Я не видела вспышек желтого или зеленого. Придут они днем или будут прятаться, как голодный крокодилы?

Я замерла на мосту от Лиги к западной части Великого канала. Если ищейки из Лиги то идти туда глупее, чем тратить деньги на лодку. Проще передать Тали послание о встрече там, куда можно легко пройти. Дважды фишка с днем рождения не сработает.

Меня толкнул проходящий Басэери, ребра полыхнули болью. Бежать от Старейшин я не смогу.

Рискнуть и пойти в Лигу или ждать, надеясь, что Тали пойдет за мной? Обе идеи затхло воняли.

Смех со двора Лиги привлек мое внимание. Подопечные! Они играли в дворике, выходящем на пристань, парни били палками мяч. Девочки стояли у берега и говорили. Я заметила Энзи среди них.

Я подождала новую волну толпы и пошла с ней к Лиге за мужчиной, держащимся за руку. Двор ограждал железный забор, он был слишком высоким, чтобы непослушные ученики перебрались через него, но поговорить через прутья можно было.

— Энзи! — помахала я, выглядывая наставников и ищеек. Она посмотрела через четыре взмаха. Она увидела меня и застыла, как напуганная кошка. Нервно оглядев двор, она пошла ко мне.

— Ниа! — она поглядывала на двери в Лигу, но встала между мной и зданием, уперев руки в бока. Широкие рукава помогали ей закрыть меня.

— Позовешь Тали? Она мне очень нужна.

Она посмотрела на двери, в глазах было больше страха, чем от опасения наставника.

— Сейчас?

— Прости, но это важно.

Пауза, быстрый кивок.

— Хорошо, но спрячься. Наставники сегодня цепляются хуже комаров.

Еще ученики пропали? Она убежала раньше, чем я смогла спросить. Я отошла от ограды, чтобы меня не заметил наставник, что придет проверять их. Меня могли заметить из окон. Я надеялась, что они не приглядывались.

Я смотрела какое-то время на двери и окна Лиги. Слишком много башен. Тали жаловалась порой на шпильки на каждом углу, даже рисовала мне узоры листьев, что были на колоннах. Маме нравилось, как здание парит. Она говорила, что иллюзию создают высокие и широкие окна под ним. Папе нравились арки, их было много. Арки над окнами, дверями, в коридорах. Казалось, Лига пыталась поймать солнце.

Я все же поглядывала на крыло, где был кабинет Светоча. Оттуда открывался лучший вид на город, озеро и горы. Порой, когда мама была очень занята, я сидела на том этаже, смотрела в окно, пока бабушка работала за столом. Люди не боялись, когда она была Светочем.

— Ниа! — Энзи подбежала ко мне с тревогой, что сулило плохие новости.

Я подошла, хромая, к ограде.

— Ты нашла ее?

— Нет, ее никто не видел.

Пирожки в животе стали камнем.

— Ее не было на исцелениях? Или в комнате?

— Нет, — Энзи с дрожащей губой дошла до прутьев и схватила меня за руку. — И я не нашла ее подруг. Я спросила у наставников про Тали, они сказали, что она в порядке, но не рассказали, где она. И они нервничали, когда я спросила.

Дверь распахнулось, выбежало несколько наставников. Их темные головы поворачивались, оглядывая двор. Энзи вскрикнула и сжала мою ладонь крепче.

— Я им не верю, Ниа. Она пропала. Она и остальные, — она оглянулась на наставников. — Тебе лучше уходить!

ПЯТЬ:

— Стой! — крикнула я Энзи, но она уже убежала и слилась с учениками в зеленом. Двое наставников погнали их прочь, а один пошел ко мне. Он был не из стариков, от которых я бы убежала. Я, хромая, пошла к толпе, огибая толстых беглецов и тощих рабочих. Я споткнулась о двухлетнего ребенка и чуть не упала на лицо.

— Смотри, куда идешь! — рявкнула мать.

— Простите! — что я наделала? Ищейка хотел схватить меня, а не Тали. Как они могли украсть ее из Лиги? Здесь были стражи с внушительным оружием, чтобы защищать. Люди не могли просто пропасть!

Вада пропала... Четвертый ученик за неделю...

Я снова споткнулась, но успела схватиться за фермера с корзиной бананов под рукой. Он с недовольным взглядом стряхнул меня.

Ученики пропадали из Лиги. Тали была пятой. Ради святой Сэи, как пять учеников могли пропасть за неделю, чтобы никто не заметил? Я не могла дышать, я нырнула за колонну недалеко от ограды Лиги, оказавшись вне поля зрения двух солдат. Может, Старейшины заметили, но молчали. Герцог мог заставлять их молчать. Он крал учеников Гевега и отправлял в Верлатту?

О, Тали!

Я рискнула оглянуться. Наставник загонял учеников в Лигу.

Я напряглась и поняла, как чувствует себя крыса в объятиях питона. Кожа была горячей, потом стала холодной. Это моя вина. Я привела ищейку к Тали. Он проследил за ней от садов и схватил раньше, чем она попала в Лигу. А вчера утром он был рядом с Лигой! Может, выслеживал жертв, искал учеников, которых легко украсть.

— Где ты? — пробормотала я, отходя от ограды. Он должен быть близко, ведь еще вчера следил за мной.

Я стояла посреди моста между Лигой и магазинами и медленно поворачивалась по кругу, сканируя кусты и здания. И что, если меня видели солдаты? Они не воровали Забирателей, а те странные мужчины — да, и если я схвачу одного, то заставлю сказать, где Тали, во мне было достаточно боли, чтобы принудить его говорить.

В кустах не было видно желтого или зеленого шелка.

Или за углом здания.

Нигде, куда я смотрела. Я забралась на поручень моста. Серая вода бурлила подо мной, люди нервно поглядывали на меня и спешили мимо. Один из солдат посмотрел на меня, ткнул локтем товарища и указал на меня. Мои мышцы подвели, и я рухнула на влажную каменную дорогу. К счастью, солдат отвернулся.

— О, Тали, — я должна найти ее. Поэтому я должна найти ищейку. Это не могло быть удачным совпадением. Он ее украл.

Айлин! Может, она его видела. Все басэери ходили в дом представлений. Только они могли это позволить.

Я спрыгнула, ноги обожгло, иголки вонзались от носков до живота. Я замерла, дали боли утихнуть, а потом пошла, хромая, к дому представлений.

Айлин была там, она была в синем платье, длинные перья свисали с рукавов и на юбке. Ее волосы были собраны в прическу, несколько длинных прядей свободно развевались на ветру, пока она кружилась и танцевала.

Она улыбнулась мне.

— Доброе утро.

— Тали пропала, — слезы слепили меня, и я вытерла их.

— Что случилось?

— Не знаю. Я пришла к ней, но ее там не было. Энзи сказала, что она пропала, но никто не говорит, куда, — я вытирала слезы, но их было слишком много. И теперь текло и из носа.

— Может, ее вызвали исцелять?

— Нет, что-то плохое творится. Видела сегодня здесь мужчину в желтом и зеленом шелке? Он был тут вчера возле магазина торговца болью. Ты его видела?

Айлин моргала, темно-красные губы образовали О от растерянности.

— Что?

Я рассказала ей о мужчине. О пропавших учениках, о страхе Тали из-за Вады, об убийцах Герцога. Звучало безумно, но Айлин видела не меньше меня, живя здесь.

Она потеряла один из двух браслетов, что всегда носила.

— Ниа, будь осторожна. Просто так людей не преследуют.

— Знаю, но я должна найти его.

— Нет. Ты должна сделать так, чтобы он не нашел тебя, — она обхватила себя руками и скользнула взглядом по улице. — Ты не знаешь, чего он хочет.

— Он хочет Целителей.

— Тогда зачем ему ты?

Я прикусила язык. Я раскрыла, что я Забиратель, но Айлин не поняла, что означала моя оговорка.

— Из-за Тали, — сказала я. — Он знал, что у меня был к ней доступ. Он видел меня с Целителями.

— Но он мог взять любого Целителя из Лиги. Не было причины...

— Айлин, я не знаю! — сказала я грубее, чем стоило. Я глубоко вдохнула. — Я знаю лишь, что есть шанс узнать от него, где Тали. Он должен рассказать. Я его заставлю.

— Если он ищетка, ты его не заставишь.

Но я могла. Я закрыла рот, пока ничего не выдала.

— Мне нужно найти ее, Айлин.

Она покрутила прядь волос, подняла голову, хмурясь и сжимая губы.

— Уверена, что ее не вызвали исцелять?

— Энзи бы так и сказали.

— Нет, если они не хотят, чтобы кто-то знал. Может, ей нужно исцелить кого-то важного или это тайна, как генерал-губернатора.

— У него есть свои целители. И пропали ведь другие ученики?

Может, ей не сказали. Может, это все тайна.

— Три «может» уже не похожи на правду.

Она положила ладони мне на плечи.

— Не паникуй, я спрашиваю и посмотрю, что смогу узнать. Может, ты зря волнуешься.

— Четвертое.

— Хватит. Это бессмысленно, мы что-то упускаем. Я знаю стража Лиги. Может, он что-то знает, — она погрозила пальцем раньше, чем я сказала «пятое». — Он пропустит меня, и я спрашиваю.

— Ты не потеряешь от этого работу? — мне было найти работу сложно, а Айлин — еще сложнее. Люди не уважали гевегцев, работающих на басэери, еще и когда владелец дом представлений — брат генерал-губернатора. Айлин притворялась, что ей все равно, но я видела боль в ее глазах, когда люди обзывали ее. Может, было бы не так плохо, если бы она работала внутри, где ее видели бы только басэери. Но Айлин настаивала, что снаружи ей безопаснее.

— Я буду в порядке. Скоро перерыв на обед. Можно уйти раньше.

— Будь осторожна.

— Я буду в порядке, — она обняла меня, и я уловила аромат жасмина. — Это тебе нужно быть осторожной. Преследуют тебя вряд ли из хороших побуждений, так что прячься.

— Но мне нужно с ним поговорить.

— Не одна. Подожди меня, и мы поищем его вместе, — она обхватила мое лицо руками. Ладони дрожали на моих щеках. — Обещаешь, Ниа? Обещаешь, что спрячешься?

Я кивнула.

— Жди меня в храме у Бикон Волк. Там ты будешь в безопасности.

Я сомневалась, но у меня было время заметить там ищейку.

Никто не тронул меня по пути к храму. Я огляделась и скользнула внутрь. Шаги эхом отражались от мрамора, и мне приходилось идти на носочках. Низкий потолок нависал надо мной, заставляя выразить уважение Семи сестрам. Строители постарались, потому что когда коридор привел к залу под куполом, я не могла говорить громче шепота.

Я пересекла геометрический цветок, раскинувшийся посреди комнаты — шесть пересекающихся кругов с одним в центре. Рисунки блестели в свете, падающем из окон. Изогнутые деревянные скамейки двумя рядами вели к каждой из семи ниш, где стояли статуи Сестер с пустыми глазами.

Слева над головой держала парные мечи святая Мод, хотя она не защитила Гевег от герцога, когда мы нуждались в ней. Рядом с ней святая Вергиф держала корзинку с персиками в одной руке, а другую протягивала в просьбе. Жестоко, ведь голодали сейчас многие. Святая Эрлис смотрела смело, она никогда не врала, но это никого не радовало.

Правая сторона была не лучше. Святая Вертруа держала посох обеими руками, не давая никому пройти к ней. Такая стойкость. Многие проходили мимо нее, и она не двигала посохом, чтобы остановить их. Святая Геду терпеливо стояла в своей нише, не спеша никого спасать. Святая Мальва скромно улыбалась, смущенно отводя взгляд, будто ей было неловко из-за поклонения ей.

В центре была святая Сэя, руками она словно извинялась. Мать милосердия, бабуля «прости, но здесь все повернется так», та, что заставляла думать, что в этот раз все будет иначе.

Святые и грешники, это место было самым жутким в Гевеге. Пустые глаза смотрели и осуждали, хотя сами никак не помогали людям. Я не знала, что они видели во мне.

Я села возле святой Сэи между стариком, у которого из ушей выглядывали волосы, и стопкой промокших книг с молитвами. Стоило бы помолиться.

И я так и сделала.

Прошу, пусть Тали будет в порядке. Пусть ее не ведут на вызов в спальню противного аристократа басэери, возомнившего себя выше похода в Лигу. Пусть я окажусь неправой насчет странного мужчины.

Неровные шаги зазвучали сзади. Я оглянулась. Сгорбленная женщина, которая точно не должна была верить святым. Еще одна заблудшая душа, как я, надеющаяся получить ответы. Если она помнила молитвы, то думала о них. Я закрыла глаза, шепот остальных доносился до меня, напоминая, что я говорила, когда я была маленькой, а Тали еще меньше.

Святая Сэя, сестра сострадания, услышь меня.

Все изменилось. Я вздохнула и помолилась от всего сердца.

Дай мне мудрость найти Тали. Отведи меня к человеку, что... знает то, что мне нужно. Дай силы выбить из него то, что мне нужно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я скривилась. Последнее, похоже, стоило просить у святой Мод.

Белое гладкое лицо святой Сэи смотрело вверх моей головы, убеждаясь, что никто не прошел в комнату слишком шумно. Прозвучали и утихли шаги.

А она все смотрела.

— Ты не слушаешь, — пробормотала я, подобралась ближе и ударила статую по месту, где были ее ноги. Я оставила грязный след на ее мраморном одеянии.

Волосатый старик заворчал на меня и отодвинулся.

Я опустила голову, запустив пальцы в волосы. Зачем я заставила Айлин идти в Лигу? Она не узнает ничего нового, она может попасть в беду. Если никто в Лиге не заметил пропажи учеников, то не заметят и пропажи одной танцовщицы.

Я чувствовала, что только один человек может сказать мне, где Тали, и если я не могу найти его, то сделаю так, чтобы он нашел меня. Он видел меня у дома Данэлло, на углу Айлин. Я буду ходить между теми точками, пока он не покажет свое бесстрастное лицо, а потом столкнусь с ним. Потребую рассказать, где Тали. Заставлю привести к ней.

Еще больше шагов. И они шли... и шли... словно все в комнате вдруг поднялись и ушли.

Я посмотрела на святую Сэю, а она не старалась хранить в храме тишину.

Кто-то сел на скамейку рядом со мной. Желтый и зеленый вспыхнули сбоку.

Святые и грешники, она послушала!

Второй мужчина, с прошлой ночи. Этот был более странным, его черные волосы не сочетались с ярким шелком. А на шелке не было пятен, хотя был дождь и лужи с грязью.

— Ты Мерлиана? — спросил он.

На миг я растерялась. О! Мерлианой я назвалась Старейшине вчера утром. И хоть они нашли меня, они не знали, кто я. Я бросилась и впилась в идеальный шелк, несмотря на протест мышц.

Я толкнула его на скамейку.

— Где моя сестра?

— Что? Не знаю... Слезь с меня.

Вскрики утонули в топоте, оставшиеся люди выбежали из зала. Кто-то точно пойдет за патрулем.

— Говори, где она!

— Не знаю, о чем ты, — он толкнул в ответ, поднял меня со скамейки, как мешок с кофейными зернами. Он впился в мои руки, и на моих глазах выступили слезы.

— Спокойно, девочка.

Он отпустил мои руки. Я извернулась и впилась в его испачканный шелк. В этот раз он схватил меня за запястья, но я сунула два пальца в его рукав и нашла плоть.

— Говори, где она, или будет хуже.

Он замер на миг и вздохнул.

— Хватит вредничать, идем с... акххххх! — закричал он, рухнул, а я втолкнула в него боль. Он отпустил меня и схватился за ногу.

— Где она?

Я услышала смех у входа, повернула голову, а в зал вошел первый ищейка. Он был в красном. Конечно, я его не нашла.

— Спокойно, Мерлиана, — сказал он, между нами оставался ряд лавок.

Я пятилась и врезалась в святую Сэю. Ее протянутые руки оказались над моими плечами.

— Ты в безопасности. Не нужно бежать.

Будто я бы сбежала, когда оказалась в ловушке.

— Где моя сестра?

— Не знаю.

— Врешь!

Второй мужчина застонал и сел, его лицо было бледным и потным от боли.

— Ты видел, что она со мной сделала?

— Тихо, Морелл. Я говорил, что она опасна, — первый мужчина улыбнулся, но я не понимала, веселится он или насмехается.

— Зараза ты, Джеатар.

Первый рассмеялся, но я теперь знала их имена. Мама, рассказывая перед сном сказки, учила нас, что имена дают власть. Я могла это немного использовать.

— Нам не нужна твоя сестра, — сказал Джеатар. — Только ты.

Мой гнев остыл. Если Тали не у них, то кто ее украл?

— А теперь тихо идем, пока не пришел патруль и не узнал, что ты умеешь. Уверен, и генерал-губернатор, и Лига будут тобой очень заинтересованы.

Угроза была бы пустой, но Морелла не пришлось бы и проверять, он едва мог встать на ноги от боли.

Несмотря на дрожь, я ткнула локтем холодный мраморный живот святой Сэи. Это было глупо, но все это все же было ее виной.

ШЕСТЬ

Мы вышли и повернули направо к богатому району. Чем ближе мы подходили, тем больше темноволосых людей миновали, и тем чаще на меня смотрели. Джеатар сжимал мое предплечье крепко, но не больно, Морелл хромал рядом, не касаясь меня. Это случилось с Тали? Они схватили ее на пути из садов и угрожали, что выдадут меня? Крик застрял в горле, но Морелл выглядел так, словно может меня заткнуть парой ударов.

— Куда вы меня тащите? — я огляделась, никто не смотрел мне в глаза.

— Мой работодатель хочет с тобой встретиться.

— Он с герцогом или с Лигой?

Джеатар нахмурился, странно посмотрел на меня и не ответил.

— У него моя сестра?

Джеатар вздохнул, и на миг я увидела на его лице жалость.

— Мы не связаны с твоей сестрой. У нас просто есть для тебя предложение работы, которое может тебя заинтересовать.

Если у них нет Тали, то и мне не нужно было подавлять страх и играть. И это выглядело не как предложение работы, а как похищение. Я замерла и заставила остановиться его.

— Что за работа?

— Прости, но мне нужно сначала тебя привести.

— А если я не хочу идти?

— Тогда мы набросим мешок на твою голову и дотащим, — прорычал в мое ухо Морелл. Он обильно потел, шелковый воротник промок и потемнел.

Я ударила его ногой и вырвала руку из хватки Джеатара. Морелл замахнулся кулаком в мою голову. Я отшатнулась, поскользнулась на влажной улице и упала. Несколько людей обернулось, один даже рассмеялся.

— Помогите! — крикнула я. Те, кто обернулись, быстро отвели взгляды. Я встала на ноги, а они разъезжались, как у новорожденного ягненка.

Джеатар подхватил меня и прижал мои руки к бокам. Он тряхнул меня с силой, моя голова откинулась назад.

— Успокойся, — прошептал он. — Прости, но мне нужно привести тебя, мне будет плохо, если я не смогу. Ты не в опасности, но нам важно поговорить не на публике.

Хоть он и пытался уговорить, я знала только одну работу, начинающуюся с похищений, но я не могла исцелять солдат в Верлатте. Зато я могла бы оказаться ближе к Тали, если она у них.

Джеатар продолжил:

— Прости моего товарища, но я за него не отвечаю.

Извинения? Ищейки не извиняются, не защищают, они не шепчут уговоры, хоть они и пугали. Может, дело не в Тали, не в Лиге и не в том, что я подумала, увидев его.

— Вы не ищейка? — тихо спросила я, чтобы Морелл не слышал.

Что-то мелькнуло в его голубых глазах, я не успела уловить.

— Нет, Мерлиана, нет.

Я замешкалась из-за того, как странно он назвал меня по «имени».

— Куда вы меня тащите?

— Ты хотела бы поесть сегодня?

Я моргнула. Это было явным отвлечением, но хорошим.

— Может, найти что-то о своей сестре?

— Да.

Он улыбнулся, и это почти выглядело искренне.

— Тогда идем со мной, послушаешь моего работодателя. Я прошу только этого.

— Только вы не просите.

Два торговца, увлеченные разговором, врезались в нас. Они подняли головы, раскрыв рты, начали извиняться, но закрыли рты и поспешили прочь, оглядываясь на Джеатара.

Они его узнали! На кого он работал? На генерал-губернатора!

— Идешь, Мерлиана?

Могла ли я ему доверять? Был ли выбор? Если я откажусь, он меня оттащит. Но если там можно узнать что-то о Тали, может, стоит рискнуть.

Я сглотнула и кивнула. Мы пошли, его рука была на моем плече, вел он себя холодно, как камень у озера. Я не боялась так со времен войны, хотя интуиция говорила, что сейчас я в большей опасности. Может, они были наемниками. Многие прибыли в конце войны, некоторые для боя, другие предлагали платную защиту людям. Некоторые остались защищать басэри от тех, кто еще не сдался. Но никто не пытался бороться. Было слишком сложно разозлить людей, которых больше волновала еда, чем свобода.

— Вы наемники?

Он вскинул брови. Не отрицал. Морелл сверлил взглядом и хромал, бледный, как молоко.

Мы повернулись к улице Ханкс-Бейрон и остановились перед каменным зданием с высокой стеной вокруг. Такую стену строят, когда хотят защитить то, что внутри. И вряд ли это были фруктовые деревья, чьи вершины было видно отсюда.

Джеатар открыл ворота и протянул руку.

— После вас.

Он отпустил меня, на миг я подумывала убежать, но если это работа, и они могли помочь мне найти Тали, то я должна использовать шанс. Я посмотрела на Морелла, а тот

словно собирался упасть в обморок. Может, стоит украсть немного боли, чтобы использовать на случай отступления. Я придвинулась ближе.

— Не стоит, — нахмурился Джеатар и завел меня в комнату среднего размера с полками по бокам, похожую на магазин.

Специи и горький металлический запах ударили по мне — сырой пинвиум? Старый запах. Он оставался в носу, но не покрывал горло, как делал запах земли. Предметы разного размера стояли на полках: серебряная утварь, кубики, тонкие удочки, шары, фигурки, колокольчики. Многие были разрисованы, но некоторые были синими, такие я видела. Дорогие безделушки, полные чьей-то боли, готовые ударять.

Ноги задрожали.

— Вы торговцы болью, — новые, иначе я узнала бы магазин.

— Мы работаем на торговца боли, но я не знаю, как долго будет работать Морелл.

Морелл нахмурился, но молчал.

— Сообщи прибытие гости, а потом беги к дежурному Забирателю, — сказал ему Джеатар, хотя звучало это как приказ, а не просьба. — Не думаю, что вас двоих стоит оставлять наедине.

Морелл подошел, хромя, к простой запертой двери в конце, за стойкой, что растянулась почти во всю стену.

— Зачем вы меня преследовали? — спросила я Джеатара.

— Чтобы увидеть твои способности, и ты проделала все в Святилище. Мой работодатель будет рад. Он был уже впечатлен после слов мальчишек в Лиге и фермера Геклара.

Святые! Как можно быть такой глупой? Отрицание будет глупым, не поможет мне.

— Прости, мы тебя напугали, Ниа, — продолжил он, — но мы должны были убедиться, лишь потом подойти.

Он говорил с кем-то кроме Геклара, ведь знал настоящее имя. Геклар рассказал ему про Данэлло? Должен был, но вряд ли Данэлло выдал бы меня. Я вдохнула. Бахари? Может, он выдал меня из мести за принятие боли, которой он не хотел. Но чего хотел Джеатар? Почему скрывал мое настоящее имя?

Открылась дверь, и вышел красиво одетый человек, на его фоне мои спутники выглядели беженцами. Крупный, в шелке, расшитом камешками, с черными волосами, что завивались. Он пах как кузнец. Как папа. Он точно зачаровывал оружие. Хотя я не представляла, как такой пухлый мужчина стоял над раскаленным пинвиумом, зачаровывая его и формируя то, что сможет легко продать.

— Это наша девочка? — спросил он.

— Да, сэр, — Джеатар отступил. Вспышка отвращения мелькнула на его лице. Наверное, даже богачам порой не нравились их боссы.

— Мерлиана, прошу, проходи и садись. Ты выглядишь утомленной, — чародей обвил толстой, как ствол дерева, рукой мои плечи и провел в комнату. Богатством веяло от расшитых гобеленов на стенах и коврах, вязких, как пудинг. — Садись. Садись. Джеатар, принесешь ей немного чая?

Опять просьба, но с тоном приказа.

Я села на диван, что был таким мягким, что я почти провалилась в него.

— Зачем я здесь?

— Я хочу предложить работу, — улыбнулся он. — Мне нужен был кто-то с твоими умениями.

— Я не убийца.

Его глаза расширились, он смотрел на меня, раскрыв рот, а потом рассмеялся.

— А она выдумщица, да? — сказал он Джеатару, принесшему мой чай. Снова вспышка.

Тихое недовольство насторожило меня сильнее, чем угрозы Морелла.

— Сахару?

— Да, прошу.

Он насыпал его и размешал.

— Нет, милая, я не прошу тебя творить такое, — продолжил чародей, вручив мне чай, а потом потянувшись к своему бокалу. — Мне нужен Забиратель, который может превышать пределы пинвиума.

— Это глупо.

— Это значит, быть выше...

— Я знаю, что значит превышать, но в чем прок от Забирателя, который не может избавиться от боли?

— Ты не так поняла. Мне не нужно избавление, нужна передача, — он улыбнулся и сделал осторожный глоток. — У меня есть просьбы и прощ, но их можно обсудить позже, важнее это для клиента, чья дочь была ранена в случае прошлой ночью. Дитя умирает, и Лига не может помочь.

Боль на лицах близнецов вспыхнула в голове, я содрогнулась.

— Не могу ничего сделать. Их Забиратели — обученные Целители. Я — нет.

— Я не говорил, что они не хотели помочь. Они не могут. У них нет пинвиума.

Стакан выскользнул из руки, чай пролился на блузку. Нет пинвиума? Так не бывает! У них была огромная Плита. Туда поместилась бы боль сотен...

— Случай с паромом, — прошептала я. — Они все использовали? Но как?

— Они ожидают еще, но клиенты не могут терпеть до прибытия поставки. Их девочка умрет к тому времени.

Не только дитя. Сколько еще пострадало прошлым вечером? Сколько страдало каждый день? Что будет делать народ, если узнают, что исцеления нет? Паниковать, может, восстанут. Может, будет хуже мятежа из-за еды, когда солдаты герцога сначала схватили выступивших фермеров, а потом пытались заморить нас голодом.

Горечь подступила к горлу. Потому Тали пропала? Она исцеляла прошлым вечером? А если ей стало плохо из-за боли?

— Мерлиана? — чародей стукнул костяшками по столу. — Девочка?

— У... у вас еще осталось немного пинвиума, да? Почему ваши Забиратели не помогут?

Он посмотрел на Джеатара и кашлянул.

— Моя поставка тоже в пути, прибытие отложили из-за интереса герцога в Верлатте. Для такого исцеления у меня не хватает рук. А оставшихся запасов хватит лишь на боль пары сломанных костей.

Холодный чай пропитал блузку и добрался до кожи, но мне уже было холодно. Это объясняло секретность и мое похищение. Если люди подумают, что я могу помочь, они облепят меня. Но Джеатару не стоило так бояться. И он не врал, я узнала о Тали.

— Они хотят, чтобы я исцелила их дочь и передала боль им, пока Лига не пополнит запасы.

Он рассмеялся, и остатки моего спокойствия развеялись.

— О, нет, не совсем так. У них есть другая цель для боли, — он встал и жестом поманил

меня. Я опустила стакан на дорогуший стол и пошла за ним.

Мы прошли в другую комнату. Маленькая темноволосая девочка лежала на столе с одной стороны, ее конечности были в крови, кожа — серой. Рядом с ней женщина в шелках плакала в плечо мужчины, одетого лучше чародея. Он поднял голову, когда мы вошли.

— Это она? — отвращение смешалось с отчаянием. — Она согласна?

Грязный светловолосый мужчина стоял за ними, мял кепку рыбака в руках. Сорняк в вазе цветов.

Взращенные улицей инстинкты говорили мне бежать. Аристократы басэери не работали с рыбаками, пока они не хотели что-то, что легко не получишь. Этот человек мог быть тут только для одного.

— Милая, эта семья хочет заплатить тебе тридцать оппа за исцеление их дочери и передачу боли тому человеку.

Все после «тридцати оппа» было размыто. Я могла и за полгода столько не заработать. Если я сделаю это, мне не будет нужно работать, пока я ищу Тали.

Я посмотрела на рыбака. Выгоревшая кепка, выгоревшие штаны и рубашка. Они платили ему или заставляли?

— Не знаю...

— Ты говорил нам, что она это сделает, Зертаник, — крикнул отец.

Зертаник, чародей, вскинул руки, помахав ими, словно они горели.

— Дайте ей время, мы обрушили на нее все. Милая, дитя умирает. Нет времени.

— Она просто хочет больше денег. Пятьдесят оппа.

Мой выдох было слышно в Верлатте. Пятьдесят оппа! Так можно было бы нанять кого-то искать Тали, и мне бы осталось еще на месяца. Но...

— Простите, но это не правильно. Он не сможет работать, когда я передам боль.

— Ему хорошо заплатят, — прошептал Зертаник.

Может, но мне это не нравилось. Они словно покупали нас, как другие товары.

— Я не знаю, сколько боли передам ему.

— Но мы знаем, что боль делает с ней, — заголосила мать. Отец обнял ее.

— Ты дашь нашей дочери умереть? — сказал он, глядя с угрозой, словно меня это убедило бы. Я уже была виновата.

Ради святой Сэи, это не моя вина. Не мне решать, кому жить, а кому умирать. Мне нужно было заботиться о своей семье, а осталась только Тали.

— Я сделаю это, если и вы возьмете немного ее боли. Троим ее будет проще вынести, пока вы не дождетесь Целителя Лиги.

Мать снова закричала, в этот раз от ужаса. Отец посмотрел на меня, словно я заставляла его есть землю.

— Мы? Мы важные представители герцога, девочка. Если мы будем прикованы к постели, то не сможем выполнять работу.

Вина испарилась. Конечно, они думали, что жизнь их дочери важнее, чем рыбака. Они были такими же, как и все аристократы басэери, которые выгоняли семьи из домов, когда началась оккупация герцога, следя, чтобы мы вели себя прилично и не мешали поставке ценного пинвиума. Бунтовать без еды сложно. Я скрестила руки на груди.

— Простите, но мой ответ нет.

Голоса взорвались. Отец кричал, мать выла, Зертаник пытался их заглушить. На миг ему удалось призвать к тишине, и раздался тихий голос.

— Прошу? Ради меня? — сказал рыбак.

В его словах было столько печали, что я чуть не заплакала.

— Вы не знаете, о чем просите.

— Знаю. Прошу, мисс, я потерял лодку пару месяцев назад. Я не могу работать, а у жены будет четвертый ребенок, — он кивнул на родителей. — Они предложили год платить ренту, если я помогу. Пока мне будет плохо, смогут работать мои старшие мальчики. И они умеют рыбачить, так что мы не будем голодать.

Нет, я не хотела этого снова.

— Вы можете умереть.

Он кивнул.

— Знаю. Но у моей семьи будет год, чтобы встать на ноги. Нужно использовать шанс.

Я посмотрела на умирающую девочку и ее семью. На чародея и преследователя. Джеатар выглядел нерешительно, смотрел нечитаемым взглядом на девочку, а потом склонился и шепнул в ухо Зертаника. Глаза чародея расширились на миг, и он кивнул.

— Милая, если сделаешь это, я спрошу у своих источников Лиги о твоей сестре. У меня влиятельные связи.

На меня смотрели пять лиц с надеждой, но по разным причинам.

— Прошу, мисс, — тихо сказал рыбак.

Он пытался спасти семью. Они пытались спасти свою дочь. Мне нужно было спасти Тали. Это ведь не отличалось от помощи Данэлло и его семье?

Мне хотелось уйти, но пятьдесят оппа! И мне не нужно было убегать от крокодилов ради них.

Я кивнула, мать снова зарыдала. Я прижала руки к девочке и попыталась не думать о шансе рыбака. Это было сложно, когда я ощутила, как она ранена. Каким раненым он будет себя чувствовать, когда я передам ему всю эту боль. Это не будет раной для него, но не могла ли такая боль убить?

— Уверены? — спросила я рыбака. — Это... — я посмотрела на родителей, — ужасно.

— Уверен.

Я повернулась к Зертанику.

— У вас есть еще койка или стол?

Он махнул Джеатару, а тот ушел и вернулся с дешевым столом, какие бывали на рынке.

— Поставьте рядом с ней, — попросила я, — рядом со мной. Мне нужно быть между ними.

Хотя они не заслужили пощады, рыбак заслужил, и я не хотела говорить, что ребенок изранен так, что я сомневалась, что выдержу ее боль, чтобы передать. Некоторые вещи людям лучше не знать.

Я положила ладонь на каждого, стиснула зубы и потянула. Боль поднялась по руке, вспорола грудь и спустилась по другой руке быстрее, чем я тянула, будто хотела выйти раньше, чем ее поймают. Точки появились перед глазами, красные, темнеющие и бледные. Боль полилась в рыбака, и я уже никак не смогла бы остановить это.

Едва держась на ногах, я закрывалась от его криков мыслями о Тали.

* * *

Джеатар прижал к моему лбу влажную тряпку, пока Морелл вытирал мою рвоту в зале. Я чуть не попала на его обувь, спеша к двери, но лучше от этого не было. Джеатар донес меня до дивана, когда я опустошила желудок, я лежала, но комната все равно кружилась.

— Лучше стало? — спросил он с тревогой на лице. Морелл зыркнул на меня, но ему было лучше, значит, где-то было немного пинвиума для помощи ему.

— Немного, — крики рыбака прекратились. Я пыталась удержать немного боли, но она лилась по мне, как река Сиден, я не могла ее остановить. Я едва выжила, а ему теперь с этим мучиться. Святая Сэя, прошу, пусть он выживет. — Что с ним будет?

— Зертаник приказал отнести его домой. О нем позаботятся.

— Он не сможет долго терпеть такую боль. Даже если пинвиума мало, заберите из него немного, прошу. Там все хуже, чем мы думали. Он не выдержит, — желудок сжался.

— Тише, — он положил ладонь на мое плечо, но я заметила сомнения в его глазах. Он быстро это скрыл. — Через день или два прибудет пинвиум, и мы купим у него боль.

— Как можно быть уверенным, что поставки доберутся сюда? — он не мог ничего обещать, пока Верлатта в осаде.

Джеатар посмотрел на дверь Зертаника.

— Он следит за этим. Не переживай, рыбак будет в порядке.

Не будет. Кто мог выдержать такую боль? Ею можно было убить ребенка, а то и взрослого. Я закрыла глаза, но от этого только четче вспомнила его боль. Я снова открыла их. Это все ради Тали. Я выстою, если буду помнить это.

— Он спросил о Тали?

— Уверен, он этим займется.

— Когда вы будете что-то знать?

— Из Лиги сейчас приходит мало информации. Может, уйдет день или два, чтобы что-то услышать.

Доживет ли рыбак? Что я наделала?

Дверь открылась, вышли богачи, девочка спала на руках матери. Отец полез в карман и бросил пригоршню монет мне на грудь. Я вздрогнула, но они не горели. А должны были после того, как я их заслужила.

Десять оппа.

Я села, монеты съехали на колени.

— Вы говорили пятьдесят.

— Ты не помогла ей ради нас, ты делала это ради того человека и себя. Повезло, что я тебе хоть что-то дал, — они вышли из здания и хлопнули дверью.

Джеатар недовольно нахмурился.

— Они должны были заплатить вдвойне, — пробормотал он.

— Мне нужно уходить, — вдруг блузка показалась мне тесной, мешающей дышать. Я быстро спрятала монеты в карманы, не желая больше касаться их без надобности. — Найдите меня, как только услышите о Тали.

— Где ты будешь?

Я замешкалась. У меня уже не было дома. Сдержит ли он обещание или обманет, как эти басэери?

— Я найду. Я буду приходить сюда каждый день.

Он оглянулся на дверь.

— Нет, сюда не приходи. Отправишь послание, и я тебя где-то встречу. Сама выберешь место.

— Хорошо. Мне нужно идти.

— Можешь отдохнуть дольше.

— Я не могу оставаться здесь.

Зертаник появился, когда я пошла к двери.

— Милая, вела ты себя плохо. Те люди предложили хорошую цену за услуги, что можешь оказать только ты, а ты ужасно с ними обошлась. Надеюсь, больше это не повторится.

Джеатар кашлянул.

— Сэр, не думаю, что нам стоит...

— Не носи ерунды.

Сердце колотилось в моей груди.

— Я не буду больше такое делать.

— Подумай о деньгах.

— Ага, целых десять оппа, — папа говорил, что клиенты были сделками, и я продала свою силу по дешевке.

Он нахмурился и разгладил рукава.

— Они обиделись, когда ты отказалась помочь. Если бы ты была сговорчивее, уверен, они заплатили бы больше.

Я схватилась за ручку двери, но он перехватил мою руку и остановил.

— У нас есть другие клиенты, и они хорошо заплатят.

— Нет.

— Ты больше не будешь голодать. И сможешь найти себе место с ванной.

Я вспомнила старый дом. Свою комнату, две ванны, столовую, кухню и комнату для чтения у огня. Задний двор, маленький, но наш. Без Тали и семьи? Нет смысла.

Как можно было глупо подумать, что это было настоящее исцеление? Настоящие целители не ранят людей. Никогда. Кровь зашумела в ушах, но не могла заглушить крики в моей голове.

— Я больше никогда не буду этого делать.

— О, уверен, что будешь, дорогая. Не сомневаюсь, — он улыбнулся, будто знал то, чего не знала я.

Я вырвала руку из хватки и толкнула дверь, а потом побежала так быстро, как могла на дрожащих ногах.

СЕМЬ

Я смогла пересечь мост, а потом врезалась в стену. Улица кружилась, и я сползла на землю.

Что-то холодное коснулось моей головы. Я подняла голову, привычный вечерний дождь стучал по моему лбу. Дождь. Крокодильи слезы святой Сэи.

А если рыбак не продержится до прибытия пинвиума? А если он умрет? А если я убила его? Я не могла дышать.

Я зажмурилась. Он молил меня сделать это. Он знал риск, он хотел это сделать, чтобы спасти семью.

Но я толком не спорила.

Я зажала руками уши. Я спорила. Я сказала, что это неправильно. Отказалась. Они не слушали. И он просил меня!

Стоило ли это того?

Чтобы найти Тали? Да! Я всхлипнула, вытерла нос мокрым рукавом. Джеатар сказал, что поставка пинвиума в пути. Рыбак потом будет в порядке. Все получают то, чего хотели. Никто никого не заставлял.

Но и выбора не было.

Я отогнала мысль. Он меня просил. Они меня просили.

Холод окатил меня, потом жар, потом тьма. Опять холод, что-то твердое прижалось к ноге и плечу. Я открыла глаза. Мир встал на бок.

Нет. Я упала на бок. Обморок? Я еще не падала в обморок, даже от голода. Я села, тело затекло, кожа была липкой. На меня капал дождь, покалывая.

Люди смотрели на меня, проходя мимо, кто с жалостью, кто с отвращением. Женщина пошла в мою сторону с тревогой на морщинистом лице, но трое солдат басэери пересекли мост, и она поспешила прочь, опустив голову. Солдаты на меня и не взглянули.

Никто не собирался помогать мне встать, тем более, спасти Тали. Точно не солдаты, как и не мой народ. Все слишком боялись, что их заметят, боялись выделиться, хоть и пустяком. Людей, которых замечали, ранили. Люди, что возмущались, пропадали. Так все тут было.

Мы слышали такие же истории от тех, кто сбежал из Сорилля до того, как герцог сжег его дотла, и все понимали, что будет, когда герцог разберется в Верлаттой.

Я пару раз глубоко вдохнула, все стало четче. Я смогу и сама. Я найду Тали, и вместе мы спасем рыбака. Я поднялась на ноги и пошла к Святилищу. Я почти добралась, когда ладонь легла мне на плечо.

Я закричала и обернулась, готовясь увидеть солдат или кого хуже.

Айлин вскрикнула и отдернула руки.

— Святые, Ниа! Я же говорила тебе не высовываться.

— Айлин, я ужасный человек, — я прижалась к ней, плача в ее уже мокрую одежду.

— Нет. Что случилось? — она отвернулась и сморщила носик. — Тебя тошнило?

Я закрыла рот и кивнула.

— Я совершила нечто ужасное. Я... — не могла рассказать ей, не выдав, что я Забиратель. Не втянув ее в это сильнее, чем она уже была. Я все еще не знала, кто забрал Тали, и я не могла рисковать Айлин. — Я украла десять оппа из коробки для пожертвований в Святилище.

Ее хмурый вид растаял.

— Тебе это нужно больше, чем многим, кого я знаю. Ты не плохая.

Но я была ужасной. Чудовищной. Но деньги и информация могли помочь мне найти Тали, и мне это было нужно.

— Ты что-то узнала?

— Немного, но вряд ли это поможет, — она огляделась. — Тут слишком открыто. Идем в «Танниф», купишь нам кофе на украденные деньги, и мы поговорим.

* * *

В «Таннифе» былолюдно, стулья и лавки у стен были забиты людьми. Басэери сидели на большими столами на мягких стульях. Айлин смогла найти нам столик вдали, у двери на кухню. Каждый раз, когда мимо пробежала девушка-официантка, пахло кофе и жареной рыбой.

— Расскажи мне все, — сказала я, обхватив ладонями чашку кофе. Мой первый за месяцы горячий ужин готовили сзади. Деньги казались грязными, но я не могла найти Тали,

если была бы без сил от голода. Логика спасала больше жизней, чем мечи, как говаривала бабушка. А лжецы и воры никогда не были счастливы. Эту мысль я отогнала.

— Друг сказал мне, что Старейшины уносили много людей от комнат исцеления. Куда-то глубже в Лигу, но он не увидел, куда вела лестница дальше второго этажа, — она склонилась над столом. — Ниа, он клянется, что все, кого уносили наверх, были в зеленом.

— Как ученики?

Она пожала плечами.

— Он не был уверен, но думает, что да.

— Ты говорила со Старейшинами о Тали?

Она нахмурилась.

— Они не заговорили бы со мной, но я нашла несколько ребят четвертого курса, и ни сказали, что Тали ушла, потому что было слишком сложно. Сказали, что она ушла домой.

Страх отогнал мой голод.

— Ложь.

— Знаю, но они в это верят, значит, это сказал им тот, кому они доверяют, — Айлин огляделась. — Ниа, я спрашивала сына хозяина одного из домов представлений о людях, которых уносят наверх. Он страж в Лиге, и он не был встревожен. Сказал, что ему передал сам Светоч, что они устали из-за исцеления аварии на пароме. Их унесли отдыхать.

Светоч врал? Это не должно было меня удивлять, но удивило. Он многое скрывал. Отсутствие пинвиума, много раненых, учеников уносили наверх, и они уже не спускались.

Святая Сэя! Они не могли... ни за что... но...

А если они исцеляли без пинвиума? Если раненых, как та девочка, было много, и люди оказывали близки к смерти, забирая боль. Ученики не могли остановить это. Светоч вряд ли стал бы останавливать это. Потому он хотел больше Забирателей? Потому что у него не было пинвиума, и ему требовалось больше тел?

Как могла Лига делать так с ними? Ученики не знали. Иначе никто не согласился бы.

Но рыбак согласился.

Не Тали. Она бы не пожертвовала собой ради помощи аристократу басэери.

— Айлин, думаю, Светоч использует учеников как пинвиум, — прошептала я, с трудом веря в такой ужас. — Когда они не могут больше исцелять, он уносит их подальше.

Глаза Айлин расширились.

— О чем ты говоришь?

Я рассказала ей о том, что узнала у Зертаника, и ее глаза стали еще шире.

— Мне нужно забрать Тали. Я не знаю, сколько боли она забрала, как давно она в ней. День, не меньше. Может, еще с аварии на пароме.

Официантка принесла нам рыбу и картофель. Я дала ей один оппа, она вручила сдачу. Айлин поймала пару картофелин, что чуть не укатились с тарелки, и вернула их на место. Ее не тревожило, когда люди плохо относились к ней из-за ее работы на басэери.

— Мне нужно идти, — сказала я, поднимаясь.

Айлин схватила меня за руку и удержала.

— Нет, тебе нужно поесть. Ты не можешь выступить против Лиги без еды. Поешь. Сейчас.

— Но...

— Никаких возражений.

Я быстро поела, говоря с набитым ртом:

— Твой друг может провести меня внутрь? — вряд ли у меня было время ждать Джеатара.

— Не знаю... Я могу спросить. Ниа, тебе потребуется не только это, чтобы забрать Тали.

— Я пойму все уже внутри.

— Нет. Тебя поймают и выбросят, если повезет. Иначе — арестуют. Или хуже, — она понизила голос, хотя гул в комнате был громким. — Думаешь, им нужны те, кто знают, что пинвиума нет?

— Нет. Начнется паника.

Айлин кивнула.

— А этого не хотят во время войны. Может начаться мятеж.

— Мне нужно как-то попасть внутрь.

— Если они это делают, то ни за что тебя не впустят. Удивительно, что я попала туда. Они начали прогонять людей, когда я уходила. Видела толпы в Лиге?

— Тогда я буду скрыта. Украду одежду. Что-то зеленое. Сможешь сделать меня похожей на ученицу?

Айлин замешкалась на миг, а потом сжала мою руку.

— Идем в мою комнату. Я знаю, что делать.

* * *

Я забыла, как приятно купаться. Когда Айлин закончила отмывать меня с цветочным мылом, я выглядела уже не так плохо. Ее комната была рядом с ванной, пар проникал в трещинки в стенах.

— Я ценю помощь, но как же твоя работа? — спросила я, расчесывая влажные волосы. — Ты не можешь все еще быть на перерыве.

— Я сказала им, что пришлось срочно уйти к семье.

— А если тебя уволят?

— Найду новую работу.

Она говорила так просто. Так с ней и было. Мы встретились два года назад, когда отмывали судно басэери.

Работа у басэери тревожила меня сильнее, чем запах, но Айлин улыбалась при работе и даже веселилась. Хозяину она понравилась, он дал ей рекомендации. Я ничего такого не получила, потому что не скрывала своего отношения к басэери.

— Вот, надень, — она сняла простое, но красивое белое платье с веревки в углу и бросила мне. Там висело еще шесть платьев, две корзины с бельем стояли на полу под веревкой. — Зеленого у меня нет, но это поможет тебе пройти.

— Меня не проведут наверх только потому, что я чистая, — сказала я, надевая платье. Ткань приглушила голос.

— Ты это только сейчас поняла?

Я нахмурилась, но она была права. Я не знала, что делаю. Но план формировался, мне нужно было еще несколько составляющих.

— Я могу тебя правильно заплести, — сказала она, открыв шкатулку на столике у кровати и вытащив зеленые бусы. Она порвала нить, бусины упали ей на ладонь. — Хмм, оттенок не совсем тот, что у Лиги, но близкий. Никто так присматриваться к твоим волосам не будет.

Бусины мерцали, как надежда.

— У Тали три формы. Если я попаду в ее комнату, я смогу переодеться, выглядеть как ученица. Я попаду туда к концу уроков, так что смешаюсь с толпой.

— А потом сможешь пойти, куда захочешь! Хорошая идея. Надейся, что тебя не попросят исцелять, — она вздрогнула, словно пожалела, что упомянула это. Я как-то раз обмолвилась, что завидую тому, что Тали взяли в Лигу, а я туда попасть не могла. Она, наверное, решила поэтому, что мне сложно исцелять. Она взяла утюжок для волос, греющийся на печи. — Выпрямим эти кудри?

Зашипел пар, Айлин работала с моими волосами. Я пыталась вспомнить самый быстрый путь в комнату Тали. Я пойду через северные ворота, или нет, тощий страж может меня узнать, а мне нужно было выглядеть как ученица. Западные ворота, где есть люди, подойдут, я смешаюсь с теми, кто хочет исцеления. Я смогу. Доберусь до комнаты Тали. А потом? Плана не было.

Айлин поднесла зеркало.

— Выглядишь идеально.

Я выглядела как Тали. Слезы застилали глаза. Я взяла себя в руки, не дав вытереть их о платье Айлин. Я сморгнула их. Она повязала белый шарф вокруг моих волос, стянутых в хвост Целителя с бусинами.

— Спасибо, Айлин.

Она улыбнулась и с серьезным видом сняла два браслета.

— Возьми это.

— Не стоит... я уже нормально украшена.

Она схватила меня за руки.

— Там бусины из пинвиума. Я покрасила их, чтобы скрыть, но они работают, если твои запястья сожмут. Они не пошлют много боли, мне не нужно было, чтобы кого-то отключило, но ужалят довольно сильно, чтобы тебя отпустили, а ты смогла сбежать.

— Айлин, я...

— Возьми, — она надела их мне на запястья. — Исцеление дорого. Из-за денег люди убивают. Если ты говорила правду об учениках, то представь, что они сделают, чтобы ты замолчала.

Я пыталась не думать об этом. Я обняла ее, глядя на плохие картины пейзажей на ее стенах, чтобы не заплакать.

— Спасибо, Айлин. Большое спасибо.

Она дрожала, обнимая меня.

— Будь осторожна. Ты — моя единственная подруга. Ты ведь это знаешь?

Нет, но стоило знать.

— Я буду осторожна.

Она вытерла глаза, размазывая темные пятна по щекам.

— Хорошо, идем.

— Что? Ты никуда не идешь.

— А кто представит тебя моему стражу-другу?

— Нет, я передумала. Ты права насчет опасности, и я не хочу никем рисковать. Я должна идти одна.

Она прикусила губу, но кивнула.

— Удачи. Пусть святая Мод тебе поможет.

— Спасибо, — мне нужна была вся смелость. — Я скоро вернусь с Тали.

Она улыбнулась, но вымученно. Будто не ожидала больше меня увидеть, но не хотела думать об этом.

Я отвернулась раньше, чем начала плакать, и пошла в Лигу.

Семь Сестер, услышьте меня, потому что мне понадобится ваша помощь, чтобы вернуть сестру.

ВОСЕМЬ

Лига никогда не казалась такой опасной.

Она напоминала изогнувшегося кота, что шипел. Краба, щелкающего клешнями. Крокодилиху, охраняющую гнездо с яйцами. И я собиралась ткнуть туда палкой.

Я затянула влажный шарф на волосах и смешалась с людьми, идущими к Лиге под слабым дождем.

Главная дверь виднелась впереди. Она всегда была такой высокой? И широкой? Она проглотила меня с еще десятком людей, мы прошли в холл. Сегодня вечерний свет из высоких окон был серым, закрытым дождем. Тусклый свет. Тусклое настроение. Призрачные шансы.

Но я все равно вытащу Тали.

Я задержала дыхание рядом с солдатами, но на меня никто не посмотрел. Я шла мимо раненых людей, ждущих исцеления, никто не знал, что если Лига впустила их, то очередной бедный ученик наберет больше боли, чем может выдержать. Если бы крик о правде мог кого-то спасти, я бы уже вопила об этом, но я уже достаточно видела того, на что способны отчаявшиеся люди.

Я повернула направо и пошла к комнате Тали. Темноволосый страж Лиги прислонился к дверному проему со скучающим видом. Он оживился, когда я приблизилась.

— Простите, — сказал он, — но вход сюда ограничен.

Пауза между ударами сердца была вечной, я выдавила лучшую улыбку и как можно увереннее изобразила Айлин:

— Знаю, и спасибо, что охраняете мою комнату, — я почти подмигнула, но это могло выглядеть как нервный тик.

— Ты здесь живешь?

— Я прошлого дня Мод, — я шагнула к комнате, но он преградил путь. У всех стражей такие широкие плечи? Наверное, это из-за фехтования. — Можно войти? Я уже опаздываю.

— Я тебя не узнаю.

— Я новичок, — я склонила голову, и косички с бусами скользнули на плечо.

Он замер, челюсть его подрагивала, словно он что-то жевал.

— Где твоя форма?

— В комнате, — о, ради любви святой Сэи, как это все работает? Тали заслуживала большего, чем сестру с плохо продуманным планом.

— И ты вышла раньше?

— Именно.

Он фыркнул, словно подловил меня.

— Почему тогда я не видел этого? Я пришел рано утром и был здесь весь день.

Разум работал быстрее испуганных куриц.

— Я хотела посмотреть рассвет, — не работает. Зачем выходить ради этого?

Ученица... обычная девочка... — Слушайте, — я шагнула к нему и огляделась, словно опасалась Старейшин. Так и было, но не по тем причинам, что он должен был представить. — Я не пришла прошлой ночью. Один мальчик потерял мать в том случае с паромом, его нужно было успокоить, — я выглядела сейчас довольно взрослой для встреч с парнями. Я надеялась на это.

Он сверлил меня взглядом три болезненных удара сердца, а потом криво улыбнулся. Он окинул меня взглядом и кивнул.

— Осторожнее с этим. Тебя выгонят, если поймают.

— Не поймают, — если святые позволяют.

— Тогда скорее, — он отошел, и я заставила себя идти, а не бежать в комнату Тали. Я юркнула внутрь и рухнула на ее кровать. Я дрожала там пять минут, пока не взяла себя в руки. Было бы быстрее, если бы в комнате многое не напоминало о Тали, а ведь она могла даже не увидеть больше эту комнату, и это пугало сильнее стражей.

Нервы унялись, но не успокоились, и я сняла платье Айлин и переоделась в белую форму Тали. Она была короткой, тесной на талии и бедрах, но зеленая жилетка это хорошо скрывала. Я сложила вещи Айлин и спрятала в шкаф, чтобы никто не заметил, заглянув в комнату.

Я ушла, стараясь не бежать, не выдавать себя. После нескольких странных взглядов от ребят с одной или двумя лентами. Опоздания учеников были редкими.

Палата исцелений выглядела так же, как я запомнила ее в детстве, когда помогала маме. Я всего-то держала полотенца или миски с теплой водой для смывания крови, но я чувствовала себя важной. Я надеялась, что у меня будет такая жизнь, но теперь я понимала, что мечты были безнадежными. Комната теперь казалась меньше, но это я стала больше. Кровати стояли рядами, их разделяли занавески. Сюда приходили, в основном, раненые не опасно или заболевшие, или те, кто не мог заплатить за полное исцеление. Богатые и очень раненые попадали в отдельные комнаты.

Я повернулась и пошла туда, пот пропитывал волосы у шеи. Я не была в таких комнатах после смерти отца, убитого одним из солдат герцога через несколько месяцев после окончания войны. Мама пыталась спасти его, но когда его отряд прибыл в Лигу, он уже был мертв. Никто не говорил нам, где умерла мама, ее вернули в ящике, как нежеланный подарок. Люди басэери управляли Лигой и помогли подавить мятеж.

Закрытые двери обрамляли коридор, угнетая, как и в Святилище. В конце широкая лестница витками уходила во тьму и вверх. Я схватилась за медный поручень и шагнула ближе, надеясь, что Тали там.

— Ты!

Я застыла, пальцы сжались на холодном металле, а потом шагнула еще раз. Может, он говорил не со мной.

— Ученица! Спускайся, ты нужна в палате.

Я развернулась, раскрыв рот, но не могла придумать причину отказать. Низкий лысый мужчина с шестью золотыми лентами на плече и двумя серебряными на другом смотрел на меня. Глава исцелений.

— Девочка, — он скрестил руки на груди, — раненый ждет.

Святые, спасите! Я подошла, он обхватил сзади мою шею. Не с силой, но так уводили непослушных учеников. Он повел меня в палату исцелений и остановился между рядами кроватей. На четверых были люди, некоторые сидели, некоторые лежали, но все были

ранены.

— Первый шаг в определении раны? — заговорил он голосом учителя, и он не простил бы мне ошибку.

Я сглотнула, но горло пересохло.

— Н-нужно... — я протянула руки к женщине на кровати. Она была хорошо одета, но ткань была в пятнах крови и порезах.

Глава исцелений начал постукивать ногой.

— Нужно положить ладонь на голову и на сердце, чтобы ощутить состояние.

Он кивнул и перестал стучать.

— Приступай.

Я взглянула на пациентку. Она не спала, ее глаза были стеклянными, но рана не выглядела страшной. Я прижала ладони к ней и ощутила все внутри, как меня учила Тали.

— Ушибленные ребра и череп, переломов нет.

— Кровотечения?

Кровотечения? Тали не учила меня ощущать это.

— Я... не могу сказать.

— Ты не слушала на уроке?

Он положил ладонь поверх моей. Я ощутила покалывание, четче ощутила состояние женщины. Синяки ощущались ярче. А потом что-то, похожее на темную искру, как точки перед глазами, когда долго смотришь на солнце.

— Видишь? У основания черепа?

Я видела.

— Да.

Он убрал руки, картинка потускнела. Я потянулась туда снова, и она вспыхнула. Вина растекалась по моей груди. Тали училась такому каждый день. Настоящему исцелению.

— Еще есть? — глава исцелений звучал радостно, и я почти улыбнулась.

— Не вижу.

— Тогда продолжай.

— Что?

Он снова нахмурился.

— Исцеляй пациента. Внутреннее кровотечение закрывается так же, как и наружное.

Он хотел, чтобы я исцеляла! Я могла убежать, но тогда я не смогу вернуться и найти Тали. Он долго смотрел на меня, он меня точно запомнил. До лестницы идти придется через его владения, он точно меня поймает, если заметит.

Я прижала ладони к ее ребрам и потянула. А потом к голове. Закрыла кровотечение, но оставила синяки. Кровотечение убило бы ее, но головную боль пару дней она потерпит.

— Готово, — я убрала руки, голова и ребра побаливали.

Он прижал ладони и нахмурился. Я сжалась.

— Упустила одно.

— Простите, — я забрала ушиб со стыдом. Если бы я была ученицей, он бы выгнал меня из Лиги за такую ошибку? Наверное, нет.

Не важно. Если бы я была отсюда, то не оставила бы ушиб. Я бы хотела впечатлить его, показать себя, и для этого я бы упомянула о боли, которую начинала ощущать у ее ладоней и ступней.

Но я была не отсюда, я этого не сделала. И впервые было не больно молчать. Если бы я

была отсюда, я бы заперлась где-то в комнате с Тали, и нам никто не был бы нужен.

— А теперь этот мужчина? — глава целитель взял меня за локоть и подвел к следующей кровати. Мне не нужно было касаться его, чтобы видеть переломы обеих рук. Я не смогу нести Тали с болью в руках.

— Не могу.

— Не можешь? — он вскинул брови. — Отказываешься лечить пациента?

Ученик у соседней кровати вздрогнул и с ужасом посмотрел на меня. Он не знал, что тут происходит, иначе не судил бы так быстро.

— Нет, я... кхм... Я... — не могла остаться, потому что хотела спасти сестру. Это меня отсюда не увело бы, не помогло бы Тали. — Мне не очень хорошо.

Ученик смотрел на меня, черные волосы торчали вокруг его головы, словно он был грязным одуванчиком. Глава исцелений тряхнул руками, словно я ему надоела. Хотелось бы.

— Работа Целителя — лечить, девочка, иначе ты — бесполезный Забиратель, который может лишь наполнить болью ложку из пинвиума. Знаю, это страшно, это больно, но если ты хочешь первую ленту, то помни, что мы страдаем, помогая другим. Или ты не так сильна, чтобы срastить кость? — он сказал это с вызовом. Это точно работало с парнями, прогоняло их страхи для работы.

— Я... — вошли двое Старейшин, каждый разглядывал комнату, как солдаты.

Глава исцелений схватил меня за руки. Я вскрикнула, холод пронесся по телу. Он хмыкнул и отпустил меня, но в его глазах вспыхнуло одобрение.

— Ты довольно сильная. Ты сможешь хорошо тут устроиться, если захочешь.

Я бы хотела услышать эти слова раньше, ведь теперь они не имели ценности.

Один из Старейшин подошел к нам, мое сердце сжалось. Его я пнула, будучи Мерлианой.

— Проблемы, глава исцелений Гинкев?

— О, нет, нет, — он вздрогнул и неуверенно улыбнулся. — Нервы первого раза, думаю.

— Она отказалась лечить пациента, господин, — сказал ученик, сунув свой острый но басэери, куда не стоило.

— Отказалась? — Старейшина взглянул на меня, замер и присмотрелся. — Как тебя зовут?

— Татса, — это было не имя, а старое ругательство бабули, так она говорила, когда мы выскакивали из-за мебели, пугая ее. Это у бабушки было от горного народа.

Он присмотрелся.

Святая Сэя, только бы не узнал.

— Отказ может привести к исключению, — сказал он.

— Я... — все еще не знала, что сказать. Во мне уже была боль. Я могла ударить их, побежать по лестнице, схватить Тали, пронести ее мимо стражи, Старейшин и глав исцелений. О, кого я обманываю?

— О, уверен, она видит, что нечего бояться. Она будет в порядке, — глава исцелений похлопал меня по плечу и начал отворачивать. Какого цвета были его волосы до того, как выпали. Точно не черными. — Не стоит на нее давить.

— Да?

Глава исцелений замешкался.

— Здесь все в порядке.

Улыбка появилась на лице Старейшины.

— Она сильна?

Даже мои волосы хотели кричать.

— Она... — он посмотрел на меня и сглотнул. — Довольно сильная. Но не обучена, — добавил он быстро.

— Может, я перегнул, — сказал Старейшина. — Я не буду тебя исключать, если ты поможешь нам с важным исцелением. Откажешься, и вылетишь из Лиги. На улицу.

Угроза сработала бы, будь я ученицей. Даже ученик с одной лентой согласился бы и был бы рад второму шансу. Работа, еда и комната не бросались из-за страха. Конечно, настоящий ученик не знал бы, что означает второй шанс. У меня не было выбора. Тали говорила, что важные исцеления проходили наверху, она закатывала глаза, будто простым ученикам не позволяли ходить «наверх».

Это, видимо, изменилось.

Если я соглашусь, меня отведут туда, но если исцеление будет таким же, как с девочкой, я получу столько боли, что не смогу помочь Тали. Отказ вышвырнет меня отсюда, и я вряд ли смогу пробраться обратно. Лучше спасти ее сейчас, но это будет рискованно.

Старейшина широко улыбнулся.

— Выбирай с умом.

Невозможные слова.

ДЕВЯТЬ

— Ты Целитель или нет?

Стоило ли это риска?

— Я Целитель, — сказала я, не пряча дрожь в голосе. Страх — это хорошо. Страх означает податливость, это Старейшины любили.

— Отлично, — Старейшина постучал пальцами по моей спине, подталкивая меня туда, куда я не хотела идти. — Романелы будут рады.

— Но, Старейшина Манков, она нужна здесь.

Старейшина прищурился, глядя на главу исцелений.

— Переломы и порезы ведь не важнее серьезной раны?

— Нет, сэр. У нас мало рук, да, — фальшивая улыбка. — Может, вы ее вернете сюда, когда она закончит?

— Конечно.

Мы прошли мимо кроватей, полных боли, к закрытым комнатам, по лестнице к агонии. Шаги отстукивали секунды, что у меня оставались, а я не могла сбежать, может, меня ждет такой же конец, как Тали.

Мы остановились у двери. С этой стороны никто не мог понять, что ждет за ней.

Я напряглась, готовая побежать по лестнице.

Старейшина открыл дверь и толкнул ее. Три человека. Мужчина стоял в стороне, две женщины лежали на соседних кроватях.

— Вы сказали, одно исцеление, — я скривилась. Рот стоило держать на замке.

— Да. Сестры. Та, что слева, была в сознании, когда брат принес их. Она отказалась отпускать другую сестру, хоть мы и не можем ей помочь.

— Она мертва? — она так не выглядела. Бледная, но не с восковым отливом.

— Близка к этому. Мозг раздавлен. Мы ничего не можем поделать.

Дар, если я готова это принять. Я посмотрела на лестницу. Тали была где-то там, мне нужно было пробраться. Разве не лучше сделать это с сопровождением? Я посмотрела на сестер, цепляющихся друг за друга даже при смерти. Ее сестра могла спасти мою.

Я прошла, сердце колотилось, кожа потела, кости дрожали. Будь сильной ради Тали. Звучало почти как голосом мамы, но я знала, что мама сказала бы мне бежать. Спасти хоть одного ребенка, чтобы горевать по другому. Бабушка сказала бы схватить стул и ударить о чью-нибудь голову, но она говорила это с поговоркой, так что звучало не так грубо. Если бы тут был папа, его бы послушались. У него были очень широкие плечи. В три меня.

Брат выступил вперед с надеждой и отчаянием, какие я видела так часто за последние дни.

— Ты можешь ее спасти? Можешь?

— Могу.

Глаза Старейшины расширились, он улыбнулся, успокаивая. Для брата, а не для меня. Я для него была лишь ходячим пинвиумом.

— Татса — одна из наших лучших. Она постарается, но помните, что не все раны можно исцелить.

— Прошу, спасите ее.

Я закрылась от его страха и надежды. Мне хватало своих.

Старейшина смотрел, как я опускаю ладони на голову и сердце, как все ученицы делали. Я скривилась, и не для вида. Множество переломов. Несколько кровотечений, теперь я умела их ощущать. Несколько ран, они были хуже, чем у девочки, которую я спасла пару часов назад.

Мне не нужно было проверять умирающую сестру. Я видела отсюда ее разбитую голову и серо-розовую жидкость, текущую оттуда. Удивительно, что она еще не мертва. Или это везение.

Старейшина и брат склонились, словно ожидали моих слов.

— Все плохо, но, думаю, я смогу ее исцелить.

Брат зарыдал, радость и надежда были такими сильными, что задавали страх. Старейшина пытался скрыть улыбку, но я видела ее в уголках его тонкого рта. Им за это, наверное, много платили. Он повернулся к брату и положил ладонь на его плечо.

Пока он отвернулся, я сунула руку под почти мертвую сестру, прижала пальцы к ее остывающей коже так, чтобы Старейшина не видел. Другую ладонь я оставила на сердце живой сестры. Я должна быстро переместить ее боль умирающей сестре, пока он не повернется ко мне. Глубокий вдох, быстрая молитва, и я потянула.

Жаркая боль, ослепляющая агония полилась в меня. Я гнала ее по себе в другую сестру, став проводником. Я заскулила, позволила себе кричать. Здесь не было пугливых, Старейшина знал, что я буду кричать.

Одна сестра была спасена. Другая умерла. Мне нужен для Тали лучший исход.

Крича, я рухнула на землю и сжалась. Заставила пальцы согнуться, как когти. Заставила ноги дрожать. Играла так, как и ждал Старейшина.

— Сжальтесь, Святые! — с ужасом выкрикнул брат. Я была рада, что спасла ему сестру.

— Б-больно... спасите... — скулила, стонала и корчилась я. Как сильно нужно играть?

— Нет, нет, это нормально для такого исцеления, — соврал Старейшина, схватил брата за плечи. Удерживал его? Он вполне мог броситься мне на помощь. — Она будет в порядке.

— Она так не выглядит!

Я закричала еще раз.

Дверь открылась, двое парней вбежали с носилками. У них на плечах не было золотых кисточек, зато у обоих были черные блестящие волосы. Как и у Старейшины. И у стража у комнат общежития. Мне стало не по себе. Это были басэери. Где Целители и стражи Гевега?

Стражи подняли меня, не церемонясь, и опустили на носилки. Я застонала и мысленно попросила их поторопиться.

— Эти джентльмены отнесут ее туда, где она отпустит боль в пинвиум.

— С ней точно все будет в порядке?

— Будет как новенькая. Ах, ваша сестра просыпается... — его голос утих, меня понесли по лестнице. Я стонала, а они пыхтели, но во мне пылала надежда. Они несли меня куда-то высоко, близко к вершине Лиги, к куполу.

Прошу, Святая Сэя, пусть они принесут меня прямо к Тали.

— Интересно, сколько этот заплатил, — сказал парень со стороны моих ног.

— Я слышал, что тысячу оппа.

На миг я забыла, что нужно постанывать. Тысячу?!

— Стоит потребовать бонус.

— И потерять эту работу? Нет уж. Я люблю легкую работу с высокой зарплатой.

— Но можно получить больше, если пригрозить, что мы все расскажем.

Сухой смешок.

— Думаешь, кому-то есть дело до этих Забирателей? Это лишь сироты войны. Беспольные люди Гевега.

Мне было дело. Если бы я только оставила немного боли. Я заставила бы их уважать сироту быстро. Может, я отдам им боль Тали, посмотрю, как они запоют, когда будут лежать на полу, крича, страдая так, как Тали и остальные.

Мы остановились. Третий парень сказал:

— Еще одна? Думал, они уже кончились.

— Немножко осталось, — парень у моих ног рассмеялся. Я сжала кулаки. Нет времени учить их, за дверью может быть Тали.

— Заносите.

В комнате пахло мочой и потом. Не было запаха фиалок и имбиря Тали. Была ли она тут? Должна быть. Меня бросили на скрипящей койке, парни ушли, топая по полу.

— Эй, Кионэ, хочешь потом сыграть в карты? Есть неплохое место.

— Конечно. На закате.

— Тогда увидимся через пару часов.

Тишина. Нет, не тишина. Тихое гудение. Стоны, тихие всхлипы.

Я открыла глаза. На кровати справа из-под одеяла виднелись светлые волосы. Тали? Я прищурилась. Нет, не она. Я оглядела соседние койки, но светлых волос Тали не увидела. Где она? Ламп было мало, они горели тускло. Разглядеть светлые волосы было сложно. Окон не было, и дверь виднелась только одна. Но кроватей было очень много.

Сжальтесь, Святые.

Двадцать, а то и тридцать кроватей стояли плотными рядами, как в палате во время войны. Только несколько были пустыми. Конечно, я не видела учеников внизу. Их осталось мало. Как мне найти Тали среди них?

Шаги раздались справа, тихие, но быстрые. Я закрыла глаза. Кто-то накрыл меня одеялом, подоткнул мне под подбородок. Я вспомнила нечто другое, но кто знал, сколько

еще людей здесь было.

— Тише, — сказала мягко девушка. — Знаю, больно, но скоро все закончится. Светоч получит пинвиум и заберет боль. Он обещал, — она звучала юно, может, одна из тех, кто пока получил мало лент. Нежные пальцы погладили мой лоб. — Ты останешься, слышишь?

Шаги утихли, и я открыла глаза и начала разглядывать кровати дальше. Пять светлых голов было отвернуто, кто-то из них мог быть ею. Вдали виднелось несколько светловолосых голов, но в тусклом свете я не была уверена. Я плохо видела отсюда. Если так девушка уйдет в туалет или еще куда-то, то я смогу начать поиски.

Тихий вскрик разрушил тишину, за ним стон. Шаги проследовали по комнате.

— Вот так, засыпай. Тебе будет так проще.

Гнев пылал во мне. Как мог Светоч так поступить с ними? Это хуже, чем то, то герцог делал во время войны. Лига должна была помогать людям, а не причинять боль. Здесь были дети! Они верили Старейшинам, верили Светочу, что те позаботятся о них, когда никто этого не делал, даже если он был еще одним басэери, назначенным герцогом. Они не заслужили этого. Тали точно не заслужила.

Дверь снова открылась. Я сжала кулаки. Еще бедный ученик?

— Эй, Ланэль, — я узнала голос стража двери. — Перерыв у тебя есть?

Она захихикала. Ей все равно? Она не злилась и не хотела сорваться на Старейшинах?

— Есть перерыв на еду.

— Можешь взять один? Солнце опускается, над доками двойная радуга. Идем, посмотрим.

Я задержала дыхание. Да! Иди и флиртуй с бессердечным парнем.

— Не могу. Это моя ответственность.

— Но пятнадцать минут ты выделить можешь? Хоть посмотришь на что-то хорошее. Это пойдет на пользу.

— Не знаю.

— Никто не увидит. Обещаю.

— Ладно, но быстро. Я не хочу бросать их надолго.

Дверь закрылась. Я вскочила с койки и побежала к первой светлой голове. Не Тали. Еще одна... Не она. Я миновала три кровати. Не Тали, а мальчик с длинными волосами. Еще через две кровати была девушка, которую я видела, но не знала ее имени. Да где же она?

Я подбежала к дальней стене, где было темнее всего. Знакомый нос привлек мое внимание, но волосы девушки были рыжими, а не светлыми. Волосы! Я огляделась. Не было черных волос басэери. Конечно, я не видела Целителей Гевега. Даже исцеления ждали темноволосые. Конечно. Светоч использовал жителей Гевега, чтобы спасти басэери. Он был гнилым человеком герцога.

От гнева мои щеки пылали. Тали должна быть здесь. Я проверю каждую кровать дважды, если нужно.

Еще светлая голова в дальнем углу. Я опустилась и увидела лицо, которое прекрасно знала.

— Тли! — я обхватила ее щеку. Она дрожала, прижимала к груди кулачки.

— Ниа? — она приоткрыла глаза, боль горела в них темным светом. Под ее глазами были круги, щеки стали впавшими.

— Я здесь. Я заберу тебя, — я положила ладонь ей на сердце.

— Нет! — закричала она. Я замерла, она закашлялась, кривясь.

— Тали, я заберу половину, и мы уйдем отсюда.

— Нельзя... слишком много.

— Нет. Мы справимся вместе.

— Думай... о себе.

Я ощутила, что она исцеляла сломанные кости и раздавленные органы, порезы, синяки и ужас.

— Слишком много, — я хотела проверить еще раз, но уже знала. Как знала и ощущала Тали. Я не могла взять половину. Может, четверть, но она даже сесть не сможет, как и идти. Даже если я попытаюсь взять немного, я не смогу остановить боль, она польется в меня, как было с той девочкой.

Я вытерла пот с ее лба, боролась с желанием крепко обнять ее. Она бы не выдержала это.

— О, Тали.

— Беги, Ниа.

— Не без тебя.

— Ты... не можешь... помочь мне.

— Могу. Нужно лишь... Нужно найти... — что? Должен быть выход. — Пинвиум! Мне нужен пинвиум.

— Его... не осталось.

— Не здесь, но где-то он должен быть, — я вспомнила слова Зертаника. Он не сомневался. Святые, он знал, что они это делают. Он знал! И он... помахал пинвиумом перед моим лицом.

Потому Джеатар был в Лиге вчера утром? Собирал информацию? Заключал сделки? Он рассказал Зертанику обо мне. Он действовал так, словно хотел мне помочь, но Зертанику он точно говорил о другом. Может, он рассказал, что моя сестра — одна из них. Что так можно мной управлять, зарабатывать на мне деньги.

И он был прав. Я была готова ухватиться за этот шанс.

— Тали, думаю, я знаю, где взять пинвиум, — если люди платили тысячу оппа за исцеление, может, заплатят столько и за перемещение. Может, больше. Я могу обменять это на его пинвиум.

Она слабо улыбнулась, слезы текли из ее глаз.

— Ниа. Уходи.

— Я не оставлю тебя здесь. Я заберу тебя отсюда и прогоню боль, — даже если мне не нравилось, что для этого нужно сделать.

Дверь открылась. Два человека стояли на пороге. Я напряглась.

— Что ты здесь делаешь? — спросила девушка.

Ланэль и ее парень. Я задумалась насчет того, какого цвета их волосы.

Я подоткнула одеяло Тали и погладила ее щеку.

— Тише, теперь спи, — сказала я достаточно громко, чтобы слышали Ланэль и ее парень. — Лучше спи, — и я прошептала Тали. — Потерпи еще немного.

— Тебе нельзя там быть, — Ланэль пошла ко мне, но выглядела испуганно, а не опасно. Она нервно теребила концы своих кос. Каштановые темные волосы. Она не была из Гевега, как не была и басэери.

— Я подменю тебя на перерыв для ужина, — сказала я, словно она должна была это знать.

Она раскрыла рот, задумалась и закрыла его.

— Но еще рано.

Я пожала плечами.

— Я пришла рано. Не хотела быть возле палаты, чтобы меня не позвали на их особое исцеление, понимаешь?

Даже в тусклом свете я видела, как она побледнела.

— Понимаю. Хорошо. Я скоро вернусь.

— Не спеши. Они никуда не уйдут.

Она посмотрела на стража у открытой двери. Свет перекрывал его лицо.

— Спасибо, — сказала она. — Я у тебя в долгу.

О, да. И я знала, что она сделает. Вопрос только, когда.

* * *

Когда Ланэль вернулась, я сказала ей, что подменю ее за завтраком после того, как прозвенит колокол. Она поблагодарила меня и даже не оглянулась, когда я ушла. Страж у двери подмигнул мне. Гевегианец. Он был даже милым, светлые волнистые волосы и большие карие глаза, но внутри он был гнилым. Предатель.

— Доброй ночи.

Это бы все разрушило, но я хотела схватить стул и ударить его. Может, Ланэль уже была ему наказанием. Оставлять Тали с ними не хотелось, но мне нужен был пинвиум и помощь, оставалось лишь время до утра.

Уйти было проще, чем пробраться. Все были на ужине, только стражи и несколько уборщиц были в коридорах. Большая часть учеников была заперта наверху, так что общежитие было свободным. Я забрала платье Айлин, и никто меня не заметил. Я сунула платье под руку, словно это был плащ. Страж понимающе улыбнулся мне и предупредил не задерживаться.

Я пошла сначала к Айлин, солнце скрылось за горизонтом раньше, чем я добралась туда. Многие в Гевеге закончили работу, но не я. Казалось, прошли недели с того момента, как я проснулась у Данэлло, хотя это было только утром. Этой ночью сон мне не светил.

— Это было ужасно! — я рухнула в объятия Айлин и обняла ее крепко, как хотела обнять Тали. — Их там очень много, всем больно. Но это не самое худшее. Светоч вредит так только ученикам из Гевега.

Она выругалась, такое слово не слышала даже я.

— Кто-то должен скормить его крокодилу. Ты нашла Тали?

Я кивнула, хотя не было сил описывать, как она выглядела.

— Ей очень плохо. Мне нужен пинвиум, иначе мне ее не достать.

Айлин побледнела.

— Как ты его найдешь?

— Куплю.

— Ниа! У тебя нет таких денег.

— Знаю, — да и вряд ли его продали бы за деньги. Зертаник манил меня, зная, что мне требовалось. Для своей выгоды. — Но я должна попробовать.

— У меня немного накопилось... Я могу...

— Нет, Айлин, ты уже много сделала. Я справлюсь. Поверь мне.

Она замешкалась и кивнула.

— Что ты будешь делать?

— Не беспокойся об этом.

Она нахмурилась, но не настаивала.

— Я могу как-то помочь?

— Твой друг из Лиги. Можно встретить его этой ночью? Мне нужна его помощь утром, — и, может, носилки, но они были в комнате недалеко от кровати Тали.

— Я попробую. Он работает с рассвета до заката, так что уже должен быть свободен. Я постараюсь уговорить его встретиться с тобой.

— Встретимся у «Таннифа» в три часа.

— В три. Хорошо, — она обняла меня, и я всхлипнула.

Я передела форму Тали, облачилась в свои вещи и покинула маленькую, но уютную комнату Айлин. Пустота внутри была не от голода.

Я шла к Зертанику. Дождь кончился, влажные улицы блестели в последних лучах солнца. В темных углах камни словно истекали кровью. Зертаника не тревожило состояние учеников, но его интересовало, как много денег я могу ему принести. Это могло мне помочь.

Впереди виднелись его стена и фруктовые деревья, и моя смелость угасала. Хотела бы Тали, чтобы я так делала? Меняла ее боль на чью-то еще?

— Ниа? — тихий голос послышался из теней впереди.

— Халима?

Она подбежала ко мне, обвила ручками мою талию.

— Я тебя нашла! Нашла!

— В чем дело? Данэлло? Близнецы?

— Все они, — она посмотрела на меня огромными покрасневшими глазами. — Скорее, Ниа. Тебе нужно спешить.

Я посмотрела на магазин Зертаника, на ярко горящий купол Лиги, возвышающийся вдали. Времени было мало, кто знал, сколько я буду искать пинвиум, чтобы спасти Тали?

— Не могу... моей сестре нужна моя помощь.

— Как и моим братьям, — она притянула меня ближе. — Я думаю, что они умирают, Ниа, и я не знаю, что делать.

ДЕСЯТЬ:

Нет! Такого не могло быть. Я хотела бы сжаться комочком и рыдать до рассвета, но это не помогло бы.

— Халима, они не могут умирать. Близнецы почти не брали боль, — но Данэлло взял. Много.

— Им больно. Данэлло не просыпается, пока не потрясешь его очень сильно.

— Где ваш папа?

— Работает двойные смены, чтобы мы смогли исцелить их в Лиге.

Я скривилась. Без пинвиума толку от его работы нет.

— Халима, сейчас я не могу.

— Должна! Ты дала им боль. Ты можешь ее забрать.

Я посмотрела на башню с часами на площади рынка, их было еще видно в лучах уходящего солнца. Я должна встретить Айлин и ее друга в кофейне через пару часов. До дома Данэлло отсюда идти пятнадцать минут, а потом в «Танниф», куда идти оттуда еще полчаса. Времени не хватало, меня могли еще и остановить по пути.

Я опустила на колени и положила ладони на ее плечи.

— Халима, мне нужно, чтобы ты подождала здесь, пока я не закончу.

— Ты нужна им сейчас.

— Знаю, но я нужна и сестре, я не могу помочь всем сразу. Я должна сначала кое с кем поговорить, а потом мы пойдем к твоим братьям.

Нельзя было перемещать боль их отца. Но тогда им пришлось бы остаться на улице? А если она потеряет братьев? Кто будет заботиться о ней, пока папа на работе?

Я обняла ее.

— Я вернусь, обещаю.

— Хорошо, — она села на ступеньку возле магазина и обхватила руками колени. Когда-то у нас был щенок, и он любил ждать на ступеньках, когда мы вернемся из школы. У него был такой же взгляд по утрам, когда мы уходили.

Я пошла в магазин Зертаника, это место было одним из немногих открытых, где не подавали еду и напитки. Возрастная блондинка сидела за стойкой. Предательница. Она улыбнулась фальшиво, когда я вошла.

— Чем могу помочь?

— Мне нужно поговорить с Зертаником.

— Простите, но он не доступен. Я могу что-то сделать?

— Скажите, что здесь Мерлиана.

Ее улыбка пропала, она вскочила, словно ее стул горел.

— Подождите здесь.

Я послушалась, ощущая напряжение. Лицо Тали вспыхивало в голове, как и улыбка Данэлло.

Женщина вернулась.

— Сюда, пожалуйста.

Я прошла в комнату, в этот раз озаренную голубыми и желтыми стеклянными лампами, трепещущими в углах. Зертаник сидел в кресле и ухмылялся.

— Рад видеть тебя снова, дорогуша. Тебе идут эти косы.

— Мне нужен пинвиум, — а еще разбить все четыре лампы об его голову, но это могло подождать.

Он улыбнулся, но я не знала в этот раз, что скрывается за улыбкой.

— Пинвиум редкий, дорогуша. Сколько ты за него заплатишь?

— У меня есть девять оппа, — а еще три дени, что мне заплатил Данэлло, но это вызвало бы смех.

Он все равно рассмеялся, и я сжалась.

— Я могу получить девятьсот за оставшееся. Может, больше.

Он не продал бы его. Пинвиум был очень ценен.

— Кого мне нужно исцелить?

— Это важно?

Нет. Я не была настоящим целителем, но я подходила для торговцев болью. Я могла спасти Тали. Это было важно.

— Сколько у вас пинвиума?

Он вскинул брови.

— Это кто у нас такой жадный?

— Сколько боли он поместит?

— Не так и много. Пинвиум не чистый. Он даже без формы, его не продать. Это скорее отходы от производства.

— Сколько?

— Небольшие раны. Нужно два обломка для сломанной кости, может, четыре для поврежденного органа.

Четыре перелома, два органа и кровотечение для Тали. Три ребра для близнецов. Нога и рука для Данэлло. И множество порезов и синяков для всех. Не меньше тридцати. Тридцать пять, чтобы подстраховаться. Я могла не заметить все раны Тали, как не видела кровотечения, пока мне не показали, как их найти.

А рыбака?

Я не могла сейчас о нем думать.

— Я хочу получить пинвиум за исцеление. Мне нужно три десятка.

Он рассмеялся.

— Сколько? Дорогуша, не уверен, что у меня столько осталось.

— Проверьте. Я подожду, — но не долго. Я должна попасть к Данэлло, пока могу.

Зертаник взял со стола рядом с собой колокольчик и звякнул. Открылась дверь, и вошел низкий мужчина.

— Сэр?

— Посчитай обломки пинвиума и назови общее количество, пожалуйста.

— Да, сэр.

Зертаник смотрел на меня, медленно стуча пальцами по мягкому подлокотнику кресла.

— И что ты хочешь сделать с пинвиумом? Ты просишь больше, чем я думал.

— Думали, сестре нужно меньше?

Он усмехнулся.

— Умная девочка. Тебе стоит работать на меня. Я всегда использую умных людей.

— Думаю, меня использовали достаточно.

— Терпение. Это бизнес, дорогуша, и переговоры всегда сложны.

— Мне не нравится ваш бизнес.

— Жаль. Ты хорошо подходила для него.

Вернулся слуга.

— Сэр. Я насчитал тридцать три куска, сэр.

Близко.

— Хватит? — Зертаник взмахом руки прогнал слугу.

— Мне нужно все этой ночью. Готовьте своих, а я вернусь... — я посчитала поход к Данэлло, к «Таннифу» и сюда, время, чтобы разработать план... Святые, я вернусь после полуночи. Придут ли люди посреди ночи? — Часа через три, чтобы исцелять.

— Хорошо, — он встал и протянул руку. Я пожала ее, сперва вытерев руку о штаны. Он улыбнулся этому и указал на дверь. — Подумай о моем предложении, дорогуша. Я могу сделать тебя богатой.

Он, может, и мог. Он ведь уже сделал меня чудовищем.

* * *

Мы с Халимой бежали к ее братьям, наш путь озаряла луна, угол был в желтом свете фонаря, там ходили солдаты. Чтобы не думать о больших проблемах, я думала о мелочах: о потертых туфлях Халимы, колокольчиках на дверях уже запертых магазинов, грязных клумбах. Яркие желтые лампы горели в куполе Лиги, маяк для раненых. Тюрьма для

забытых.

Мелочи не помогали.

— Халима, когда им начало становиться хуже?

— Днем. Джовану и Бахари в школе стало плохо, и нас отправили домой.

Меньше дня. Может, их тела привыкали к боли. Может, все в порядке. Может, к утру им будет лучше. Слишком много «может». Я начинала звучать как Айлин.

Мы взбежали по ступенькам и вошли. Близнецы лежали на кроватях, их лица были бледными, глаза влажными. Джован слабо улыбнулся, когда я подошла. Бахари не смотрел на меня.

— Как вы? — я коснулась лба Джована. Холодный и влажный.

— Плохо, — пробормотал он.

Я тоже так считала. В нем кипела боль в ребре, но я ощутила и то, чего там не должно было быть. Его кровь ощущалась странно, но не как кровотечение или поврежденные органы. Будто... она стала густой. Его сердце билось слишком быстро, дыхание было учащенным.

Бахари был не лучше. В этом они тоже были почти одинаковыми.

Если бы они были старше на пару лет, они бы справлялись с болью лучше, но их таланты не развились достаточно, чтобы помочь им.

Я повернулась к Халиме.

— Где Данэлло?

Она подвела меня к нему, и я прикусила губу, чтобы подавить вскрик. Данэлло лежал на кровати неподвижно, словно при смерти, его кожа была белой. Его пальцы дергались в такт дыханию. Он явно похудел. Сердце трепетало, я поспешила к нему.

— Данэлло? — я убрала влажные волосы с его лба и ощутила его состояние. Такая же густота в крови, его печень меня настораживала. А его желудок был с темными пятнами, словно кровоточил.

Халима потянула меня за рукав.

— Он умирает?

Я не хотела говорить да, но не могла сказать нет.

— Надеюсь, нет.

— Забери боль.

— Я не могу пока что. Рано утром, — я сделала это с ним. С ними. Прошу, Святая Сэя дай мне время исправить это.

Она всхлипнула.

— Обещаешь?

— Обещаю, — если меня не схватят, не убьют или запрут в комнате с кучей кроватей.

Я сжала ладонь Данэлло, спустилась по ступенькам и вышла на улицу. Ничто не могло теперь отвлечь меня от вины — семьи толпились в дверях, люди лежали на носилках, близкие к смерти, они жадно смотрели на меня, замечая косички Лиги — ничто не могло затмить ужасающую правду.

О, нет. Перемещенная боль убивает, если ее не убрать сразу. Хуже того, убивает быстро. И я согласилась сделать это за тридцать три куска пинвиума.

Я споткнулась и схватилась за ограду. Или я уже пала? Скольких приведет ко мне Зертаник? Сколькими жизнями я заплачу за Тали и Данэлло? За Джована и Бахари? Я оглянулась на Святилище, хотя не видела его во тьме. Святая Сэя, я не могла выбрать.

Прошу, скажи, что делать.

Она не ответила. Я и не ждала этого, но она могла помочь.

Мама говорила мне не перемещать боль. Я думала, она просто не хотела, чтобы меня схватили ищейки, но если было что-то еще? Она знала, что это убивает? Хоть кто-то знал?

Я оттолкнулась от ограды, пока меня не решили допросить солдаты, и продолжила идти к Таннифу, пытаясь вспомнить совет бабушки. Один всплыл. От выбора проблемы.

Запах кофе окутал меня, и я вспомнила второй совет. Не бойся того, что не можешь изменить. Но я могла изменить. Я могла отказать Зертанику. Сказать, что передача боли убивает. Я не знала, почему от этого сгущалась кровь, но так было, и они должны мне поверить. Никто из принявших боль любимых не доживет до поставки пинвиума.

Если я скажу это, умрут пять человек, и хотя любила я только одну, мне все равно стало не по себе при мысли о потере, хоть я их едва знала.

Я прогнала мысль, войдя к «Таннифу». Так поздно людей здесь было мало. Айлин сидела в конце напротив блондина с широкими плечами. Она подняла голову, и я ускорила, но он не обернулся.

— Спасибо, что согласились встретиться... — начала я, но тут же отругала себя. — Ты парень Ланэль!

Он уставился на меня.

— Я тебя знаю?

Я направила на него палец.

— Это о нем ты говорила, что он подумал, что учеников уносят наверх?

— Погоди...

— Да, это Кионэ. Ниа, почему ты кричишь на него? — Айлин огляделась и нервно улыbnулась. — Люди смотрят.

Я опустила на скамейку рядом с Айлин и понизила голос, надеясь, что звучит это как угрожающий рык.

— Твой друг врал тебе. Он стоял стражем у комнаты, где они держат Тали.

— Кионэ? Это так?

— Конечно, нет!

— Я видела тебя, когда сменяла Ланэль.

— О, — его красивые карие глаза забегали быстрее зайца, а потом он улыbnулся. Я могла поставить на свои девять оппа, что эта улыбка никогда его не подводила. — Я пытался помочь, Айлин. Я рассказал столько, сколько мог, чтобы не было беды и для меня. Ты знаешь, что я не могу выдавать секреты Лиги.

Айлин фыркнула.

— Совсем глупой меня считаешь? Ты все время болтал о секретах Лиги.

Он вымученно рассмеялся.

— Не обо всем можно говорить. Как думаете, что сделает Светоч, если рассказать, — он огляделся, — об этом. Тюкел сказал, что он расскажет, этим утром его не было на посту. Думаю, он потерял работу.

Или хуже, хотя Кионэ это явно не тревожило. Может, так было и лучше. Вряд ли он помог бы, если бы не знал все опасности.

Я схватила вилку, что та согнулась.

— «Еще одна? — процитировала я его. — Я думал, их уже не осталось». Знакомо?

— Эй... — он растерялся. — Откуда ты... тебя там не... — его глаза вспыхнули. — Ты

была на носилках?

— И слышала каждое слово!

— И ты звала меня лжецом? Ты обманула Старейшин и попала внутрь. Мне стоит пойти и доложить о тебе Светочу.

Я и мой большой рот. Гнев редко помогал.

— Тогда я расскажу ему, что ты оставил пост, чтобы посмотреть на радугу с Ланэль.

Айлин коснулась наших рук.

— Хватит. Это ни к чему не приведет.

— Прости, Айлин, — Кионэ встал со скамейки. — Я не буду ее слушать.

Она склонилась и схватила его за руку раньше, чем он отошел.

— Кионэ, прошу. Это серьезно. Ее сестра в той комнате. Она пытается помочь ей.

— Ее сестра в Лиге. О ней прекрасно позаботятся. Уверен, они поймут, что у них за болезнь.

Я вскочила и преградила ему путь. Некоторые смотрели на нас, но мне было все равно.

— Что с ними? Вам сказали, что это болезнь?

Он пожал плечами, взглянул на Айлин, словно не хотел признавать, что не знал всего.

— Те ученики не больны. Они умирают, потому что Светоч использует их как пинвиум.

— Что? Зачем?

— Пинвиума не осталось, Кионэ, — тихо сказала Айлин. — Светоч всем врал.

Он побледнел, и это уже не было игрой. Он открыл и закрыл рот и сел на место.

— Не может такого быть.

— Может, — я убрала волосы назад и вздохнула. — Мне нужно забрать Тали оттуда, и мне нужна твоя помощь.

— Моя? Я не могу.

— Мне нужно ее вынести. В комнате есть носилки. Мы можем вынести ее в боковые ворота и отнести к Айлин.

Он покачал головой.

— Я потеряю работу.

— Она потеряет жизнь.

Он вздрогнул.

— Это не моя вина.

— Ты лишь смотрел в другую сторону, пока они это делали. Сколько там учеников, Кионэ? Сколько Светоч использовал, чтобы выбросить?

— В той комнате около тридцати.

От его слов мое сердце чуть не замерло.

— В той комнате?

— Это самая большая, а есть еще две. В каждой человек по пятнадцать. Там в основном второй и третий курс, они исцеляли на пароме. Старейшина Манков сказал, что болезнь пришла от беженцев Верлатты, потому заболело так много и быстро, — Кионэ склонился ближе. — Хочешь сказать, что это не так?

Шестьдесят человек. Две трети Лиги, если не больше. И все точно местные.

— Да, — напряженно сказала я. — Это не правда. Болезни нет.

Айлин подавила всхлип и закрыла рот руками.

— Кионэ, ты должен нам помочь.

— Не могу!

— Но мы должны его остановить.

— Ты не можешь пробраться в Лигу. Это безумие.

— И ты будешь дальше ничего не делать? — тихо спросила я. Дело было не только в спасении Тали. Я могла бы забрать ее, но у остальных не было сестры, готовой ради спасения на все. Я не могла одна ничего сделать со Светочем. Генерал-губернатор не станет слушать бездомного беспомощного Забирателя о делах Светоча. Может, он послушал бы Тали, ученицу Лиги, прошедшей это. Сбежавшей. Если он послушает, он может остановить Светоча и потребовать у герцога достаточно пинвиума для спасения остальных.

Все может, да если. Одинаково плохо.

Но надежда оставалась. Губернатора Гевега могли наградить за разрешение проблемы с нашим мятежом, но даже я должна была признать, что относился он к нам хорошо, хоть и был басэери. А мятеж будет снова, если все узнают, что пинвиума нет, Целители умирают, а герцог не помогает. Он может даже напасть на нас после Верлатты. Он сделал куда хуже народу Сорилля, когда они отказались молчать.

Кионэ смотрел, стиснув зубы.

— Ты можешь и дальше ничего не делать? — спросила я.

— Но я не рискну...

— Я и не прошу. Я приду после рассвета, ты сможешь ничего не делать, пока я войду, не важно что будет при мне? — если я не могу вынести Тали, я могу принести пинвиум, хоть его и могли уловить Старейшины. Тридцать три куска должны быть сильными.

Айлин покачала головой.

— Ты не можешь идти туда одна.

— Кионэ? Так что?

Он вытер пот с верхней губы и кивнул.

— Да. Я приду немного раньше и задержу Ланэль на завтраке, но только и всего. Я не буду сталкиваться со Светочем.

— Спасибо.

Он фыркнул и потер ладони о штаны.

— Если тебя схватят, ты меня не знаешь.

— Логично.

Он ушел без слов, не оглядываясь. Как говорила бабушка, порой нужно убить корову, чтобы спасти стадо, но имела ли я право делать это? Я заказала кофе, чтобы взбодриться перед походом к Зертанику и выбором за тех, кто не мог его сделать.

Я молилась, чтобы выбор был верным.

ОДИННАДЦАТЬ:

— Умная и пунктуальная, — сказал Зертаник, когда башня с часами пробила полночь. Он открыл для меня дверь, и я прошла мимо него, оставив совесть на крыльце. Она забрала с собой и мои принципы.

Прихожая была пустой, кроме той блондинки, считавшей стопки оппа. Стопок было ужасно много.

— Сюда, дорогуша, — мы прошли в знакомую дверь. Все та же мягко освещенная комната, дверь для слуг. Коридор, по которому я уже проходила. Комната, в которой я пожертвовала рыбаком, чтобы спасти дочь богача.

Но не все было как раньше.

— Вы знаете, что это убьет их, — сказала я. — Тех, кто принял боль.

— Выдумки.

— Люди, кому я передала боль, умирают. Рыбак мог уже умереть. Им нужно знать, на что они соглашаются.

— Если кто-то уйдет, ты не сможешь исцелить столько людей, сколько нужно для пинвиума.

Я проглотила возражения.

— Скольких нужно исцелить?

— Девять.

Необходимые жертвы. Война научила меня этому.

— Тогда начнем. У меня нет времени.

Зертаник улыбнулся, на ужасный миг я подумала, что он взлохматит мне волосы.

— Как пожелаешь, дорогуша.

Он привел их, как гостей на бал.

— Джоналисы. Муж сломал обе ноги, боль будут делить на четверых дядь. Кестра Новаик. Она заберет боль сына, сломавшего плечо. Братья Фортуно заплатят на эту юную леди, пожелавшую остаться неизвестной.

Большинство были басэери, это было проще. Двое выглядели как из Верлатты, могли отдать все, с чем сбежали. Это уже сложнее. Одна семья была местной, и я хотела, чтобы они бежали.

Но вместо этого я вытягивала и толкала. Я старалась не смотреть на их лица, но каждое исцеление начиналось с моей руки на их лбах и сердцах. Боль в глазах одного, страх в глазах другого. Все смотрели на меня и отводили взгляды. Я не хотела думать о том, что они видели.

Перелом спины. Руки. Боль за болью катились по мне. Кусок за куском пинвиума падали в сумку у моих ног.

— Мустово — их сын и тот, чье имя не важно.

Двое в форме ночных стражей принесли плохо одетого мужчину. Его запястья и лодыжки были связаны, кляп торчал изо рта. Они взяли кого-то с улицы? Я задрожала и онемела.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Что происходит?

— Седьмой, дорогуша. Венсил Мустово страдает от ножевых ранений и раны головы.

— Нет, — я указала на связанного. — Он не согласен. Я на такое не согласна.

— Ты согласилась исцелять. Ты не уточняла условия.

— Я не буду отдавать боль не согласному, — это как ударить по голове незнакомца и отобрать деньги на покупку пинвиума. Хуже, он ведь умрет из-за этого.

Я скрестила руки на груди.

— Я не буду этого делать.

Мустово смотрели на меня со слезами и воплями встревоженных родителей. Никого не резали на пароме. Тот человек сам нашел себе проблемы.

Отец склонился ближе к Зертанику.

— Коррот обещал, что вы прикроете это, пока не прибудет наш пинвиум. Такой была сделка. Я не дам корабль, если...

— Мы все сделаем, не спешите, — Зертаник похлопал его по руке и повернулся ко мне. — Дорогуша, ты согласилась.

— Не на это. Не для тех, кому не дали выбора, — в сумке уже было около двадцати одного куса пинвиума. Хватит ли этого, чтобы спасти Тали, Данэлло и близнецов?

Должно.

— Я закончила, — я схватила сумку и забросила на плечо.

— Дорогуша, это не профессионально, — Зертаник положил ладонь на мою руку, прикосновение было легче, чем ожидалось от таких больших рук. — Мустово многое сделали для этого исцеления.

— Так оплатите им, — я прошла мимо него. И легкое прикосновение превратилось в сталь на моей руке.

— Мы договаривались. Другие люди договорились со мной из-за твоей помощи. Ты не можешь так просто передумать.

Только дурак не заметил бы угрозу в его голосе, но я быстро училась, а он учил хорошо.

— Мы согласились, что я получу столько пинвиума, сколько заслужу исцелением. Я не взяла то, что не заслужилась.

— Мы договорились о тридцати трех кусках.

— Значит, мне больше не нужно, — я отдернула руку и захлопнула за собой дверь.

* * *

Я смогла поспать пару часов, но пальцы дрожали, когда я писала адрес Данэлло на обрывке бумаги в комнате Айлин. Солнце начало подниматься, так что, если Кионэ сдержал слово, он скоро придет забирать Ланэль на завтрак.

Я вручила адрес Айлин.

— Если я не вернусь к середине утра, приведи Забирателя для него и близнецов. В этот раз у меня есть пинвиум, так что они не смогут тебя прогнать. Найди такого на пристани, но не зазнавшихся, которых используют аристократы, и не у нового торговца болью у рынка.

Айлин покачала головой, бледнея.

— Только не торговцы болью, Ниа. Нельзя доверять им.

— Сейчас нельзя доверять Лиге. Торговцы — единственная надежда Данэлло.

— Они убьют его и его братьев.

Гнев и страх в ее голосе заставили меня замереть. Айлин редко раздражалась, тем более, злилась.

— Все будет хорошо, обещаю.

— Не будет! — Айлин прикусила губу и посмотрела на горст обломков пинвиума, что я дала ей. Самый маленький был размером с грецкий орех, а крупный — с мандарин. — А если они не исцелят их?

— Им нужно только забрать боль. Любой Забиратель может это.

Она в ужасе посмотрела на меня.

— Тебе все равно, что они не исцелят рану?

— Айлин, — простила я. У меня не было времени на это. — Они не ранены. В них боль их отца.

— Это невозможно.

— Возможно, — сказала я.

— О чем ты? — Айлин смотрела на меня, а я, хоть и провела всю жизнь, скрывая свои поступки, понимала, что ложь сейчас разрушит нашу дружбу.

— Я... кхм... передала боль им.

— Что ты сделала?

Я объяснила ей все: ферму, паром, отчаянную просьбу на улице. Глаза Айлин становились все больше и больше, ее гнев рос.

— Как ты могла не рассказать мне? — она расхаживала по комнатке, сжав кулаки по бокам. — Я знала, что ты что-то скрывала насчет того ищейки. Потому он преследовал тебя, да? Это не связано с Тали или Целителями.

— Эм... ну...

— Скажи лучше, что ты исцелила их отца, — по ее виду казалось, что если я не скажу так, она ударит меня стулом.

— Конечно, исцелила. Айлин, что не так?

— Они убили мою мать, — тихо сказала она, крепко сжимая пинвиум. — Она была на рынке и ждала жалкие припасы, ради которых нам приходилось просить. Ее избил мужчина, потому что она не пропустила их в очереди. У нас не хватало денег на Лигу, и я отвела ее к торговцу болью. Он сказал, что исцелил ее, что ей было лучше, но он соврал, — она закрыла глаза, слезы текли по ее щекам. — Он забрал ее боль, но не все. Она не знала этого. Она просто слабела, а потом умерла.

— Прости, Айлин, — я села рядом с ней и обняла ее. Я чувствовала себя виновато, но не могла остаться и успокоить ее. — Мне нужно идти. Ты найдешь торговца болью, если Тали не появится?

Она кивнула, всхлипывая.

— Разве тебе не нужно это для Тали?

— У меня достаточно пинвиума для нее, — я надеялась. Я поднялась и свернула сумку с пинвиумом, что стала легче, так, чтобы было похоже на сверток чистой одежды из прачечной. Похоже было не сильно, но так было бы проще проникнуть в Лигу.

— Где ты взяла так много?

— Купила.

— Не на свои несколько оппа, — она покатила обломки в ладонях. — Это должно стоить дорого.

— Это три жизни, Айлин. Две из них детские.

— Как ты...

— Позже. Почти рассвет. Косички выглядят нормально?

Она проверила и кивнула, уже напоминая прежнюю себя.

— Растрепались немного, но в порядке.

— Тали потребуется еда, когда она доберется сюда, — я вручила ей три оппа. — Купи на несколько дней.

— Этого слишком много для еды на несколько дней.

— Мне нужно, чтобы ты осталась здесь и ждала Тали. Ты пропустишь работу. Остатки прикроют эти расходы.

Она пожевала губу, словно не подумала об этом.

— Спасибо.

— Спасибо, — я обняла ее. От нее пахло кофе. — Помни, что я сказала про Данэлло. Не забудь про них, — и не убегай, чтобы продать пинвиум. Я не хотела думать об этом, но такая мысль всплыла. Айлин не была плохой или отчаявшейся. Она сделает, как я попросила, даже если ненавидит торговцев болью, даже если в ее руках деньги на годовую плату за дом, еду и

новое платье.

Я надеялась на это.

— Не забуду.

— Я вернусь через пару часов. Я заберу Тали, даже если придется нести ее мимо Светоча на спине.

* * *

Рассвет купал Гевег в бледном золоте. Я спешила вместе с поварами таверны, идущими на рынок, пока мы не дошли до развилки, а потом пересекли мост, и я осталась одна, если не считать солдат. Круг Лиги был необычно пуст, без раненых. Может, их начали прогонять и признали, что какое-то время исцелений не будет. И в заднюю дверь могли пускать тех, кто был готов платить герцогу.

Конечно, об этом не знал никто, иначе там было бы много людей, кричащих, машущих вилами и удочками или найденным оружием. Я видела такой гнев раньше. И видела, как мало от него было толку.

Я укутала голову в белый шарф и подвинула сверток. Просто ученица шла с чистой одеждой. Я была в форме Тали, так что страж ворот кивнул, лишь взглянув и зевнув. Я кивнула и прошла врата.

Без людей зал прихожей казался вдвое больше, а мои шаги — вдвое громче. Я боролась с желанием идти на носочках. Ученицы не ходят так в своем доме, но я все равно старалась идти тихо. Мимо стражи у спален. Через палату исцелений, по коридору с закрытыми дверями к лестнице, ведущей к Тали. Я схватилась за поручень и пошла по ступенькам.

— Куда ты идешь?

О, ради любви Святой Сэи, у них все время здесь люди? Я обернулась. Женщина со строгим лицом стояла у лестницы, четыре золотые ленты лежали на ее плече.

— Что? — спросила я.

— Здесь проход запрещен.

— Сменяю Ланэль для завтрака, — я старалась выглядеть скучающей, обычной, словно для меня это было естественно.

— Как тебя зовут?

— Татса, — я скривилась. Они записывали тех, кого носили наверх? — Я опаздываю. Ланэль, наверное, думает, что я забыла о ней, — я рассмеялась и махнула наверх. — Я могу идти?

Логичное объяснение боролось в ней с запретом Старейшин пускать людей на лестницу. Она нахмурилась и огляделась.

— Никто не говорил, что у Ланэль есть замена, — часы на башне прозвенели семь утра, в утренней тишине они звучали громко. — Идем со мной, я уточню у Старейшины, — она посмотрела на коридор и схватила меня за руку.

Ох. Бусины из пинвиума на браслете Айлин вспыхнули от ее давления. Мое запястье и ладонь покалывало, но тот, кто зачаровал бусы, проделал хорошую работу. Боль понеслась по руке женщины.

Она вскрикнула и отдернула руку, глядя на меня огромными глазами.

— Откуда у тебя...

Я атаковала ее, спрыгнув с лестницы, как лягушка с дерева. Она вскрикнула, когда я сбила ее на пол, и захрипела. За секунды она восстановила дыхание и принялась отбиваться. Бегать я умела, а вот биться? Я взмахнула сумкой и ударила ее по голове. Ее голова

ударилась о пол. Она замерла.

На миг я подумала, что убила ее, но она застонала. Я быстро проверила ее и вздохнула. Потеряла сознание, даже синяка нет. Она будет в отключке не долго, я не успею вывести Тали.

Я осмотрела коридор, но никто не выбежал посмотреть, что за шум. Двигать ее времени тоже не было, но я не могла оставить ее там. Люди могли пропустить многое в Лиге нынче, но женщина с четырьмя лентами без сознания точно в это число не входила.

Дрожа, я оттащила ее в одну из пустых палат и оставила за кроватью. Вряд ли кто-то будет в ближайшее время использовать эту комнату. Я связала ее руки и ноги ее лентами, а потом сунула шарф Айлин ей в рот. Если повезет, ее найдут, когда мы с Тали уже уйдем.

Я вышла из комнаты и продолжила подъем по лестнице. Кионэ стоял у двери в конце коридора. Он выпрямился, как солдат, когда я ступила на лестничную площадку, и расслабил плечи, увидев меня.

— Я надеялся, что ты не явишься.

— Но я здесь, — я боролась с желанием оглянуться.

Он посмотрел на мой сверток, но промолчал, как мы и договаривались. Глубоко вдохнув, он открыл дверь и прошел внутрь.

— Эй, Ланэль, рад, что ты здесь. Идем, угощу тебя завтраком.

Ланэль зевнула и разгладила белую форму. За ней была кровать с зеленой жилеткой на ней. Она спит здесь?

— Я голодна, — сказала она Кионэ и повернулась ко мне. — У меня есть время умыться, или тебе нужно вскоре возвращаться?

Да хоть весь день гуляй, бессердечная крыса. Я выдавила улыбку.

— Время есть. Я не нужна им в палате до полудня.

Она схватила жилетку и накинула на худые плечи.

— Они были тихими всю ночь. Двое под лампой как из воска, так что их проверь чаще.

Они могут не прожить до конца дня.

Я крепче сжала пинвиум.

— Я их проверю.

— Идем, Ланэль, я голоден, — Кионэ потянул ее за руку.

— Если Старейшина Виннот придет пораньше, мой отчет там на столе. Три симптома, как он и просил, я пронаблюдала. Он захочет тела, — она замолчала и посмотрела на кровати. — Для расчленения, чтобы понять причину, — она говорила быстро, словно пыталась убедить и себя, и меня, что это правда.

Она должна была знать, что они врут. Она не могла быть в этой комнате и не понять, что не так. Я боролась с желанием выбросить ее из окна.

— А если...

— Я умираю от голода, Ланэль.

— Иду я, иду.

Кионэ быстро кивнул мне и закрыл дверь.

Я побежала к Тали. Она еще дышала, была бледной, но живой. Я разорвала сверток.

— Тали? У меня есть пинвиум. Просыпайся, Тали, нужно сбросить боль. Скорее, у нас мало времени.

Ее веки затрепетали, она тихо заскулила, как котенок.

Я взяла ее за руку и вложила в ладонь кусочек пинвиума.

— Чувствуешь? Наполни его.

Она заскулила и медленно покачала головой.

— Ты сможешь, Тали. Вытолкни боль, прошу, — через миг я ощутила дрожь под пальцами, она отдавала боль. Я дала ей другой кусочек. — Теперь сюда.

Ее всхлип разбивал мне сердце. Ее руки дрожали, она едва могла касаться пинвиума.

— Попробуй.

Еще покалывание, еще одна рана покинула ее тело. Я передавала ей обломки пинвиума, молила найти силы, чтобы прогнать боль. И молилась, чтобы никто не нашел ту женщину в ближайшее время.

Ее руки перестали дрожать на седьмом куске. На десятом вернулся цвет. На двенадцатом ее впалые щеки стали похожи на нормальные. Я дала ей тринадцатый кусок, что был размером с куриное яйцо.

— Последний, Тали. Толкай боль изо всех сил.

Она так и сделала, боль блестела в ее слезящихся глазах, но там появилась осознанность.

— Где... взяла это?

— Торговец болью. Расскажу позже, нам нужно уходить отсюда. Ты можешь встать?

Она попыталась сесть и упала, вскрикнув от боли.

— Нет. Болит.

Я коснулась ее сердца и лба. Боли все еще было много, но я ощутила кое-что хуже. Ее кровь загустела, как у Данэлло. Святые, сжальтесь. Забиратели не были защищены, просто им для гибели требовалось больше боли.

Пинвиума не было. Времени тоже.

— Тали, слушай меня внимательно, потому что потом я, может, не смогу тебе это рассказать. Когда выйдешь отсюда, иди сразу к Айлин.

— Выйду?

— Помнишь, где живет Айлин?

Она замешкалась.

— Да.

— Иди к ней. У нее есть еда для тебя и чистая одежда. Она отведет тебя к парню по имени Данэлло и его семье. Их нужно исцелить. У нее есть пинвиум для этого.

— Как?

Я взяла ее за руки.

— Спешу к Данэлло, Тали. У них осталось мало времени, пока боль не убьет их.

— Ниа. Не надо, — слезы текли по ее вискам к ушам.

Закрыв глаза, я прижала лоб к ее лбу.

— Я люблю тебя, Тали.

Я поцеловала ее в щеку и потянула.

ДВЕНАДЦАТЬ:

Агония подкосила мои ноги. Я рухнула у койки Тали, ножи пронзали легкие, иглы вонзались в живот. Боли, которые я даже не могла назвать, впились в мои суставы. Я стонала, даже это причиняло боль. Как Тали терпела это так долго?

— О, нет, Ниа, нет! — Тали соскользнула с койки и опустилась рядом со мной на полу,

ощупывала меня, словно осматривала. Но теперь уже это было моей проблемой.

— Беги, — прохрипела я. — Быстрее.

— Зачем ты это сделала? Не стоило.

— Иди. Ты. Нужна. Данэлло.

Она обняла меня.

— Я тебя не брошу.

— Иди!

— Не без тебя.

Женщина, которую я связала, уже могла очнуться, ее скоро найдут, если уже не нашли. Я стиснула зубы и собрала как можно больше боли в пространстве между сердцем и животом. Боль немного ослабла, но я не могла держать ее там долго. Пальцы покалывало от желания вытолкнуть ее.

Если бы я только могла.

— Тали, тебе нужно уходить, — выдохнула я, пытаясь говорить четко. — Если тебя поймают, то могут и убить.

Она помрачнела от злости.

— Они уже пытались сделать это.

— Так убегай, пока это не повторилось.

— Я тебя не оставлю.

Дверь открылась, Тали судорожно вдохнула.

— Тали, — быстро прошептала я, — слезы, — они тут же выдали бы ее. Никто в этой комнате не плакал над бесполезными гевегцами.

Она склонила голову, а потом вытерла пальцами слезы. Даже в тусклом свете было видно, что она плакала.

— Ты не поверишь, что случилось! — спешно сказала Ланэль. Я не слышала Кионэ или другие шаги. Она была одна? Двигаться, чтобы проверить, было больно. — Старейшина Ностомо нашел Серсин связанной в палате. Представляешь? Всюду стражи. Вся Лига под замком!

Я подвинула голову, нахлынула свежая боль. Я слабо дышала и молилась, чтобы Тали успела сбежать.

— Она была ранена? — спросила Тали. Мило с ее стороны, но сейчас не было времени переживать за тех, кто хотел ее смерти. Она не была сегодня Целителем, пока не покинет Лигу и не доберется к Данэлло.

— Не знаю. Она все еще без сознания. Я слышала, на полу была кровь!

Кровь? Как я могла это пропустить? Не зря бабушка говорила, что спешка к добру не приведет. Тали нужно скорее уходить.

— Зачем кому-то нападать на Серсин? — Ланэль оказалась в поле моего зрения и застыла, потом покраснела. — Что случилось? Она упала с кровати? — тревога почти казалась настоящей.

— У нее был припадок.

— Да? Это новый симптом, но его нет в списке. Старейшина Виннот сказал, что мы узнаем о боли, следя за ними, чтобы создать новые лекарства, может, без пинвиума! Он проводит исследования для самого герцога и даже дал мне помочь. Я записывала все в блокнот. Как долго длился припадок?

— Я...

Тали было сложно врать. Когда она в детстве разбила вазу, она сказала, что это сделали крокодилы. Когда она забыла домашнюю работу, она сказала, что ее унесло ветром с озера в окно.

— О-о-о, — я заворочалась и застонала, даже сплюнула. В этот раз даже играть не пришлось.

Ланэль скривилась, ее щеки вспыхнули.

— Чем я думаю? Сначала нужно вернуть ее на кровать.

— Может, так лучше.

Она потянулась ко мне и замерла. Ее брови сдвинулись.

— Разве это не...

— Бери ее за плечи, — быстро сказала Тали, подтолкнув Ланэль, чтобы она не смотрела на мое лицо. — Я возьму за ноги.

Я застонала снова. Тали врала плохо, но соображать все же умела.

Ланэль осторожно подняла меня, не давя на тело. Я ожидала меньше заботы, но она все время проводила с учениками, наполненными болью. Она обращалась с ними осторожно, чтобы они не кричали и не вызывали у нее головную боль.

Они вернули меня на кровать. Моя кожа пылала, Тали накрыла меня одеялом. Я подавила крик, но не могла перестать дрожать.

Только бы она не заметила. Тали пора подумать о себе, нельзя вызывать ее тревогу. Я снова собрала боль и оттолкнула подальше.

— Мне остаться дольше? — спросила Тали. — Я могу помочь немного дольше.

Может, я рано ее похвалила. Я пыталась заставить Тали уйти взглядом, но она не смотрела на меня. Ланэль стояла возле моего плеча и смотрела на Тали, как раньше глядела на меня. Мы были похожи, в тусклом свете могли показаться близняшками, но я догадывалась, что Ланэль не так глупа, как выглядела.

— Как тебя зовут?

Паника ослабила мою хватку на боли. Она пронзила меня, пот потек по телу паучками. Вскрик подбирался к горлу, а за ним и всхлип.

Тали опустилась на колени и взяла меня за руку.

— Ни... нет, не борись с этим.

— Иди, — прошептала я.

Ее глаза расширились, словно я выдала нас. Она сглотнула и похлопала мою руку.

— Да, пусть боль уходит.

Были бы у меня силы, я бы ударила ее.

Ланэль потянула ее за плечо.

— Оставь ее. Ей станет лучше, когда она уснет. Пока только это им помогает.

— Ну, да, — Тали встала, глядя на меня с слишком сильной тревогой. Ланэль не скрывала подозрений.

Мои пальцы покалывало, и я поняла то, что упустила моя голова. Мне не нужен был пинвиум от моей боли, мне нужно было отдать ее. Ланэль помогала им. Она заслужила понять, каково быть на этих койках, да? Они врала и ей тоже. Она могла не знать. Я пыталась прогнать совесть, звучащую как бабушка.

Ланэль встала у изголовья моей кровати, в нескольких футах от плеча. Расстояние менялось, как волны на берегу. Я закрыла глаза на миг, чтобы подавить боль и сосредоточиться. Дело не во мне, а во всех них. Ланэль могла помочь им, оказав помощь нам

с Тали при побеге. Жертва для спасения всех.

— Я Ланэль, кстати. Мы ведь так и не познакомились.

— Тали.

Я почти услышала, как она сглотнула. Она взглянула на меня, и я махнула пальцами на себя. Подведи ее ближе.

— Мне рассказывали о тебе? Или у нас были общие уроки?

— Наверное, — она нахмурилась и указала на Тали. — Почему твоя форма такая мятая?

— Я, кхм...

Я попыталась сесть, придвинуть тело к Ланэль, схватить ее за ноги и избавиться от боли. Боль снова пронзила меня.

Тали вдохнула и шагнула ко мне. Я сказала губами «нет», собрала боль и сжала пальцы.

Ланэль скрестила руки на груди.

— Что происходит? Ты ведешь себя странно.

Тали вскрикнула и отвела взгляд.

— Я уснула на твоей кровати, — выпалила она.

— Уснула? — повторила Ланэль, словно у нее не было слов.

— Ага. Глупо, да? — рассмеялась Тали. — Значит, говоришь, на Серсин напали?

Ланэль еще миг приходила в себя, а потом сплетни победили подозрение.

— Представляешь? Ее нашли в палате связанной ее же лентами!

— Это ужасно. Мы в опасности?

— Не думаю. Кионэ стережет дверь, — Ланэль шагнула ко мне. Мои пальцы покалывало. Ближе.

Бам!

Загремел пинвиум. Сумка!

— Что это?

— Это, кхм...

Ланэль опустила и открыла сумку, а потом отпрянула, словно оттуда вылезло что-то с зубами.

— Там пинвиум!

— Правда?

Даже я не поверила невинному тону Тали.

Дверь распахнулась, застучали шаги. Несколько человек в сапогах, стражи. Ланэль подняла с бледным лицом. Тали была белой, как ее форма.

— Доброе утро, девушки, — сказал мужчина ясным голосом. Он был почти мягким, но напряжение в нем разобрать можно было. Еще и неровное, не похожее на гладкий меч.

Ланэль сцепила руки за спиной.

— Утро, сэр.

— Проблемы были?

— Нет, сэр. Все было тихо, — она шагнула ближе и толкнула пинвиум под мою кровать своей ногой. Может, у Ланэль был свой план в не такой и пустой голове. Например, украсть пинвиум и разбогатеть.

— Случалось что-нибудь необычное?

— Нет. У этой пациентки был припадок, она упала с кровати, но не поранилась.

— Да? — шаги, тень упала на меня. Я тут же увидела золотые плетеные наплечники.

Надо мной стоял Светоч, и я могла до него дотянуться.

ТРИНАДЦАТЬ:

Я не могла оплошать. Тали не была в безопасности. Данэлло и близнецы еще умирали. Слишком много Целителей страдало.

— Сэр, — сказала Тали с большим уважением, чем я привыкла слышать. — С вашего позволения я вернусь в палату. Скоро моя очередь.

Ланэль, казалось, была готова выпрыгнуть из кожи, но молчала. Как и я, даже не проскулила на прощание. Если появление Светоча заставило Тали бежать, я была этому только рада.

Он взглянул на Тали и кивнул.

— Доложи Старейшине Тилину.

— Да, сэр.

— Иди с ней, — добавил он.

— Сэр? — Кионэ звучал так же потрясенно, как я ощущала. Я не знала, что он был в комнате.

— Я не хочу, чтобы сегодня хоть кто-то ходил один. Убедись, что у всех есть сопровождение.

— Да, сэр.

Я глубоко вдохнула и отпустила часть паники. Кионэ был с Тали, она уходила. Даст ли он ей уйти? Сомнительно, ведь этим он пойдет против Светоча, но он может «ничего не делать» дальше, пока она убегает. Возможно...

Я вздрогнула. Светоч разглядывал меня небесно-голубыми глазами, словно знал, что было в моей голове. Он был младше, чем я думала, ему не было и сорока. У него не было косичек Целителя, его черные волосы были короткими. Я отвела взгляд, стараясь сделать так, чтобы это напоминало лихорадку.

— У нее были симптомы? — спокойно сказал Светоч. Ланэль тоже о них говорила, да?

— Нет, сэр. Только у троих, о которых я рассказывала Старейшине Винноту вчера. Но я едва могу проходить мимо девочки из Колвека. Больно становится в трех футах от нее. Пришлось отодвинуть ее кровать от остальных.

Мои уши насторожились, несмотря на боль. Больно?

Светоч кивнул, разглядывая меня.

— Я отправлю кого-нибудь убрать ее... ради твоей безопасности, — сказал он последнюю часть, словно спохватился.

— Я здесь в опасности, сэр? — спросила Ланэль.

— Нет. Продолжай следить, как и просил Старейшина Виннот. Я оставлю снаружи одного из стражей. Если заметишь что-нибудь подозрительное, говори ему.

— Да, сэр.

Одного из стражей. Их было несколько. Я пыталась вспомнить, сколько голосов слышала, но голова не соображала.

Я посмотрела на Светоча, и было сложно отвести взгляд снова. С моего угла он казался высоким, но его плечи не были широкими. Он, похоже, не сражался в войне, а лишь исцелял. На стороне герцога, конечно.

— Сэр? — раздался с порога юный голос. — Старейшина Манков зовет вас. Он сказал, что Серсин проснулась.

Глаза Светоча вспыхнули, он отвернулся, а я ощутила панику. Та женщина. Она опишет меня, и за меня могут принять Тали.

Ей нужно больше времени, чтобы сбежать. Я глубоко вдохнула и...

— А-а-а-ай-и-и-и! — кричать было больно, но я старалась вопить как можно громче. Я махала руками и ногами, стиснув зубы, ведь фальшивый припадок причинял агонию. Я лепетала. Билась. Пускала слюни.

— Еще один припадок! — закричала Ланэль и подбежала ко мне.

Светоч склонился и обхватил мои руки, прижимая меня и вызывая новую боль там, где касался. Быстрое движение, и я коснусь его. И он рухнет на пол.

— У других были припадки? — новый голос, старше и с любопытством, а не тревогой.

Ланэль ответила:

— Нет, Старейшина Виннот.

В комнате было не меньше четырех человек Светоча, может, больше, и они мне отомстят, если я раню их дражайшего главу. Я все равно схвачу его за руку и дам Тали пару драгоценных секунд на побег. Она нужна Данэлло, а мне нужно, чтобы они выжили. Я представила, как толкаю боль в Светоча, заслужившего это больше других, даже герцога. Тот хоть не скрывал намерений убить нас. Я думала об этом и заставляла мышцы двигаться.

С края что-то двинулось, возле плеча Светоча. И послышался тихий голос, наверное, Виннота.

— Может возникнуть проблема с Мус...

— Не сейчас, — рявкнул Светоч.

Я пыталась сосредоточиться, но боль и отчаяние сковали меня. Слезы текли вместе с холодным потом. Тело словно корчилось часами, но прошли лишь минуты, если не секунды. Успела ли Тали покинуть Лигу?

— Привяжи ее к кровати, если припадки продолжатся, — сказал Светоч.

— Да, сэр.

Он встал и оставил меня в тумане агонии. Низкие голоса были слишком тихими, чтобы я расслышала их, а потом дверь закрылась.

Прошу, Святая Сэя, пусть Тали сбежит раньше, чем они поймут это.

Тьма опускалась на меня. Было бы приятно отключиться, но тихие приблизившиеся шаги помогли мне продержаться в сознании.

— Кто ты?

Я задыхалась, но не могла ответить, даже если бы хотела.

— Что ты здесь делаешь? — она нервно оглянулась, теребя золотую ленту на плече. — Не знаю, зачем вы с Тали поменялись местами, но мне все равно, если ты меня в это не втянешь. Но если ты станешь угрозой, я все расскажу Светочу. Мне нужна эта работа, хоть она и плохая.

— Не надо. Прошу, — даже шептать было больно, но если я буду говорить с ней, удержу рядом, то, может, мне хватит сил вытолкнуть боль в нее. Или попросить о помощи. Нет, она мне не поможет, ведь она игнорировала страдания учеников.

— Вы воры? Так ты получила весь этот пинвиум?

— У торговца.

Она вытерла губу, и я почти видела, как она считает монеты.

— Сколько там?

— Использован. Для Тали.

Она отклонилась с отчаянием на лице. Ей тоже он был нужен?

— Было глупо исцелять ее. Нельзя остановить поток боли, когда все так плохо. Как думаешь, почему они сюда попали?

— Из-за болезни, — сказала я, хотя сарказм выдать не удалось.

Она скривилась.

— Ты знаешь, что это не так.

— Знаю.

— Тогда зачем это делать?

— Сестра.

Эмоция мелькнула на ее лице, но я не успела понять, какая. Это не могло быть сочувствие после ее поступков.

— Еще глупее. Ты знаешь, что ее схватят, когда очередному аристократу потребуется исцеление.

Я пыталась собрать боль, но получалось медленно. Моя кровь уже начала густеть?

Ланэль вздохнула и покатила в руках шарик пинвиума.

— Может, она сбежит. Несколько смогло так сделать в начале, когда пошли слухи, но люди Светоча поймали их. И показали всем пример, — она поежилась и крепко сжала пинвиум. — После этого никто не хотел пробовать. Если бы мы делали, что говорил Светоч...

Я старалась не представлять, что Светоч делал со сбежавшими, но картинки войны всплыли в голове. Лидеры гевегцев привязаны к столбам, их спины иссечены до крови. Корзинки с отрубленными руками. Тела лежали горами, как мусор. Я думала, что уже забыла это, когда прекратились кошмары.

— Почему ты думаешь, что не станешь следующей? — спросила я.

— Я нужна ему. Я помогаю ему, — ее голос дрогнул.

— Редкие не помогают.

Она скрестила руки на груди и вскинула голову.

— Что ты знаешь? Ты же даже не в Лиге?

— Нет.

— Тогда молчи. Мне здесь хорошо. Старейшина Виннот сказал, что я могу далеко зайти, но я все потеряю, если они узнают, что ты меня обманула. Они сделают со мной то, что сделали с... — она смотрела испуганными глазами в пространство, стиснув зубы.

Мои пальцы тянулись к ее руке, оставались дюймы до края кровати. Кожа задела кожу. Руку покалывало, а меня пронзило чувство вины. Если я сделаю это, то чем я лучше Светоча?

— Люди рассчитывают на меня, — прошептала я. — Я не могу делать ничего другого.

Распахнулась дверь, и Ланэль отпрянула. Светоч мигом оказался рядом с ней в панике. Он схватил ее за руки и встряхнул, как тряпичную куклу.

— Девушка, что была здесь... Кто она?

— Та-Тали, сэр.

— Что она здесь делала?

Ланэль посмотрела на меня, а потом взглянула на сумку под кроватью.

— Не знаю. Она сказала, что пришла подменить меня.

— Ты уточняла это у Старейшины Манкова?

Она покачала головой и снова посмотрела на меня.

— Нет, сэр, я...

— Глупая девчонка, — Светоч оттолкнул ее, и она упала. Боль и ужас отразились на ее лице.

— Я не виновата. Я не думала, что сюда можно попасть без проверки. И у двери был страж! Кионэ тоже ее пропустил.

Светоч замешкался, думая, наверное, как глупо было посылать Кионэ с Тали. Если Кионэ столкнулся с выбором помочь Тали или отвести обратно, я надеялась, что он выбрал правильно.

— Ты видела их вместе раньше?

— Нет, сэр.

— Ты видела, чтобы она говорила с кем-то не из Лиги?

— Нет, сэр.

Его лоб стал гладким, а потом снова сморщился, словно она не успокоила его. Он фыркнул.

— Ты же постоянно здесь, что ты можешь знать? — пробормотал он и отвернулся. — Бесплезная гевегианка.

Ланэль посмотрела на меня в панике и бросилась за ним.

— Сэр, я думаю, что она поменялась местами с той девушкой! — заявила она. — Я уже хотела вам сообщить. Я... пыталась убедиться в этом сперва. Не хотела вас зря тревожить. Я же знаю, как вы заняты.

Он развернулся невероятно быстро.

— Какая девушка?

Она указала на меня дрожащим пальцем.

Светоч подбежал и затряс меня. Я кричала, но он не прекращал.

— Кто ты? Что ты здесь делаешь?

— Она назвалась сестрой Тали, — продолжила Ланэль с отчаянием. — Они очень похожи, и потому смогли меня обмануть, но я вскоре все поняла. Думаю, она исцелила Тали, чтобы та смогла бе... покинуть Лигу. Ее еще можно схватить у ворот!

Его глаза стали стеклянными от страха.

— Ученица ушла? — он уставился на Ланэль.

— Пойдите... — я потянулась к его руке. Плевать на стражей, мне нужно, чтобы он отвлекся от Тали. Герцог и его бессердечные люди не убьют мою сестру, ведь я им не позволю.

Светоч ударил меня по лицу раньше, чем я коснулась его. Боль вспыхнула в голове, я упала. Я не знала, было мне плохо от боли, поражения или страха.

Он отпрянул, но его страх остался. Он был сильнее тревоги из-за паники, что вспыхнет, если в Гевеге узнают, что пинвиума нет. Никто вне Лиги явно не знал, что он делал. Наверное, даже генерал-губернатор не знал. Он замер в дверях, я услышала лишь «найти ту ученицу, пока она», и дверь захлопнулась.

Нет! Я представила, как Тали заставят исцелять. Нужно выбраться, найти Тали и предупредить.

Ланэль шагнула ко мне, сжав руки по бокам, испуганная, как пойманная птичка.

— Если из-за этого меня отправят исцелять, я...

Мои пальцы бросились к ее руке, и я толкнула в нее всю боль, забранную у Тали. Вина трепетала рядом с болью, но я игнорировала ее. Я не буду чувствовать вину из-за предательницы.

— А-а-а-а-а! — боль исказила лицо Ланэль, она согнулась. Я впилась в ее руку и толкнула сильнее. А потом поток замедлился, словно она толкала в ответ.

Она выхватила руку и стащила меня с кровати. Мы рухнули на пол, задыхаясь.

Она сопротивлялась? Как? Забиратели могли отрицать боль, или Ланэль была другой, как я? Другой. Холод появился в моих пылающих мышцах. Какие симптомы были в списке Ланэль? Симптомы тех, кто отличался?

— Что ты со мной делала? — бледная Ланэль в слезах отодвигалась от меня. — Прочь!

Она забрала половину боли, и моя сила уже возвращалась. Но силы были и у нее. Целители знали боль, и это не остановит ее надолго. Она схватилась за край соседней кровати и села на колени, вскрикнув, но сил закричать у нее не было. Впрочем, это не надолго.

— Помо... — крик Ланэль прервал набросившийся на нее рыжеволосый парень с соседней кровати. Он прижал ее к полу и закрыл рукой рот.

— Быстрее, заканчивай! — завопил он, пока я смотрела, раскрыв рот. — Скорее!

— Что заканчивать?

— То, что ты с ней делала. Это единственный шанс выбраться отсюда.

Ланэль извивалась под ним, скулила и кричала в его руку. Страж снаружи слышал ее?

— Скорее... я не смогу держать ее дольше, — пот выступил на его лбу, в его карих глазах пылала боль.

Я не могла остановиться, иначе у Тали не будет шанса. Ланэль расскажет Светочу, что я передала боль. Меня свяжут и отвезут в Басэер до заката. Герцог еще искал необычных Забирателей, но, может, теперь у него был новый способ находить их. Люди должны это знать.

Я подползла к Ланэль и парню.

Вдруг дверь открылась, вошел страж с раздражением на лице.

— Что тут происходит?

Я отпрянула, а Ланэль забилась, приглушенно крича. Мое колено ударилось обо что-то твердое и грубое.

— Слезь с нее! Что ты делаешь? — страж побежал к Ланэль. У него были черные блестящие волосы, темные, как душа басэери.

Страж отбросил парня в сторону. Я схватила пинвиум, желая втолкнуть в его свое недовольство, как Тали поместила в него боль.

— Оставь его! — я по-детски бросила в стража куски пинвиума. Я бросила со всей злостью и ненавистью к Светочу и герцогу, погубившим мою семью, дом и жизнь.

Вжих. Звук скорее ощущался, чем слышался. Вспыхнула боль, мерцающая, как волны жара в воздухе, когда пинвиум ударил стража в грудь.

Вжих. Кусок попал по его ноге.

Он вспыхивал, как бусины браслета Айлин, когда Серсин схватилась за него. Как все безделушки на полках магазина торговца болью. Боль задела меня, как песчинки, а страж закричал и упал на каменный пол. Ланэль сжалась, скуля, закрыв руками голову.

Я смотрела на стонущего стража. Как я заставила пинвиум вспыхнуть? Только колдуны могли так использовать металл, так делал папа на войне. Я унаследовала не только его глаза?

Чем я была?

Страж уже был на коленях, отползал, пока я стояла, открыв в потрясении рот.

— Как ты это сделала? — прохрипел он, потянувшись к рапире.

Я не могла дать ему позвать Светоча, пока я была беспомощна. Я собрала боль и пошла к нему, заставляя ноги двигаться, игнорируя волны боли в них.

Рыжеволосый ученик был на ногах, он направлялся к Ланэль и стражу.

— Останови их!

Я схватилась за лодыжку стража. Он отбивался, но не так сильно. Я все втолкнула в него. Даже вину. Он закричал.

Моя боль угасала, я вдохнула и попыталась сосредоточиться. Страж был без сознания. Ланэль тоже, так что она не навредит. Она забрала половину моей боли и могла получить от пинвиума.

Святые, что я наделала?

— Ты зажгла пинвиум? — спросил ученик, опустившись на пол рядом со мной. Ему было восемнадцать на вид, на коротком носу виднелись веснушки.

— Не знаю, — я никогда не слышала, чтобы так зажигали боль, без колдовства, без направления вспышки.

— Я Созк, — сказал он, произнося это с мягким акцентом Верлатты.

— Ниа.

— Это о тебе, преобразователе, все говорят?

— Эм...

— Нам нужно выбираться отсюда.

— Знаю, — в моей голове все еще было много вопросов. — Ты тоже пробрался сюда, чтобы кого-то спасти?

— Нет, я ученик.

Я на миг потрясенно раскрыла рот.

— Почему ты не страдаешь, как остальные?

— Я быстро исцеляюсь.

— Ты исцелился от чужой боли?

— Видимо, так, — он улыбнулся, но я видела страх. Я тоже была испугана. Он был лучше ходячего пинвиума. Он еще и обновлялся.

— Ты тоже другой.

— Ага. Но твое отличие в бою пригодится больше.

А сражаться придется, если мы не поспешим.

— Идем.

Я подняла брошенные куски и вернула в сумку. Кто знал, сколько стражей стояло между нами и свободой? Вспышки боли хватит, чтобы отвлечь их или ранить.

Если я смогу снова его зажечь.

Я замерла у двери, хотя коридор должен был быть пустым, иначе другой страж уже тыкал бы в меня рапирой. Созк хромал за мной, не жалуясь на боль.

— Сколько в тебе боли? — тихо спросила я.

Он улыбнулся.

— Пока нам не нужно бежать, я буду в порядке.

— А бежать придется.

— А ты не могла бы... — он кивнул на бессознательного стража.

Моя кожа похолодела.

— Нет!

— Но ты дала ему свою боль, почему нельзя мою?

Потому что это неправильно, даже если это поможет сбежать. Но как я могла так сказать, если он хромал, а я была в порядке? Я посмотрела на Ланэль и стража. Они заслужили это, но вредить им сейчас было бы ножом в спину.

— Дай руку, — я взяла его за руку и ощутила его. В нем была боль, но тусклая. Я никогда не видела отчасти исцеленную боль. Я потянула немного. Боли проникали в мое тело, напоминая затекшие мышцы, с которыми я проснулась в доме Данэлло.

Напряжение в его глазах потухло.

— Спасибо, — сказал он. — Но будет лучше отдать боль им.

— Проще, но не лучше. Идем.

Мы направились к лестнице. Через пару шагов я застыла. Мы не спустимся, не пройдем по коридору. Меня мог узнать Старейшина у палаты. Теперь в Лиге были десятки стражей и Старейшины были готовы поймать нас.

Должен быть другой выход.

— Как убежать отсюда быстро и не через главные залы? — шепнула я Созку.

— Не знаю. Я пробыл тут всего пару дней, а потом... меня поместили сюда.

Я пыталась вспомнить, как мы с Тали ходили здесь с мамой. А комнаты выше? Разве там не было еще одной лестницы? Голоса донеслись снизу.

— ...ее к Светочу для допроса.

— Да, сэр.

Шаги эхом отдавались от мрамора ступеней, шли в нашу сторону. Мы поспешили назад, мои сандалии топали тише сапог стражей, хотя мое сердце точно билось громче. Босые ноги Созка совсем не шумели. Мы прошли в открытую дверь комнаты учеников, и я рискнула остановиться. Страж все еще лежал на полу, но Ланэль вяло двигалась. Она подняла голову, и наши взгляды пересеклись.

Плохо дело.

— Быстрее, — я побежала с Созком, а Ланэль завопила. Хрипло, но стражи скоро ее услышат. Выше должны быть другая лестница. Я была почти уверена, что на первом этаже была другая лестница в дальнем конце главного зала. Прошу, пусть наверху будет к ней доступ.

Крики донеслись сзади, когда мы добрались до пролета. Сколько стражей преследовало нас? Может. Они звали солдат снаружи. Я ускорила, сумка оттягивала руки. Коридор постепенно поднимался все выше, но у меня все равно пытали ноги, замедляя меня. Созк тоже едва бежал. Высокие окна были на наружной стене, и весь Гевег раскинулся передо мной, островок на большом озере. Я старалась не думать, что могу видеть его в последний раз.

Еще поворот. Больше окон, и...

Нет!

Мое сердце колотилось, я перестала дышать. Коридор приводил в круглую комнату, залитую солнцем, с окнами со всех сторон. Я застыла в центре комнаты.

Идти было некуда.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ:

— Что теперь? — прошептал Созк, скользя взглядом по комнате.

Сапоги топали по мрамору коридоров, становясь все громче, ведь стражи приближались. Я разглядывала окна. Снаружи статуи Святых стояли ко мне спиной, словно не одобряли мои поступки. Я поправила сумку с пинвиумом. Даже если он не вспыхнет, веса хватит, чтобы разбить окно, чтобы я смогла выбраться на выступ и съехать по крыше... Стоп, это засов?

— Сюда, — я подбежала к окну и отперла его. Окно плавно открылось наружу.

Топот был громче, звучал на ступеньках неподалеку. В любой миг стражи могли завернуть за угол и найти нас. Тали не простит меня, если меня убьют.

Я забралась на выступ, окружающий купол. Созк за мной, и он закрыл окно. Ветер хлестал меня, обжигая глаза и ударяя моими косичками с бусинами по щекам.

Не упади, только не смотри вниз. Я прижималась спиной к стеклу и двигалась по выступу, пока не добралась до статуи Святой Сэи, смотревшей на Гевег, с вытянутыми руками, покрытыми птичьим пометом. Я присела за ее юбками, боясь дышать. Созк замер рядом со мной, его лицо было бледным. Он смотрел на скошенную крышу и землю далеко внизу.

Тени плясали на крыше, лучи полуденного солнца падали на нас. Свет, тьма, свет, тьма менялись из-за колонн, закрывающих меня от людей, заполнивших комнату. Тени задвигались быстрее, стражи бегали между участками света и тьмы.

Доносились приглушенные крики, но окна не открывали. Я улыбнулась, представляя, как они стоят и чешут головы, пытаюсь понять, куда мы ушли. Вниз? Но как? Они не могли вернуться. Может, они пропали!

Скрип слева убрал мою улыбку. Это было окно? Тени заплясали на крыше с новой силой, словно руки тянулись ко мне. Они пропали, и окно закрылось.

Я выдохнула.

А потом скрипнуло окно справа от меня.

— Нашел!

Страж склонился, но нервно смотрел из окна на меня. Наверное, он любил высоту не больше Созка.

— Схвати их, — послышалось из комнаты. Созк взял меня за руку. Я похлопала его пальцы, но сомневалась, что могу успокоить.

— Я туда не полезу.

— Вперед! Это приказ.

Страж нахмурился.

— Меня наняли следить за входом, а не бегать по крышам.

Я улыбнулась. За это тебе платили, а в эти дни за труд никому хорошо не платили.

Еще один страж выглянул из окна, но этот не выглядел испуганным. Я вытащила из сумки кусок пинвиума. Я не понимала, есть ли в нем боль. Я подвинулась для лучшего броска. Я собрала гнев и постаралась повторить ощущения в тот раз, когда зажгла кусок, атакуя стража.

Я бросила.

Вспышки не было.

Пинвиум ударил его по лбу. Страж вскрикнул и скрылся внутри.

Неплохо, но меткие броски камнями нас отсюда не выведут. У Лиги было много денег, так что может появиться кто-то с настоящим оружием из пинвиума, вспышка которого легко собьет нас с крыши.

Снова скрип, открылось окно. Тот же страж смотрел на меня с красным следом на лбу. Он не должен был меня поймать. Я склонилась и посмотрела вниз. Крыша спускалась к следующим куполам, наверное, в сорока футах внизу.

— За мной, — шепнула я и прижала юбку под коленями. Я должна рассчитать все идеально, иначе доедет от меня лишь лепешка.

— Вниз? — спросил Созк.

— Скорее, — я поехала по крыше, и притяжение принялось работать.

— Она уходит!

И быстро. Я ехала по черепице, задрав колени до подбородка, с тихим шорохом. Ко мне приближался купол ниже и его окна, а потом он сдвинулся.

Это я съехала в сторону!

Я схватилась за черепицу одной рукой. Направление не менялось. Я склонилась, и несколько кусков пинвиума вылетело из сумки и застучало по крыше.

Нет! Без этих кусков я никогда не пойму, как их зажечь. Я схватилась за сумку, расцарапав при этом костяшки, и стянула ее верх. Выпавшие куски быстро укатывались по крыше. Они миновали купол и упали с обрыва.

Так будет и со мной, если я не остановлюсь.

Созк ругался позади меня. Я ехала на боку, ударяясь плечом и бедром о черепицу. Я закричала, ударившись о выступ на крыше, но это подвинуло меня влево, к высоким окнам купола. Созк вскрикнул через миг, и мы покатались быстрее.

План был ужасным. Бабушка была права. Дураки сначала действуют, а потом думают.

Бах!

Я сжалась, врезавшись в окно. Осколки пинвиума впились мне в кожу, пока я сжимала их. Мышцы горели. Созк врезался в меня, и стекло треснуло. Я вдохнула, но окно выдержало.

— Ты интереснее орехового пудинга, — прохрипел Созк мне на ухо.

Стражи сверху кричали, но ветер уносил их слова, не давая разобрать. Я встала на колени. Хорошего удара хватит, чтобы разбить окно.

За стеклом в комнату вбежали стражи. Они удивленно уставились на нас. Я не ожидала, что нас найдут так быстро.

Нам нужен новый план. Настоящий, а не первая мысль пришедшая в голову. Пока что стражи не спешили бежать за нами по крышам. Тут было опасно, но зато лучше, чем борьба со стражами.

На восемь футов ниже комнаты был выступ в виде полукруга в два фута шириной и с колоннами по бокам. Оттуда крыша шла вниз, она была ровнее, но спускалась сильнее, на пятнадцать футов. Можно было ужасно упасть, если не попасть на выступ.

Созк проследил за моим взглядом.

— Ты шутишь.

— Может, идея не так и хороша.

Камешки прокатились мимо меня, и я вскинула голову. Я не видела из-за изгиба крыши, но стражи могли приближаться к нам.

Я придвинулась к краю.

— Просто не смотри вниз.

— Как тогда мне попасть на выступ?

— Ладно, не смотри, когда будешь лететь.

Я замерла в месте, где можно было ухватиться руками, завязала узел на сумке и бросила

ее. Стекло вдруг разбилось слева от меня. Я рухнула на живот и подвинулась, чтобы ноги свесились с края. Я двигалась, пока не повисла на руках. Созк смотрел на меня, его ладони сжимались и разжимались. Несмотря на мое предупреждение, он смотрел вниз.

— Давай, Созк.

— Остановитесь, — закричал страж. Другой склонился, словно пытался схватить Созка. Помолившись, я отпустила.

Мои сандалии ударились о край выступа, я зашаталась.

Нет-нет-нет-нет-нет! Прижмись к стене!

Я бросила весь вес вперед, чтобы прижаться к стеклу. Пальцы уцепились за край окна.

— А-а-а! — Созк упал рядом со мной с огромными глазами. Он схватился за окно и не смотрел вниз.

— Скорее, возьми веревку!

Веревка! Это уже хорошая мысль. Я уже думала о крыльях. Я держалась за грязное стекло, пытаюсь перевести дыхание. Ветер грозил смести нас со здания вместе с листьями.

Воспоминания о нас с Тали в домике на дереве всплыли в голове. Она смеялась на крыше, пока я лезла туда. Дельта реки и лодочки. Рыбки бросали неводы в озеро. Тали обрадовалась, когда я забралась на крышу, и назвала меня храброй.

Спускаться было сложнее. Я сглотнула. Мы сможем. Пятнадцать футов — не так и много.

Я глубоко вдохнула... надеюсь, что не в последний раз...

Веревка стукнулась о стекло справа от меня.

— Ниа, стой! — крикнул Созк и схватился за веревку. Он с силой потянул, и сверху раздался испуганный вскрик. Упал и другой конец веревки, и Созк поймал его.

— Ты гений, — сказала я.

Он улыбнулся и обвязал веревку вокруг одной из колонн, а потом опустился. Отталкиваясь ногами от стены, он легко на вид спускался вниз.

— Твоя очередь, — сказал он, добравшись до ровной крыши внизу.

Я сглотнула, но схватилась за веревку, обвила вокруг руки, как делал он. Я свесила ноги с края, потеряв одну сандалию. Опустила другую ногу и оцарапала колени о стену. Я цеплялась за веревку, задевая камни ногами. Руки заскользили, горя. Я пыталась встать ровнее на стене.

На половине пути руки сорвались, и я упала. О крышу первыми ударились ноги, встряхнув все мои кости. Звезды боли вспыхнули вокруг меня. Стражи сверху снова сбросили веревку.

Созк быстро оказался рядом со мной.

— Как ты?

— В порядке.

Он помог мне подняться. Колени обжигала свежая боль, я сильно оцарапала их, порвав форму Тали. Если я спущусь живой, то потрачу целый оппа на новую одежду для нас. Клянусь Святым.

Пора двигаться. Широкая крыша явно была главной палатой. Крыша склонялась, но не так сильно. И за края можно было уцепиться перед прыжком на землю. А потом останется только добежать до Тали и Данэлло.

— Вон они!

Появилось еще больше стражей, с окна купола надо мной сбросили веревочную

лестницу. На нас охотилась вся Лига?

Я схватила сумку с пинвиумом и подъехала к краю крыши. С этой стороны Лиги были сады, падать на траву представлялось приятнее, чем на камни. Голоса донеслись снизу, я вскинула руку, чтобы остановить Созка.

Я не слышала слова, но не было похоже на простой разговор. Я пригнулась и посмотрела туда. Внизу стояли два стража. Юные, возраста Созка.

Повернувшись к Созку, я указала на стражей, а потом опустила одну ладонь на другую. Он кивнул.

Падать было футов семь или восемь. Я весила не много, но прыгать собиралась с сумкой. Созк устроился рядом со мной, над стражем крупнее.

Я крепко схватила сумку с пинвиумом и прыгнула.

ПЯТНАДЦАТЬ:

Мы упали на стражей. Я рухнула на одного, Созк раздавил другого. Раздались крики и ругательства, а потом стражи притихли, отключившись. Потирая ушибы, я встала и побежала за кусты в саду. Они выглядели красиво, но не смогут скрыть нас, если придут другие стражи. Созк следовал за мной со смесью страха и восторга на лице.

— Мы выбрались! Поверить не могу!

— Тише... мы еще не покинули Лигу, — стражей не было видно, но они еще могли схватить нас. — Сюда, пригнись.

— Вот они! За гибискусом! — закричал человек с крыши, пока мы двигались по двору.

Мои мышцы протестовали, но я заставляла себя бежать к открытым воротам, к безопасности толпы снаружи. В этот раз Святые помогли мне, солдат не было, видимо, их позвали помогать в поисках. Мы выбежали на улицу так быстро, как только могли на уставших ногах. Созк сбил рабочего с пристани, а я чуть не растоптала девочек с корзинкой фруктов.

— Эй! Стоять!

Я оглянулась через плечо. Стражи замедлились на улице, они озирались. Мы бежали, снуя между беженцев, солдат и фермеров, пока я не перестала слышать топот сапог и звон мечей. Женщина вышла из магазина впереди, и я втащила Созка туда, пока дверь не закрылась, мы скрылись за стопкой ящиков. Хозяин магазина посмотрел на наши изорванные и окровавленные формы и нахмурился.

— День выдался очень плохой, — сказала я.

— Выметайтесь, или станет еще хуже.

Гнев закипел во мне. Я вытащила из кармана пару монет.

— У меня есть деньги, — сказала я, помахав оппа перед его лицом. — И я потрачу их в другом месте, раз вы такой грубый.

— Так и сделай, гевегианка!

Я выбежала, подавив желание хлопнуть дверью. Шум мог привлечь внимание, а потрясенный вид хозяина магазина того не стоил.

Созк рассмеялся и провел рукой по растрепанным волосам.

— Напомни никогда тебя не злить.

— Я не такая ужасная, — пробормотала я, мои щеки пылали.

— Ужасная? Ты невероятная. Ты мне жизнь спасла, — он улыбнулся, и я снова

покраснела.

— Нам нужно уйти с улицы, пока стража не нашла нас.

Мы оставались в толпе несколько кварталов, пока я не нашла большое скопление кустов, где мы и скрылись. Солдатам могли еще не сказать искать нас, но кто знал, как быстро это изменится.

— Думаешь, твоя сестра выбралась? — прошептал Созк. Теперь его восторг угас, он выглядел утомленным, и я себя чувствовала такой же.

— Надеюсь, — если мы сбежали, хоть и подняли на уши половину Лиги, Тали тоже должна была сбежать. Но ее будут искать еще сильнее.

Я сглотнула, в горле першило. А воды вокруг видно не было. Нам бы и не помогли. Грубый хозяин магазина не зря выгнал нас — причина у него была. Моя одолженная форма ученицы была в грязи, крови и помете птиц. Уродство, которое замечаешь в Лиге, только подобравшись ближе.

— Что нам стоит...

— Погоди, — я перебила его и заметила в толпе на миг знакомое лицо. Данэлло? Было похоже на него, но он был в длинном плаще рыбака. Застегнутый, несмотря на жару. Я подвинула ветки куста, чтобы видеть лучше, и заметила Айлин с Тали.

— Тали! — я направилась к ней. Она испугалась на миг, а потом подбежала ко мне, чуть не задушила объятиями. — Ты жива! — сказала она, пока она выдохнула:

— Ты смогла!

— Я так переживала. Я думала, ты не уйдешь, а потом еще пришел Светоч... Святой. Тали, никогда так со мной не поступай.

— Не буду, обещаю.

Айлин обняла нас обеих.

— И ты тоже, Ниа. Я чуть не умерла, когда Тали рассказала мне, что ты сделала.

Мы обнимались, вели себя глупо, и прохожие пялились на нас, как на дурочек.

— Лучше уйти с улицы, — сказал Данэлло. Все-таки в том плаще был он. Он взглянул на солдат, проверил пуговицы и повел нас прочь.

— Ты тоже жив! — я обняла его, и он случайно задел груды бочек. — Близнецы в порядке?

— Да. Тали нас подлатала, — мы замерли и не говорили. А потом он ослабил объятия и отошел, его щеки были красными, как ягоды. — Ниа, мы у тебя в долгу... — он нахмурился и посмотрел на что-то за мной. — Кто-то следит за нами.

Я оглянулась, а в переулок вошел Созк.

— Привет, — сказал он.

— Кто ты? — спросил Данэлло и расстегнул плащ. Его рука потянулась к рапире на его поясе.

— Зачем тебе рапира? — я потрясенно уставилась на сияющую сталь. Она была хорошего качества, опасная, наверное, принадлежала его матери.

Он не ответил, только смотрел на Созка с опасным блеском в глазах.

— Это Созк, — объяснила я. — Один из учеников. Мы помогли друг другу сбежать.

Созк рассмеялся и покачал головой.

— Я мало помогал. Это Ниа — героиня. Я ей жизнью обязан.

Я снова покраснела, в глазах Данэлло появилась тревога. Я коснулась его руки.

— Данэлло, все хорошо.

Он позволил мне убрать его руку от рапиры, и плащ скрыл ее. Он сильно рисковал. Обычно люди не ходили в таких плащах по городу. Это привлекало столько же внимания, сколько и сама рапира.

— Что ты здесь делаешь с оружием?

— Мы шли тебя спасать.

— Данэлло все спланировал, — сказала Тали. — Мы собирались спасти тебя.

— Да? — я не знала умиляться мне или злиться. После всего, что я для нее сделала, она собиралась вернуться и попасться снова?

— Мы не могли оставить тебя там, — сказала она.

— Мы очень боялись, — сказала Айлин. — Тали сказала, что ты забрала ее боль и легла на ее место. Поверить не могу, что ты была такой...

— Глупой, — закончил Данэлло.

— Данэлло! — возмутилась Айлин.

Взглянув на Созка, Данэлло взял меня за руку и стиснул зубы с тревогой во взгляде.

— Тебе не нужно было идти туда одной, Ниа. У тебя был пинвиум, ты могла привести к нам другого Целителя.

— Но только так я могла вытащить Тали.

— Нет. Просто ты придумала только такой способ, — он провел ладонью по губе и словно разрывался между желанием ударить и обнять меня. — Ты помогла нам, — сказал он. — Почему же ты подумала, что мы не поможем тебе?

Я раскрыла рот, но ответить не могла. Почему я не подумала о его помощи? Я перестала думать, что помогать могут не только родственники?

Никто, кроме Тали и Айлин, долгое время не заботился обо мне, тем более, парень.

— А зачем тебе? У тебя есть семья, о которой нужно заботиться.

— Сначала забота о семье, потом о друзьях, а там и о соседях, если получится, — он робко улыбнулся и потер большим пальцем мои костяшки. Я заметила, какие они грязные и расцарапанные, но не хотела убирать руку. — Так говорит мой папа.

Айлин кивнула.

— Мама тоже так говорила. Гевегцы держатся вместе. Жадные басэери все у нас украли бы, если бы друзья не помогали нам.

— Эм, Ниа, — сказал Созк, потянув меня за рукав. — Не хочу мешать, но что-то происходит.

Я подняла голову. На улице была толпа, но это было нормально в эти дни.

— Ничего не вижу.

— Слушай, — он прошел по переулку и склонил голову. Через миг Айлин пошла за ним.

— Ниа, он прав, — Айлин поманила нас к себе. — Все говорят о Лиге.

Мы покинули укрытие переулка и вышли на улицу.

— ...какое-то объявление...

— ...о пароме?..

— ...что нам делать без...

Страх сжал мой желудок. Люди бежали к Лиге с тревогой на лицах. Поверх испуганных голосов тихо звучал колокол, призывающий собрание.

— Нужно узнать, что происходит, — сказала я.

— Я бы туда не возвращался, — нервно сказал Созк.

— У тебя есть семья здесь? — спросила я его. — Друзья?

— Никого. В Верлатте был только я, и я сбежал до осады. Я знал, что будет плохо. Я ушел, присоединился к Лиге. Но там тоже было плохо.

— Мы будем в безопасности, если будем вместе. У Данэлло есть рапира. Никто нас не заметит в такой толпе. Мы только послушаем, что скажут, и сразу уйдем.

Соэк все еще был не уверен, но кивнул.

— Ладно, я тебе верь.

Я тоже ему верила, хоть и не знала причину. Может, потому что мы отличали и рисковали многим, идя к Лиге.

Данэлло взял меня за руку.

— Не отходи, вдруг будет беда.

Мы слились с толпой и пошли к Лиге. Колокол созывал громко, но через минуту замолчал, звон унес ветер. Принесли небольшую трибуну, толпа притихла, и главный Целитель Гинкев вышел к трибуне.

Я сглотнула и подавила желание пригнуться, но он не мог заметить меня в толпе. Я все равно придвинулась к Данэлло.

— Доброе утро, — начал Гинкев, звуча печально и неуверенно. — У меня трагические новости, и я прошу вас сохранять спокойствие.

Нервный шепот пронесся по толпе.

— Пять дней назад несколько Целителей заболели чем-то неизвестным. Их тут же изолировали от остальных, но теперь стало ясно, что остальные ученики и юные Целители тоже пострадали. Многими из них были те, кто присутствовал в печальном инциденте с паромом, и мы думаем, что пострадали они из-за ослабленного состояния.

Еще больше нервного шепота. Люди вокруг нас выглядели испуганными. В конце войны тоже были болезни, когда у нас не хватало людей, чтобы убрать с улиц тела.

— Несмотря на наши старания, мы не смогли определить природу заболевания, не смогли исцелить его.

Толпа запаниковала, и Гинкев вскинул руки.

— Это не повод для тревоги. Болезнь поражает только Забирателей, для этого нужен прямой контакт с зараженным. Люди же в безопасности, — Гинкев замолчал. — Печально сообщать, но за последний час умерли все зараженные.

Крики разнеслись по толпе.

Нет! Такого не могло быть! Я видела учениц. Мы сбегали не час, хоть я и не была уверена. Все было в спешке. Я посмотрела на солнце над головой. Оно было намного ниже раньше?

— Целители остались?

— Кто будет лечить наших раненых?

— Как вы могли такое допустить?

— Поверьте, Светоч опечален ужасной потерей, он старается наладить ситуацию и советуется с герцогом. Чтобы не заболели остальные Целители, Светоч объявил карантин в Лиге. Он просит тех, кому требуется лечение, связываться с торговцами болью, Лига будет тесно сотрудничать с ними, чтобы заботиться о благополучии Гевега.

— Нельзя доверять торговцам болью!

Толпа завопила и подвинулась вперед. Я получала синяки поверх синяков. Данэлло придвинулся ближе, обвинил меня в защите руками. Гинкев кричал поверх толпы, пытаюсь успокоить, но никто больше не слушал. Злые голоса становились все громче.

— Лжец!

— Они не умерли! Герцог украл их для своей войны, да?

Камень пролетел и стукнул Гинкева в висок. Он вскрикнул и отпрянул от трибуны. Люди бросились вперед, разделили нас и потянули в стороны.

— Ниа! — крикнул Данэлло, потянувшись ко мне.

Я попыталась схватить его за руку, но толпа уносила меня к Лиге.

ШЕСТНАДЦАТЬ:

— Ниа!

— Здесь! — я махала руками, но не видела, кто меня звал и откуда. Толпа толкала меня вперед, сдавливая между людьми.

Это было похоже на первые мятежи из-за голода в конце войны, во время осады, когда у нас осталось только то, что было припасено на острове. Когда герцог захватил наши острова с фермами и полями, поймал нас, мы восстали друг против друга и прекратили бороться с ним. В те дни было много мятежей, пока он держал нас в голоде и давал еду с наших ферм, если мы хорошо просили.

Воспоминания вспыхивали в голове, пока чьи-то ноги топтали мои стопы и пинали по лодыжкам. Десятки людей погибали, их топтали во время мятежей, а те толпы были слабыми и отчаявшимися от голода. Эта толпа была сильной и злой.

Голова Данэлло показалась среди толпы справа от меня.

— Данэлло!

Он нашел меня взглядом. Он что-то крикнул, но я не слышала, и попытался пройти мимо людей, движущихся к трибуне. Еще толчок, и я споткнулась. Данэлло пропал среди людей. На ужасный миг я подумала, что больше его не увижу, но он все еще был где-то в толпе.

На меня упал мужчина, ударив локтем меня в живот. Я выдохнула и согнулась, вскрикнув. Другой человек ударил меня сзади, и я отшатнулась. Я отлетала по толпе, не могла ни за что ухватиться, чтобы не упасть. Я вспомнила тела затоптанных. Я упала на одно колено, боль пронзила ногу. Другая нога поскользнулась, и я полетела вниз.

Рука появилась среди широких спин и поймала меня за руку.

— Поймала!

— Айлин! — всхлипнула я, Айлин подняла меня на ноги. Кто-то споткнулся об меня, и я упала снова, но Айлин поймала меня.

— Я так рада тебя видеть, — я прокричала, борясь с толпой.

— Я тоже. Я думала, мы тебя потеряли. Держись и иди за мной.

Она крепко сжимала мою руку, двигаясь сквозь бушующую толпу, используя грацию танцовщицы для этого. Она вытянула руку перед собой, отталкивая локти и плечи, направляя людей вокруг нас. Когда один не отошел, она ущипнула его за мягкое место.

Я хотела поднять голову и поискать Тали, но боялась мешать Айлин вести нас.

— Я ее поймала, — сказала Айлин, притянув меня и проведя к ограде Лиги. Данэлло Тали и Соэк прижимались к ограде, защищенные от толпы толстой колонной и воротами.

Тали крепко обняла меня, ее лицо было в грязи.

Айлин подобралась ближе, чтобы перекрыть толпу.

— Моя комната ближе всего. Пойдем туда?

Мы кивнули. Айлин схватила Данэлло за руку и повела нас в толпу за колонной. Данэлло держа меня за руку, я — Тали, а она — Созка. Мы пробивали путь, а люди двигались вперед, пытаясь попасть в Лигу. Камни и обломки летали мимо нас. Данэлло ткнул кого-то локтем в глаз, кто-то толкнул Айлин, и она врезалась в Данэлло, чуть не сбив его.

Толпа была и в узком месте, где дорога приводила к Лиге.

— Толкайте с силой, — крикнула Айлин, и тут раздался пронзительный крик.

Люди вздрогнули и застыли. Айлин закричала снова и потащила нас в брешь в застывшей толпе.

Все в Гевеге пошли к Лиге бороться и вопить? Чего они хотели добиться? Гнев не вернет Целителей. Это только приведет герцога.

Мы перелезли низкую стену и попали в чей-то сад, цепляясь друг за друга в потоке людей.

— Поверить не могу, что они мертвы, — первой прошептала Тали, но мы все думали об этом.

Созк медленно кивнул.

— Мы выбрались вовремя.

— Повезло, — добавил Данэлло.

Разве? Они ввали о болезни, а если ввали и теперь? Не все ученики были близки к смерти. Ланэль точно не была, хотя ее могли и не включать в их число.

— А если они убили их? — сказала я, не желая верить в это.

Айлин обхватила себя руками, потирая их.

— Они могут быть такими чудовищами, но логики в этом нет, — она тряхнула головой. — Разве не проще получить больше пинвиума, а не убивать людей? И куда они денут тела?

Созк кивнул.

— Она права. На это ушло бы больше часа. Они не успели бы.

Данэлло ткнул меня локтем и указал на улицу мимо толпы.

— Солдаты идут.

Солдаты генерал-губернатора пробивали путь, их синюю форму было четко видно при свете дня. Сколько из них помнило мятежи на второй год оккупации, когда мы пытались восставать, вернуть независимость, хоть все улицы кишели солдатами?

— Тут становится все хуже, — сказала Айлин. Судя по ее лицу, она те мятежи тоже помнила, как и корабли, полные солдат, посланных герцогом. — Нам лучше поспешить ко мне.

— Ага, идем.

Я цеплялась за Тали, мы спешили, не зная, сколько осталось времени до того, как герцог отправит солдат подавить нас. И выживем ли мы.

* * *

Айлин дала мне последнее свое платье, и я сменила в ванной свою грязную одежду. Когда я вернулась, Данэлло и Созк сидели по разные стороны от двери, Тали была у окна. Мы едва помещались тут впятером.

— Что там снаружи? — спросила я у Тали. Она смотрела в окно, пока Айлин натирала наши порезы и синяки сладко пахнущей мазью. Айлин смущалась делать это в комнате с Целителями, но никто не обращал на это внимания.

Тали повернулась ко мне.

— Дым возле Лиги стал плотнее. Наверное, горит одна из рыночных площадей. Люди и солдаты бегут мимо нас, но никто не останавливается, — она убрала с лица мокрые от пота пряди. — Видимо, тут им ничего не нужно.

— Это изменится, — пробормотал Созк.

— Мой район отсюда видно? — спросил Данэлло со своего места на полу. — Там есть дым?

Тали выглянула на пару секунд и отодвинулась.

— Не думаю. Похоже, все происходит только в районах басэери и возле Лиги.

— Уверена, они в порядке, — сказала я Данэлло, коснувшись его плеча. Джован был умным, он позаботится обо всех, пока их отец не придет домой.

Он рассеянно кивнул, но все еще был встревожен. Я не могла винить его. Если бы Тали не была со мной, я бы пыталась добраться до нее. Но Данэлло хватало ума не рисковать так собой. Он был старше и помнил мятежи лучше меня. Солдаты не убивали только тех, кто не причинял проблем.

— Это происходит снова, да? — прошептала Айлин.

— Нет, в этот раз иначе, — сказала я.

— Причина другая. Но мы снова злимся, а ты знаешь, к чему это всегда приводит. Сперва мятежи, потом герцог. Люди уже винят его, они скоро восстанут против генерал-губернатора. Все солдаты все еще в Верлатте. Как скоро герцог пришлет их сюда?

— Может, генерал-губернатор всех успокоит, — я не поверила своим словам. Солдаты только все делали хуже. Синяя форма вызывала в Гевеги лишь ненависть.

— Вряд ли, — сказала Тали и указала на окно. Мы столпились вокруг нее и посмотрели туда.

Шестеро солдат вели по улице людей, толкая и крича на них. У некоторых людей головы были в крови. Люди на улице вопили, хватали камни и обломки и угрожающе махали ими. Мужчина бросился вперед и бросил в солдат сломанным стулом. Он попал по голове и плечам одного, и другие схватили мужчину и забили дубинками. Он упал. Они оставили его лежать там, кровь медленно вытекала из-под его головы.

— Так все начиналось и в Верлатте, — сказал Созк, отодвинувшись от окна. Он опустил на пол возле Айлин. — У нас был договор с герцогом. Это не спасло.

— Может, мы победим в этот раз? — спросила Тали. Она не понимала. Она была слишком маленькой и не помнила.

Я покачала головой.

— Нет. Мы не смогли победить со своими солдатами, Целителями и пинвиумом. Как мы можем победить без этого?

В дверь постучали, и мы вздрогнули. Айлин начала подниматься, но Данэлло махнул ей и подошел к двери. Созк встал напротив него, вне поля зрения и со стулом в руке, если будет беда. Данэлло посмотрел на него и одобрительно кивнул.

— Кто там? — спросил Данэлло у двери. Он схватил со стола Айлин свою рапиру, хотя места для ее использования не хватило бы.

— Я ищу Айлин, — голос звучал знакомо.

— Открой, — сказала Айлин, перелезая через кровать.

Данэлло приоткрыл дверь и выглянул.

— Имя?

— Где Айлин?

— Кионэ? — сказала Айлин, прошла мимо Данэлло и открыла дверь шире. Сознание отпрянуло, чтобы дверь не ударила его по носу.

Кионэ шагнул внутрь, но Данэлло не пропустил его дальше.

— Мне нужна твоя бешеная подруга, проникающая в Лигу.

— Зачем? — Данэлло подвинулся, словно пытался скрыть меня и Тали. — Айлин, кто это?

Кионэ шагнул ближе, и Данэлло погрозил рапирой. Я плохо видела из-за его спины, но показалось, что рапира была у горла Кионэ.

— Не нужно его пронзать, — я вскочила и потянула Данэлло за руку, пока он не опустил оружие. Защита была милой, но Кионэ мог знать, что происходит в Лиге. — Он помог вытащить оттуда Тали. Отчасти.

— Кионэ, в чем дело? — спросила Айлин.

— Они врут.

— Мы знаем. Не было болезни, боль их убила.

— Нет, они врут про смерть, — Кионэ пробрался внутрь и встал передо мной. — Ниа, ученики живы.

СЕМНАДЦАТЬ:

— Живы? — повторила я, желая верить, но боясь этого.

— Большая часть. Несколько умерло, и Светоч решил сказать, что это случилось со всеми. Его людей видели идущих с телами в морг.

Тали рассмеялась, ее щеки покраснели от облегчения.

— Это прекрасно! Тогда мы еще можем их спасти.

— Что? Нет, — сказала я. — Если мы вернемся, то все погибнем.

— Но мы должны, Ниа. Мы не можем оставить их там.

Кионэ кивнул.

— Потому я пошел искать тебя. Они навредили Ланэль. Я видел ее на одной из кроватей там. Тот больной на голову Старейшина, желающий порезать их...

— Виннот.

— Ага, Виннот. Он заставил меня носить припасы, и я увидел Ланэль и остальных. И услышал, как Светоч сказал ему, что они смогут легко закончить, если герцог подумает, что Целители мертвы. Что они даже смогут уйти раньше, чем он прибудет исследовать.

— Герцог прибудет сюда?

— Я не уверен, — он пожал плечами. — Я слышал не все, но они ожидают его прибытие, хотят уйти раньше, чем это случится.

— Зачем Светочу врать? — спросил Данэлло. — Зачем им уходить?

В этом не было смысла. Я посмотрела на пять испуганных лиц в комнате. Светоч был жестоким, но не глупым. Он должен был знать, что весть о смерти Целителей разозлит людей, и тогда последуют мятежи. Он бы не сделал этого просто так...

Я напряглась.

— Мог ли он сделать это нарочно?

Айлин обхватила себя руками.

— Зачем так делать?

— Не знаю, — ясно, что у Светоча был план, но все остальное в нем оставалось мутным, как вода в болоте.

— Кто знает, что они там задумали? — сказал Кионэ. — Но сообщение сделали вскоре после того, как я их подслушал. Все плохо, Ниа. Тебе нужно вернуться и спасти Ланэль.

Я нахмурилась. Мне нужно, а не ему. Не нам.

Я покачала головой.

— Мы никогда не вернемся туда. Вся Лига на ушах. Тысячи людей на улицах. Солдаты всюду.

— Знаю. Но ты пробиралась раньше, сможешь еще раз.

Сэя тебя побери, так я и стану.

— Ланэль помогала им, Кионэ. Ты ведь это знаешь?

— У нее не было выбора! Она помогала им, но и тебе помогла.

Я фыркнула, и он отвел взгляд.

— Да, не сильно. Но и я мог отказаться.

— Ниа, — сказала Айлин, — если ты права, и мятеж вызвали намеренно, то дела Светоча касаются не только Ланэль... или учеников, — быстро добавила она. — Выгляни. Люди злятся, потому что им сказали, что Целители мертвы, а не из-за их настоящей смерти. Ты же их слышала: они думают, что это ложь, что герцог украл их, как было во время войны.

— Это ложь, — сказал Данэлло, сжав кулаки. — И какая разница, о чем именно врет Светоч?

Разница была. Светоч врал и злил нас, хотя мог соврать герцогу. Не было причины злить нас, если не для плана. Может, Светоч думал, что герцог не поверит, пока не будут верить гевегцы? У герцога должны быть шпионы здесь, и мятежи подтвердили бы слова Светоча.

Но зачем все это? Я вздохнула и провела руками по волосам. Светоч и Виннот хотели сделать что-то, чтобы герцог не узнал об этом. Если ложь была о Целителях, они должны быть частью этого. Чем Целители могут быть полезны Светочу, если не отдавать их герцогу?

Ланэль говорила, что Виннот что-то исследовал для герцога, и для этого ему нужен был список симптомов, но я не видела причину. Герцог думал только о пинвиуме, о получении его. Нет, должно быть то, что нужно и ему, и Светочу. То, что достойно риска мятежа в городе.

Я тряхнула головой и раскрыла рот. Конечно!

— Необычные Забиратели! — закричала я. Никто не слушал. Я забралась на кровать и прокричала. — Он ищет необычных Забирателей!

Все уставились на меня.

— Несколько лет, — начала я, — герцог думал только о двух вещах — пинвиуме и необычных Забирателях. Он тратил на это деньги и солдат. Светоч и Виннот искали что-то среди страдающих учеников по просьбе герцога, что-то редкое, достойное риска из-за лжи ему.

— Забиратели? — растерялся Созк.

— Как мы. Думаю, герцог понял, как заставить способности Забирателя проявиться. Тали, ты сказала, что ученики пропадали и до случая с паромом?

— Почти за неделю до него.

— И Кионэ сказал, что были еще две палаты с Целителями. Маленькие, наверное, для тех, кого забрали до случая с паромом. Он уже искал необычных Забирателей. А тот случай просто дал ему шанс проверить всех сразу.

Айлин выглядела такой же растерянной, как и Соэк.

— Как проверить?

— Дать им много боли. Это как близнецы — я не ощущала в них ничего такого, пока они не получили боль, и тогда я заметила.

Данэлло побледнел и вскинул руку.

— Какие близнецы? Мои братья? Джован и Бахари?

Я прикусила губу, вина подавила волнение.

— О, Данэлло, прости. Стоило сказать раньше, но я пыталась защитить их, — я рассказала о том, что ощутила о связи близнецов и боли. О том, как их таланты показались сильнее. Он побледнел еще сильнее.

Кионэ вытер лицо рукой.

— Ланэль говорила, что ей приказали следить за несколькими учениками с особыми симптомами. У нее был целый список с ними.

— Она уделяла мне много внимания, когда мне впервые стало лучше, — тихо добавил Соэк. — Я начал притворяться, что мне больно, и она перестала.

— Но Виннот работает на герцога, — сказал Данэлло. — Как и Светоч.

Кионэ скрестил руки на груди.

— Работа на кого-то не означает верность.

— Все знают, что он сделает с ними, если раскроет правду, — сказал Данэлло. — Зачем тогда рисковать?

— Какая разница? Мы идем за Ланэль или нет? — проскулил Кионэ, глядя на окно, пол, дверь, словно он был...

— Отвлечение, — сказала я, задрожав. — Это все отвлечение! Потому Светоч поднял мятеж. Это не только поддержит ложь, что Забиратели мертвы, но и кто заметит, что Светоч и Виннот сбежали в этом хаосе? — бессердечные крысы! У них были печати для путешествий басэери, но у похищенных Забирателей — нет. Они будут записаны в тетради путешествий, и это попадет к герцогу, он поймет, что его предали люди, которым он доверял. И что они украли у него. Они не могли этого позволить. Им придется обходить пункты проверки, отвлекать всех, чтобы их побег не увидели.

Святые, они пытались предать герцога! Я тоже была против него, но это не значило, что нужно жертвовать Гевегом.

На лице Тали сияла надежда.

— И если все услышат, что Светоч соврал им, что герцог не украл Целителей, то они прекратят мятеж?

— Возможно, — сказала я, но особой надежды не было. — Это может разозлить их, но генерал-губернатор хоть сможет схватить его. Это успокоит людей. Но если мятеж не прекратится... — я не хотела заканчивать предложение. Герцог сожжет нас, как сделал с Сориллем.

— Вот видишь? — сказал Кионэ. — Тебе нужно вернуться в Лигу.

Я хотела. Забиратели были беспомощны, как и Тали, но их было некому спасти.

— Мы не можем попасть внутрь. Должен быть другой способ доказать ложь Светоча.

— А если ты выжжешь путь? — спросил Соэк. Я скривилась, все посмотрели на него.

Тали взглянула на меня.

— О чем он говорит?

— Так мы сбежали. Она была невероятна, — воодушевленно рассказывал Соэк. — Она

бросила в стража куски пинвиума и зажгла их. Я никогда такого не видел.

Глаза Тали стали огромными.

— Зажгла? Как?

Болтливый Созк. Но он хоть не сказал, что я сделала с Ланэль, и я была благодарна за это. Я вытащила из кармана кусочек пинвиума.

— Не знаю. Я была злая, мне было больно, и... это случилось.

Выражение лица Тали стало забавным, она потянулась к кусочку.

— Дай посмотреть, — она подержала его в ладонях, на ее лице проступило недоверие. — Он пустой.

— Не может такого быть... мы все использовали. Это точно.

— Ты... преобразовала его, может? — она сжала в ладонях пинвиум размером со сливу, сдвинув брови. — Не знаю, что ты сделала, но его можно снова использовать.

Восхищенный шепот зазвучал в комнате. Созк что-то пробормотал о том, что я невероятна. Даже Кионэ понял, что это важно, и не шумел.

— Это невозможно, — сказала я. Опустошить пинвиум чарами можно было, но после этого он уже не мог вмещать боль. Никто не находил способ использовать пинвиум снова, хотя колдуны искали его годами.

— И все же ты это сделала.

Я сидела и смотрела на этот кусочек пинвиума. А если я могла его опустошать? Тогда герцог, узнав это, придет за мной целую армию. Вот это будет находкой для него! Я поежилась.

— Можно посмотреть? — спросил Созк, протянув руку. Тали кивнула и опустила туда кусочек. Он нахмурился и кивнул. — Пустой, — через миг он вздохнул и отдал мне кусочек. — Почти пустой. Приятно избавиться от боли, — он вернул пинвиум мне. — Теперь ты.

Я смотрела на кусочек. Данэлло, казалось, хотел избавить меня от смущения из-за объяснений, я и сама не знала, хотела ли говорить Созку, что не могу наполнить пинвиум. Тали обхватила мои ладони и пинвиум. Мои пальцы покалывало, пока она передавала мою боль в кусочек, что должен был стать бесполезным. Она на миг задержалась на пинвиуме, а потом опустила на столик. Ее пальцы замерли над кусочком, словно ей не хотелось отпускать.

— Так что насчет Ланэль? — напомнил Кионэ.

Созк покачал головой.

— После всего, что она со мной сделала? Я туда не пойду.

— Это не ее вина, — сказал Кионэ.

— Она получила по заслугам.

Кионэ выругался и шагнул к Созку, словно собирался ударить его. Айлин схватила его за руку.

— На это нет времени. Дело не в одном человеке. Если Светоч разозлится, он может убить их. Нам нужно раскрыть его ложь герцогу раньше, чем он пошлет сюда больше солдат.

— И пока люди не начали злиться на генерал-губернатора, — добавила я. Как только это случится, герцог может решить, что осады Гевега мало для того, чтобы управлять нами. Он может решить уничтожить нас, как сделал с Сориллем. Я вздохнула. — Ты права. Нам придется вернуться.

Кивали все, кроме Созка.

— Я не могу, — взмолился он. — Я хочу помочь, да, но я сбежал из осады Верлатта и той комнаты, я не думаю, что удастся в третий раз. Я не такой везучий.

Они молчали. Кионэ явно был готов присоединиться к нему, словно не он пытался нас толкнуть туда.

— Я останусь и буду сторожить комнату, — сказал Созк, когда тишина стала неприятной. — Чтобы никто ее не разграбил. Знаю, это не много, но я не... не могу вернуться.

Айлин сомневалась.

— Это мило, и я не хочу оскорбить тебя, но я не знаю, кто ты. Я не оставлю тебя в своей комнате.

Созк не обиделся.

— Я останусь в коридоре или на ступеньках.

Она подумала и кивнула.

— Ладно, это уже неплохо.

Я смотрела на них: на любимую Тали, на Айлин, ставшую мне почти сестрой, на Данэлло, которого могла полюбить, если мы выживем и сможем провести вместе достаточно времени для этого. Они хотели рискнуть жизнями, чтобы спасти незнакомцев. Как мама и папа на войне. Стоит ли нам это делать? Сможем ли мы? Я вспомнила слова бабушки. Правильные поступки редко даются просто.

— Мы не можем пробить путь. Мы — не обученные солдаты, так что даже с вспышками не сработает, — сказала я и посмотрела на куски пинвиума, ждущие, чтобы их опустошили и наполнили снова, и у меня появился план. — Нам нужно пробраться, как сделала я, чтобы вытащить Тали, а потом выбраться.

Данэлло нахмурился и потер шею.

— Как нам вывести так шестьдесят раненых учеников?

— И не надо. Мы опустошим и используем этот пинвиум, чтобы исцелить их, и сбежим вместе. Мы сможем пополнить пинвиум болью, так что им пробьем путь во дворе. А в Круге Лиги мы покажем всем, что Светоч соврал, — и спасем много жизней.

— Мы сможем так долго отгонять стражей? — спросила Айлин.

Данэлло пожал плечами.

— Зависит от того, сколько их пошлет за нами Светоч. Но если мы попробуем, не потревожив стражей, то сможем успеть многое до того, как проверят учеников. С толпой снаружи стражей внутри должно остаться мало.

Не факт.

— Дверь в палату запирается, да? — спросила я.

Тали кивнула.

— Пока вы будете исцелять учеников, мы сможем их койками забаррикадировать дверь, — сказал Данэлло.

План не был точным, но это была единственная надежда. Я вытащила горсть пинвиума.

— Нам нужно только понять, смогу ли я зажигать их, когда нужно, — иначе мы никого не спасем. Я повернулась Тали, в ее глазах были страх и восторг. — У тебя остались куски, что я давала для боли Данэлло?

— Да. Я не знала, что еще с ними делать, — она вытащила их из карманов и отдала мне.

— Все, отойдите. Я не знаю, какой сильной будет вспышка.

— Я буду в коридоре, — пробормотал Кионэ. Созк и Айлин кивнули и вышли с ним.

— Я остаюсь, — сказала Тали.

— И я, — Данэлло прислонился к стене и улыбнулся.

Я глубоко вдохнула и попыталась успокоить мысли. Пинвиум был холодным и шершавым. Как я чувствовала себя тогда? Злой и полной боли? Я потянулась к тому гневу и бросила.

Бам.

Пинвиум отскочил от стены и откатился под кровать.

— Не сработало? — спросила Тали.

— Нет. Поверь, ты поймешь, когда это случится.

Не тот гнев. Я злилась, но больше боялась, что меня схватят, когда пинвиум вспыхнет. Я глубоко вдохнула и попыталась снова.

Бам.

— Может, если ты...

— Тали, я работаю над этим.

— Я просто пытаюсь помочь.

— Может, тебе стоит подождать снаружи.

— А если ты...

— Тали, просто выйди... — я смотрела на обломки пинвиума в руках, в ушах звучал шепот отца. Вызвать вспышку — как дунуть на одуванчик. Мне было шесть или семь, я сидела у печи, где папа придавал форму и зачаровывал кусочки пинвиума.

«Их просто зажечь, Ниа, пирожок, — сказал он, охлаждая кусок в ведре с водой у ног. — Ты ощутишь покалывание боли в металле. Потом нужно подумать о том, что ему нужно сделать, отдать приказ. А потом отпустить. Представить, как он летит, как пух одуванчика на ветру».

Одуванчики.

— Поняла. Назад.

Я вдохнула и бросила, представляя легкий пух одуванчиков, разлетающийся в стороны на невидимом ветру.

Вжих!

Я ощутила покалывание, как от песка, как было и в тот раз. Тали и Данэлло позади меня вскрикнули.

— Мы в порядке, — сказала Тали, когда я развернулось. — Как будто ужалило, — она подняла вспыхнувший пинвиум и закрыла глаза. А потом посмотрела на меня с долей удивления и гордости. — Ты умеешь делать это. А ты думала, что у тебя нет сил.

Мои глаза наполнили слезы, но она выбежала раньше, чем я успела понять, как на это ответить. Может, я была не бессильна, но разве такие силы я хотела? Я слышала их восторженные голоса в коридоре. Я могла делать это, хорошо это или плохо. Теперь уже остаться в стороне не выйдет.

Святые, помогите нам. Мы вернемся в Лигу.

ВОСЕМНАДЦАТЬ:

Двигаться с толпой было проще, чем против нее, и мы добрались до Лиги проще, чем от нее. Многие пробирались во двор и главные двери, так что боковая дорожка к садам сзади была пустой. Мы скользнули за знакомыми кустами гибискуса у ворот, редко используемых

кем-нибудь, кроме учеников и работников Лиги. С таким же успехом можно было двигаться, скрывшись за кроватью. Стражи патрулировали двор, стояли у всех входов, пока солдаты генерал-губернатора отталкивали разъяренных людей. Многие толкались в ответ.

— Как нам пробраться? — шепнул мне на ухо Данэлло.

По моим рукам побежали мурашки.

— Мы проберемся.

— А выйти потом сможем? — спросила Айлин, выглянув из-за его плеча.

— Пути есть, но все известные проходы хорошо защищают. Кионэ, ты сможешь провести нас мимо них? Тут есть твои знакомые?

— Я знаю пару человек у южных ворот.

Те врата были у пристани, у воды. Может, там нет толпы, пытающейся пробраться внутрь, если они не приплыли сюда.

— Тогда притворимся ученицами, а Кионэ с Данэлло защищают нас. Они могут сказать, что нас вызывали для исцеления. Мы проберемся внутрь и дойдем до палаты.

— Но мы не в форме, — отметила Тали. Та одежда была слишком изорвана и в грязи, чтобы использовать.

— Кионэ в форме. Может, этого хватит. И у нас остались косички.

Она не поверила, но выбора у нас не было. Если они не поверят, мы не попадем внутрь.

Шум привлечет стражей, как и солдат. Мы прошли по садам к южным вратам. Двое стражей стояли там, и я их не узнавала. Зато узнала человека рядом с ними. Джеатар! Что он здесь делает? Он говорил со стражами, жестами словно отдавал приказы. Смотрите за теми землями.

Кионэ выругался, выразив мое состояние.

— Это не мои друзья, — прошептал он.

И не мои, хотя насчет Джеатара я не была уверена.

— Нам напасть? — Данэлло придвинулся ближе. Я остановила его, коснувшись руки.

— Я не хочу их ранить, — сказала Тали. — Низкий рассказывал мне анекдоты при каждой встрече.

Айлин махнула мне.

— Ниа, а если пробраться так, как вы вышли?

Мы подняли голову.

— По крыше?

Кионэ покачал головой.

— Ты такая же сумасшедшая.

— Что не так? — Тали почти улыбнулась ему. — Ланэль того не стоит?

Я никогда еще не хотела так сильно обнять ее.

— Стоит, — проворчал он.

— Новый план, — сказала я. — Мы идем вдоль стены сада, забираемся на крышу. Если повезет, там стражи не будет, — и Джеатар, может, нас не увидит.

— А если будут?

Боялись ли так мама с папой, когда сталкивались с солдатами герцога впервые?

— Тогда разберемся с ними. По-тихому.

Мы ушли от кустов к увитой лозами стене, стараясь скрываться за деревьями и растениями. Впервые я была благодарна, что Лига получала так много за исцеления, иначе они не смогли бы позволить себе такие сады. Там, где мы с Созком упали на стражей,

никого не было, но патруль ходил по территории. Может, теперь их было больше из-за мятежа снаружи.

— Сначала Данэлло, — сказала я. Кионэ шагнул вперед и сцепил пальцы. Данэлло шагнул на его ладони, и Кионэ подбросил его к крыше. Тот повис на пару секунд. Размахивая ногами, а потом забрался наверх. Его голова появилась через миг, и он протянул руку.

— Теперь Тали.

Данэлло легко поднял ее, а потом Айлин. Кионэ указал, что теперь моя очередь.

— Я пойду последним, — сказал он, озираясь из-за патруля. Или смотрел, сможет ли убежать, когда я отвернусь. Хоть он хотел спасти Ланэль, я не была уверена, что он готов рисковать ради нее.

Он подбросил меня, и я схватила ладонь Данэлло своими руками. Колено запуталось в юбке, и я повисла, как чеснок за окном. Данэлло тянул, я не отпускала. Кионэ подтолкнул меня, и Данэлло втащил меня за крышу.

Я улыбнулась.

— Первый шаг вып...

— Тише! — он прижал ладонь к моему рту и прижал меня к крыше. — Патруль.

— Кионэ, — пробормотала я в его руку.

— Прячется.

Снизу слышались голоса.

— ...слышал что-то. Как шорох.

— Сегодня ветер. Может, это ветки.

Слышались шаги. Я не дышала. Стражи были под нами, а край моей юбки свисал с крыши, как флаг, и говорил: «Мы здесь!».

Я склонила туда голову. Данэлло растерянно посмотрел на меня, а потом в нужном направлении. И его глаза расширились.

— Думаю, там кто-то есть, — голос был тише, словно подальше от здания. Они увидели Кионэ?

Данэлло протянул руку к моей юбке и потащил пальцами дюйм за дюймом.

— Трава примята и ветки сломаны.

— Сообщить капитану?

Край моей юбки скрылся из поля их зрения.

— Ага, мы... ты это видел?

Данэлло схватился за мою ногу, отодвигая ее. Колено было в дюймах от края крыши.

— Что?

— Что-то мелькнуло на крыше. Дай руку.

Скрип дерева, пыхтение. Они несли лавочку? Данэлло медленно отползал от края крыши. Отодвигалась и Тали. Черепица скрипнула. Из-под ее ноги скользнул гравий. Я поймала камешки рукой, пока они не откатились слишком далеко.

Скамейка стукнула внизу, слышался еще скрип. Я посмотрела на край крыши. Я увидела глаза почти перед своим лицом.

— Эй...

Данэлло склонился через меня и ударил рукоятью рапиры по голове стража. Тот упал и, судя по удивленному воплю, рухнул на своего напарника.

— Выше! Выше! — я толкнула Данэлло в грудь, он потянул меня за руку и помог подняться на ноги.

Снизу раздался незнакомый крик, голова Кионэ показалась над краем крыши.

— Хватай его!

— Еще нет. Я должен спрятать этих ребят, чтобы их не нашли, — он скрылся. Через пару долгих минут Кионэ вернулся. — Я связал их и бросил за кусты подальше. Сейчас я уберу скамейку и буду готов подняться.

Я кивнула, сердце колотилось. Я не смогла хорошо спрятать связанную женщину, но Кионэ в этом был лучше, наверное. Он ведь обучался как страж.

Кионэ подпрыгнул, и мы с Данэлло схватили его за руки и втащили на крышу.

Айлин выпрямилась.

— Куда? — спросила она, осторожно шагая по крыше.

— Туда, — я взяла Тали за руку и пошла по черепице как можно быстрее. Крыша стала ровнее, мы добрались до угла, с одной стороны была стена, с другой — окно. Внутри была комната, похожая на кабинет для учебы.

— Твоя рапира может...

Данэлло ударил по стеклу рукоятью. Стекло разбилось и посыпалось звонко на крышу.

Он виновато улыбнулся.

— Вышло громче, чем я думал.

— Готовься к появлению стражей, — я сунула руку в неровную дыру и отперла засов. Окно распахнулось, двигаясь по осколкам.

Данэлло остановил меня.

— Я первый, — он прыгнул туда с рапирой наготове. Кионэ — за ним. После нескольких напряженных ударов сердца он выглянул и сказал. — Чисто.

Я схватилась за его протянутую руку и пробралась внутрь.

— Тали, где мы?

— Кабинет возле главной палаты.

— Отсюда до нужной комнаты добраться можно?

— В конце коридора должна быть лестница.

Данэлло пошел первым.

— Двигайтесь за мной.

Я следовала за ним, Кионэ замыкал вереницу. Двери в коридоре были открыты, от пустых комнат и кроватей мне было не по себе. Там должны были лежать люди, а вокруг них — суетиться Целители.

Тали указала:

— Нам туда.

Коридор заканчивался круглой площадкой над главным входом. Она была открыта комнате внизу, отделенная только тонким поручнем. В детстве мы с Тали ждали тут бабушку и смотрели, как люди приходят и уходят из Лиги, сидели, свесив ноги между прутьев и прижавшись к ним лицами.

Мы шли за Тали, стараясь держаться ближе к стене. Она направилась к лестнице в конце. Я была уверена, что дальше была палата, где я оставляла связанную женщину, так что лестница вела в нужную комнату. Мы были почти на месте.

Мы поднялись по ступенькам, прошли последние повороты. Я выглянула из-за колонны, выпирающей из стены. Двое стражей стояли у двери. На одного больше, чем обычно, но не так много, как я боялась.

— Думаешь. Внутри их больше? — шепнул Данэлло.

— Кто-то должен там быть, — я старалась не думать о Винноте, но он мог быть там, проверять симптомы по списку.

Кионэ придвинулся ближе.

— Может, выманить их сюда?

Я склонила голову и прислушалась. Кроме криков снаружи, все было тихо.

— Напасть? — предложил Данэлло. — Отключить, оттащить и закричать? Если внутри кто-то есть, они выйдут, и мы разберемся с ними здесь.

Кионэ кивнул.

— Я возьму левого.

— Я правого.

Я хотела сказать, что зажгу пинвиум, но Данэлло бросился, как злой крокодил. Кионэ побежал за ним, сжав кулаки и опустив плечи. Стражи на миг застыли, а потом потянулись к мечам. Данэлло врезался в правого, Кионэ — в левого. Затрещали кости, стражи врезались в стену за ними. Мечи отлетели, со звоном упали на пол.

Дверь комнаты открылась, выбежали два человека. У них было много лент на плечах. Они замерли при виде сражения, а потом побежали к нам, вытянув руки, словно хотели схватить нас. Айлин выступила вперед и ударила одного между ног. Тот вскрикнул и согнулся, схватившись руками за пострадавшее место. Другой бросился к нам.

— Ловим его! — крикнула я Тали, нападая. Она пригнулась со мной, и мы врезались в его грудь. Он захрипел, пошатнулся и упал на колени, схватив меня за руки. Я оказалась под ним. Я извивалась и брыкалась, мои ноги запутались в дурацкой юбке.

— На помощь! — крикнула я.

Тали молотила кулачками по его спине, но он не замечал. Вдруг появился Данэлло, схватил обидчика за плечо и швырнул его в стену. Третий страж выбежал из комнаты.

— Сзади! — закричала я.

Данэлло обернулся. Он отшатнулся, зажал руками живот, красное пятно растекалось под его пальцами. Третий страж шагнул ближе, его меч был в крови.

В крови Данэлло.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ:

— Данэлло! — я склонилась, он рухнул, и я не дала ему удариться головой об пол. Я отодвинула его рубашку, чтобы осмотреть рану. Страж замахнулся мечом. Он еще мог попасть по нам. Кионэ сбил его на пол рядом со мной.

Одну руку прижимая к животу Данэлло, я коснулась другой рукой кожи стража. Я потянула, боль Данэлло наполнила меня, обжигая живот, словно я десять раз оббежала Гевег. Я втокнула боль в стража, пронзившего его. Я наслаждалась его криком, хоть от этого было плохо. В этот раз я была рада, что Целителей не осталось. Страж замер на полу.

— Данэлло? — я уложила его голову на свои колени.

— Ни... а...

— Тише, пока не говори, — я погладила его волосы. — Мне очень жаль. Ты чуть не погиб из-за меня.

Он похлопал мою руку, словно говоря: «Это не твоя вина».

— Это моя вина.

— Ниа.

— Моя!

— Нам нужно убрать их, пока никто нас не заметил, — сказал Кионэ, потянув меня за плечо.

Данэлло сел, бледный, но уже не умирающий.

— Идти сможешь? — спросила я, помогая ему встать.

— Я в порядке, — он пошатнулся и схватился за меня. — Спасибо.

— Не за что, — я не смотрела на него. Мы едва победили, и я не хотела думать о других стражах.

— Эй, вы! Что вы здесь делаете? — крикнул Старейшина Виннот. Он и еще несколько стражей стояли на ступеньках.

Я увидела троих, а потом Данэлло втокнул меня в комнату. Остальные уже бежали в дверь. Внутри я развернулась и схватилась за дверь. Данэлло пробежал в комнату, за ним гнались стражи.

— Закрывай!

Мы с Тали надавили на дверь. Она закрылась, но открылась снова, когда стражи ударили по ней, мне ушибло спину. Тали толкала дверь, но у нее не хватало веса. Айлин принялась помогать ей.

Данэлло дико озирался, хлопая по бедрам.

— Где моя рапира?

Один из стражей пытался открыть дверь сильнее. Коридор за ним был полон зеленых форм.

— Мы не выдержим! — сказала Айлин с красным лицом.

Данэлло ударил стража по ноге. Тот закричал и убрался от двери. Айлин и Тали толкнули снова, и дверь закрылась. Данэлло прижался к ней плечом, а я заперла на засов. В дверь стучали, слышались крики и проклятия.

— Я не могу найти Ланэль! — сказал Кионэ. Он бегал от койки к койке среди учеников, как бегала я, когда искала Тали.

Тали проскулила:

— О, Ниа, тут не все. Думаешь, они мертвы?

Первый ряд был пустым, но остальные были на месте. Я отдала сумку с пинвиумом Тали.

— Выдавай им, быстро.

Нам нужно было как можно больше учеников на ногах, если стражи прорвутся. Они юны, но Целители знали, где на теле уязвимые точки. Это могло нам помочь.

— Нужно заблокировать дверь, — сказала я, потянув кровать. Айлин побежала на помощь, пока Данэлло держал дверь, засов уже грозил сломаться.

— Сначала мне нужно найти Ланэль, — сказал Кионэ.

На ужасный миг я понадеялась, что она была на ряду с пустыми кроватями. Потом я ощутила стыд, но если она была там, она рассказала им, что я с ней сделала.

— Позже. Нужно забаррикадировать дверь.

— Но ей больно! Я должен найти ее.

— Она будет мертва, если стражи Светоча прорвутся. Помогай!

Бам!

Дверь дрожала. Кионэ побледнел и подбежал к ближайшей пустой койке.

— Это был не кулак или нога, — сказала Айлин, прижавшись к двери.

Рукояти мечей? Статуя из ниши?

— Они не могли так быстро найти таран.

Кионэ поставил койку на место.

— Какая разница, это все равно пробьется.

Мы стаскивали кровати и ставили перед дверью. Данэлло показывал нам, как поставить их лучше. Кровати не устоят, когда дверь откроется, но убрать их с пути будет сложно.

Бам!

Трещина появилась над засовом.

Данэлло огляделся.

— Здесь нет ничего тяжелее?

— Есть шкафы, но я не думаю, что мы сможем их подвинуть.

Тали подбежала ко мне, ее щеки были розовыми.

— Нужно больше пинвиума, — она отдала мне использованные куски. Они казались маленькими, а комната — такой большой. Я насчитала двадцать одну голову в тусклом свете лампы. Если в них столько боли, сколько было у Тали, мне придется не меньше двух раз опустошать пинвиум. Сдержим ли мы стражей?

Кионэ с надеждой посмотрел на Тали.

— Ты видела Ланэль?

— Нет, но я поищу ее и исцелю следующей.

— Последней, — сказала я, не подумав. Стыд охватил меня, все потрясенно смотрели на меня. — Сначала исцеляй тех, кому очень плохо. Ланэль получила боль недавно, остальные близки к смерти. У них мало времени. Мы должны исцелить их, чтобы они двигались, а потом идти дальше.

Стражи били в дверь, пыль сыпалась на нас. Кионэ нервно рассмеялся.

— Толку с их возможности двигаться. Они умрут на ногах.

— Лучше, чем быть зарезанными в постели, — отозвался Данэлло, Кионэ побежал искать Ланэль.

Я схватила горсть пинвиума.

— Назад, — я не знала, пройдет ли боль за дверь, но стражей рядом с ней могло задеть. Я бросила пинвиум, представляя одуванчики на ветру.

Вжих. Вжих, вжих, вжих.

Испуганные крики послышались на другой стороне, стук и испуганные ругательства. Надежда наполнила мою грудь. Может, мы сможем отогнать их.

— Айлин, — позвала я, пустой пинвиум падал к кроватям.

— Уже иду за ними, — сказала она, бросившись мимо меня. Она хватала кусочки и бежала к ученикам.

Тали и Айлин собирали пинвиум, а я зажигала их о дверь. Еще крики с другой стороны, но теперь они, похоже, держались подальше. Вскоре до меня донеслись другие голоса, голоса учеников, с болью, страхом и злостью.

— Помогите, прошу. Мне нужно больше.

— Старейшина Манков меня заставил. Я не хотела исцелять.

— Заберите нас отсюда!

Заберу, обещаю. У нас было много боли, может, я смогу пробить путь мимо стражей из Лиги. Как только все будут идти, мы сможем исцелять и зажигать пинвиум по пути.

— Вот, — Тали отдала еще горсть пинвиума. — Нам нужно много. Нескольким хватает

две горсти, чтобы идти, но большинству нужно пять или шесть.

— Может, давать всем по одной, чтобы уменьшать боль у всех?

— Пока нет. У нескольких слишком много боли.

— Ладно, делай, как знаешь, — она знала, кому помощь нужна сильнее. Я сосредоточилась на опустошении пинвиума. Я бросила куски в дверь.

— Ланэль здесь нет!

Вместо вспышки пинвиум упал на пол вокруг баррикады. Данэлло удивленно посмотрел на меня, а потом отпустил койки и пошел собирать пинвиум.

— Ты сможешь, — сказал он с улыбкой, будто мне нужна была поддержка.

Ланэль не было? Она не могла умереть, она получила не так много боли.

— Ниа?

Я забрала пинвиум и кивнула. Еще бросок, еще горсть пинвиума с болью. Но я ощущала стыд.

А если из-за меня Светоч сделал из нее пример всем?

Горсть упала на пол, не вспыхнув.

Данэлло собрал их, в этот раз на лице было не удивление.

— Ниа, что такое?

— Ничего, — я видела перед глазами Ланэль на полу. Прочь от меня! Так она кричала. Я тогда так злилась. Но Светоч злился сильнее. Может, он мог даже убить. Ее тело могли отнести в морг.

— Нам нужен пинвиум, — крикнула Айлин. — Скорее!

Я вытянула руку.

— Просто дай мне.

— Что такое? — с тревогой спросил Данэлло. Пинвиум с укором упал мне на ладонь.

Я не могла забыть о сражении. Злость, ненависть нахлынули на меня, как боль на жертв. Я сосредоточилась на папе и одуванчиках и бросила.

Вжих.

— Отдай их Тали.

Кионэ подбежал, разрываясь между желанием уйти за Ланэль или остаться в безопасности.

— Она была тут раньше. Я ее видел.

— Может, ее исцелили.

— Тогда она была бы здесь? Она заботилась о них, — он покачал головой и указал на койки. — Нет, Виннот и Светоч стояли там, никому не было до нее дела. Если бы они хотели исцелить ее, это сделали бы до моего появления.

— Кионэ, — сказала я утомленно. — Я не знаю, что с ней случилось.

Он надулся и пошел к кроватям.

Айлин принесла мне еще горсть пинвиума.

— Четверо уже могут идти, — сказала она. — Их истории терзают душу, но они будут в порядке.

— Хорошо. Сколько еще близки к смерти?

— Только один ученик.

Я бросила пинвиум в дверь. Он вспыхнул, еще не ударившись, оставив белые точки на дереве.

— Кионэ расстроен, — прошептала она, оглянувшись на него. Он сидел на одной из

пустых кроватей, обхватив руками голову. — Думаю, он хочет идти искать ее.

— Если мы выберемся отсюда, может искать, сколько хочет.

— Это добром не кончится, — Айлин забрала пустой пинвиум и убежала.

Данэлло молчал, пока Айлин не ушла.

— Думаешь, ее убили? — спросил он, стоя за мной, так было безопаснее.

— Не знаю. Может, нет. Она помогала им, зачем ее убивать? — белые точки на дереве не пропадали, как пыль.

— Она помогала по своей воле? — он замолчал, я боролась с желанием оглянуться и увидеть его лицо. — Судя по словам Тали, многие согласились помогать, потому что им пришлось.

— Она знала, что делает.

— Уверена?

Нет, но я этого не сказала.

Данэлло вздохнул.

— Ты странно себя ведешь. Знаю, мы мало знакомы, но ты на себя не похожа.

Да. Я была не лучше Зертаника, меняла одну жизнь на другую.

Айлин принесла еще горсть пинвиума. Я опустошила его, и она ушла.

— Не знаю, — сказал он. — Сегодня ты другая. Ты через многое прошла, устала. А я, похоже, просто волнуюсь.

— Волнуйся из-за стражей... — я замолчала и посмотрела на дверь. — Когда прекратился стук?

— Что? Не знаю, — он прижался ухом к двери у белых точек. Или у меня разыгралось воображение, или дверь выгнулась, когда он их коснулся.

— Ты ничего не слышишь?

— Нет. Думаешь, они без сознания? Ты выпускала сильную боль.

Еще больше стыда. Но это ведь война? Если они пробрались бы внутрь, то убили бы нас и учеников. Я защищалась. Это не отличалось от Данэлло с рапирой.

Но ощущалось иначе. Я не хотела быть оружием. Я хотела спасти Тали. Я снова бросила пинвиум.

Вжих.

Стука и звона металла о каменный пол не было. Я потрясенно смотрела на туман, полетевший ко мне, с шипением на пол сыпался песок.

Святые и грешники! Куски пинвиума рассыпались!

ДВАДЦАТЬ:

Мой гнев отравлял пинвиум?

— Что ты сделала? — прошептала Тали, впившись в мою руку.

— Ничего. Я все делала как раньше.

— Но его нет, Ниа.

Не совсем, но песок нам не поможет. Ничто нам не поможет.

Испуганный шепот донесся от учеников.

— Нет?

— Больше нет пинвиума?

— Только не снова!

Тихие всхлипы. Я хотела сжаться на полу и рыдать с ними.

— Я никогда такого не видела, — сказала Тали.

— Не знаю, что случилось, — я не могла его разрушить. Святые не могли так издеваться. В чем прок от чудовища, меняющего и разрушающего то, что могло помочь тем, кому больно?

Я махнула Айлин.

— Неси остальное. Может, я слишком много сразу бросила.

Она собрала пинвиум с пола и отдала. Я бросила один кусок, он вспыхнул, как обычно. Одна из учениц захлопала, другие заглушили ее.

— Видите? Сработало! Не знаю, что случилось до этого.

Я бросила второй. Он вспыхнул и превратился в песок. Стоны наполнили комнату.

— Я не... он просто... — я, раскрыв рот, смотрела на дверь. Пинвиум пропал, но теперь белые точки покрывали полосу в фут высотой в центре двери.

Я бросила по очереди еще два куска. Все рассыпались.

— Может, пинвиум не выдержал столько боли? — сказал Данэлло. — Как люди?

Бам!

Мы закричали, дверь выгнулась, словно надули пузырь. Там, где были белые точки. Святые! Вспышки боли вредили людям, могли они вредить и предметам?

— Они прорываются, — сказал Данэлло, толкая койки. — Нам нужно оружие. Кионэ, помогай нам!

Я побежала за кроватями, тянула их к баррикадам. Нужно было отогнать стражей. Защитить Тали и учеников. Прошу, пусть люди страдали из-за меня не зря.

Айлин принялась искать в шкафах оружие, разбрасывала тряпки за плечо, роясь на полках. Ученики последовали ее примеру.

Бам!

Стражи толкали треснувшую дверь, в брешь проник меч, за ним рука попыталась нащупать засов. Данэлло ударил кулаком по руке, и она убралась.

Ученики нервно скулили. Исцеленные ученики сжались вместе. Я так сильно пыталась спасти их, но сделала все только хуже. Светоч нас убьет. Мы для него ничто. Всего лишь пинвиум.

— Айлин, — позвал Данэлло. — Оружия не нашлось?

— Нет!

— Да, — прошептала я, развернувшись. Может, я не была и не буду Целителем, но сейчас нам не нужно было исцеление, нам нужно было оружие. Тут я могла помочь. У меня была целая комната боли. — Мне нужен ученик!

Кионэ выдохнул.

— Ты используешь их для баррикады?

— Нет, балда. Я буду исцелять их и при этом отгонять стражей, — Кионэ застыл, но Данэлло подхватил с ближайшей койки девочку с одной лентой, она была на пару лет старше меня. Она была в сознании, сжимала зубы от боли, но протянула мне руку.

— Отдай этим засранцам-басэери все, что есть у меня.

Я обхватила ее ладонь, другая рука показалась в бреши. Она потянулась, открыв полосу кожи между рукавом и перчаткой. Айлин схватила руку и удерживала для меня. Я коснулась кожи и толкнула.

Мужчина закричал, угол руки изменился, словно он упал.

— Неси остальных, — прошипела я, ноги покалывало. У нее были переломы.

С рук Данэлло ученика протянула мне дрожащую ладонь, и я обхватила ее и быстро втолкнула, пока стражи не убрали того человека.

БАМ!

Дыра стала шире. Несколько кроватей отлетели на пол. Дерево скрежетало о камень, баррикада сдвинулась на фут. Страж пробирался в дыру, толкаясь и брыкаясь, остальные подталкивали его вперед.

Я повернулась.

— Нужно больше... — я замолчала. За мной ученики образовали цепь, взявшись за руки на кроватях, ряды соединяли те, кто почти исцелился, закрывая бреши между теми, кто не мог сидеть.

Тали взяла за руку крайнего и протянула ко мне пальцы с решительным видом.

— Как у близнецов, Ниа, мы сильнее, когда связаны. Мы тянем, ты толкаешь.

Будет непросто. Каждый Целитель мог излечить предыдущего, но чем дальше будет идти боль, тем хуже она будет. Тали не сможет остановить эту боль, как и я. Во мне будет вся их боль. Но я могла избавиться от нее без пинвиума, в отличие от них.

Я взяла Тали за руку и увидела перед глазами лицо мамы. Я вдруг поняла, как она чувствовала себя в последний день перед солдатами. Она умерла, чтобы защитить нас. Я не хотела подводить ее или Гевег.

— Данэлло, хватай его и убери рукав, — сказала я. Я зажигала пинвиум, может, смогу сделать так с человеком, передать в них боль всей комнаты. Кожа задела кожу, и моя рука, держащая ладонь Тали, потеплела. Покалывало, словно я спала на руке неделями.

Мы делали ужасные вещи от отчаяния. То, о чем не подумали бы, если бы герцог не напал на нас, не загнал так, что пришлось восстать. Данэлло не попросил бы меня разделить боль в его семье. Ланэль не ранила бы друзей, чтобы остаться на работе. Я бы не ранила незнакомцев, спасая друзей. Никто не был прав, но если зашить достаточно ошибок, одеяло может даже согреть.

Я устала дрожать под одеялами герцога.

Я тянула, и все тянули друг из друга, исцеляя по очереди, вытаскивая боль, как ведро из реки. Она лилась в меня, кипя и обжигая. Я была передатчиком, как с рыбаком, сестрами, родителями и семьями, приходившими за помощью к Зертанику.

Ослепляющая боль пронзала нас. Два десятка голосов слились в один крик. Он еще долго звенел в моих ушах, хотя боль оставила меня. Когда Данэлло поднял меня и убрал с лица мокрые волосы, я поняла, что слышу стоны стражей за дверью.

— Ниа? — он звучал тревожно. — Ты меня слышишь?

— Данэлло? — язык не слушался. Руки казались тяжелее, и я не знала, где мои ноги. — Стражи?

— Без сознания, а то и хуже. Боль словно пронзила их. Словно вспыхнула в стороны от человека, которого ты держала.

Я села и попыталась пошевелить конечностями. Острое покалывание показало, где ноги, хотя я не знала, нужны ли они мне были сейчас.

— Как... остальные?

— В порядке. Почти как ты с этой стороны цепи, но те, что на другой стороне, лучше. Им не пришлось исцелять так много.

Я смогла повернуться. Тали была бледной, мокрой от пота, но сидела с утомленной

улыбкой на лице.

— Получилось, — пробормотала она. Остальные улыбались мне, друг другу. Они были живы и двигались.

— Нам нужно выбираться отсюда, — я попыталась встать. Данэлло помог мне, а Айлин поддержала Тали. — Придут еще стражи.

Ученики вставали, помогая друг другу. Восхищенный шепот и улыбки разносились среди них, как до этого боль.

— Что мы сделали?

— Разве глава исцелений говорил, что мы можем так соединяться?

— Интересно, что еще мы умеем.

— Интересно, что еще она умеет, — шепот притих, все смотрели на меня. Мою кожу покалывало, словно по мне бегали паучки.

Я встряхнула руки. Остатки боли пропали, и я ощущала себя так, как было утром после случая на пароме, но это пройдет само.

Я повернулась к ученикам, доказательству, что Светоч врет. Только они могли остановить мятеж и спасти Гевег.

— Идемте. Пора.

ДВАДЦАТЬ ОДИН:

Все побежали вперед и оттолкнули в стороны кровати, пробиваясь, словно из пещер с пинвиумом. Дерево стучало и царапало пол, падало грудой туда, где раньше скулили от боли ученики. Данэлло нашел меч у двери, рядом с мечом была бледная неподвижная рука. Меч был не таким тонким, как его рапира, но он выглядел так, словно и им умел управляться.

Я отвела взгляд от руки и посмотрела на Тали.

— Иди первой с Данэлло, — сказала я. — Показывай ему путь. Я за вами.

Она кивнула.

— Только не отставай.

Ученики шли за ними. Некоторые пригибались и хватали мечи, валяющиеся в коридоре. Я обошла стража, в которого вливалась боль. Хотя некоторые из них стонали и дрожали, он не двигался. Часть меня хотела проверить, жив ли он, но я боялась знать ответ.

Десятки стражей были в коридоре, Светоч отправил их сюда за нами. Я не хотела смотреть и на них, но я должна была знать, был ли Старейшина Виннот среди тех, кто потерял сознание или у...

Нет. Они все без сознания. Виннот стонал у лестницы. Я улыбнулась. Пусть занесет это в свой блокнот. Я подавила желание пнуть его, проходя мимо, и пошла за остальными.

Я следовала на учениками, Данэлло и Тали. Я осматривала коридоры, перекрестки, комнаты, что мы миновали. Стражей не было видно, но это не надолго.

Мы повернули на второй этаж, нервный шепот пробежал среди учеников.

— Стражи!

— Что нам делать?

— Тише, тебя услышат.

— Стоять, — сказал страж, хотя я не видела его, или как много их было за группой учеников. — Что вы здесь делаете?

— Уходим, — сказал Данэлло. Я представила, как он решительно выпятил подбородок,

вскинув голову, как и меч.

— Кто вы? — другой голос был младше, чем у первого стража.

— Мертвые ученики, — сказала Тали. — Вот только не мертвые и уходим отсюда.

Ответа не было. Я привстала на носочки, но роста увидеть поверх голов не хватало.

— Вы не можете быть учениками... — в словах звучала нерешительность. Стражей было несколько. Я посмотрела на примыкающий коридор, надеясь, что смогу на что-нибудь встать и лучше увидеть, и обнаружила...

— Ланэль, — я выдохнула, оказавшись с ней, вышедшей из-за угла, лицом к лицу.

Ланэль с огромными глазами попятилась, не хромя. Ее все-таки исцелили!

— Местов, это я, Дима, — сказал ученик. — Пропусти нас. Прошу.

— Дима? Святые, они сказали, что ты умер!

Теперь стражи кричали, а не бормотали. Было ясно, что они понятия не имели о происходящем наверху.

— Прочь от меня! — сказала Ланэль, но не перекрикнула стражей, зато ее услышал Кионэ. Он обернулся.

— Ты жива! — выдохнул он с потрясением.

Ланэль развернулась и побежала по коридору к...

Святые и грешники! Этот коридор вел к Светочу! Она шла за Старейшиной, чтобы спасти работу и снова предать нас.

Я побежала за ней. Кионэ окликнул ее и бросился за нами.

— Ланэль! — шепотом вопил он. — Куда ты? Нам нужно убираться отсюда.

Он все еще не понимал, что она делала. Я представила, как она лежит на кровати, как Светоч встряхивает ее, требуя ответов. Я сомневалась, что она мешкала, отвечая ему. И она точно рассказала о нас с Тали, чтобы ее исцелили.

— Почему она не останавливается? — спросил Кионэ.

Я бежала, миновала окна с видом на город. Дым поднимался над горячей рыночной площадью. Я не видела формы в толпе внизу, но Лига и басэери точно были там, как и при всех мятежах.

Кионэ обогнал меня, я преследовала его и Ланэль, пока не попали в прямоугольную комнату, что была тихой и с толстыми зелеными коврами. Двойные двери были в центре дальней стены. По бокам от дверей были скамейки подушками между статуй. Кионэ пробежал половину зала, но Ланэль уже была у дверей.

Я застыла. Я знала этот зал, хоть не была тут уже давно. Мы были возле кабинета Светоча.

Вдруг из ниши вышел страж и схватил Ланэль. Она закричала и вырывалась.

— Пусти ее! — завопил Кионэ, бросившись на стража. Он не успел схватить его, вышел другой страж и толкнул Кионэ на пол. — Пусти ее! Я тут работаю, — сказал Кионэ, пытаясь безуспешно выбраться из-под него.

— Не в этом крыле.

Я хотела убежать, пока меня не заметили, но врезалась в стену зеленого. Или она в меня. Я упала на пятую точку.

— Шумный денек выдался, — надо мной навис страж.

— Все успокоится, — сказал другой. — Как и всегда.

Страж поднял меня на ноги с легкостью. Я била его по ногам, а потом согнулась от боли.

— Ай! — закричала я, носки болели. Он рассмеялся.

Глаза слезились, я подняла ногу и потерла ушибленные пальцы. Только тогда я заметила серебряные пластины на его ногах. Если передать ему боль в пальцах, он может не заметить, сбежать я не успею.

Но поймали и Ланэль.

Ланэль безрезультатно била стража, крепко держащего ее за руку.

— Мне нужно увидеть Светоча, — сказала она.

Одна часть двойных дверей открылась, вышел мужчина в шелке. Сила оставила мои колени, и только хватка стража удерживала меня на ногах.

— Что за шум? — нахмурился Зертаник. А потом улыбнулся, увидев меня. — О, Мерлиана, рад встрече.

— Сэр, сэр! — Ланэль помахала Зертанику. — Это о ней я рассказывала Старейшине Винноту. Скажите, чтобы стражи меня отпустили.

Кионэ застыл.

— Ланэль, что ты делаешь?

— Я видела учеников в главном коридоре. Они уходят!

Из комнаты донесся приглушенный голос.

— Что такое? — Зертаник заглянул в кабинет. Через миг он махнул стражам. — Впустите девушек, — сказал он и отошел в сторону.

— А он? — спросил страж, державший Кионэ. Тот смотрел на Ланэль с болью во взгляде.

— Пока запри в комнате, — Зертаник улыбнулся. — Он может пригодиться потом.

— Что происходит? — спросила я, зная, что звучит это глупо.

— Твое упорство восхищает, дорогуша. Прошу, заходи.

Они втащили меня за Ланэль. Я не могла отвести взгляда от Зертаника.

— Это преобразователь? — спросил Светоч. Я уже слышала его голос, так что легко узнала.

Я повернулась и заморгала от яркого света из высоких окон. Все сияло, словно было покрыто камнями — мебель, картины, мелочи на столах, даже занавески мерцали. Светоч украсил все так, словно обокрал музей.

— Да, — сказала Ланэль. — И она может куда больше, думаю.

Светоч уставился на меня.

— Ты из палаты. У тебя были припадки. Ты выглядишь лучше, чем в тот раз.

— Я быстро исцеляюсь.

— Это я слышал, — он махнул рукой Ланэль. Она села на мягкое кресло возле скамейки с зелеными подушками, страж не отходил. — Она рассказала Винноту много интересного.

— Предательница, — выпалила я. Она уставилась на меня и скрестила руки на груди.

Зертаник рассмеялся.

— Разве я не говорил, что она с характером? Ну, Мерлиана, дорогуша, сядь. Нужно обсудить дело, — он опустился на широкий диван и указал на резное кресло с зелеными кисточками. Страж придвинул его ко мне. Через пару секунд дверь открылась и закрылась. Я осталась наедине с тремя людьми, которых видеть не хотела.

Светоч повернулся к Ланэль, и она выпрямилась в кресле.

— Она не только передает боль? — спросил он. Я взглянула на него. Что-то в его тоне отличалось, словно он нервничал. — Виннот об этом не говорил.

— Ну, — замешкалась она, поглядывая на меня, словно не хотела быть крысой, хотя уже ею была. — Может, он...

— Что ты ему рассказала? — рявкнул Светоч.

Ланэль вздрогнула и впилась в кресло.

— Она бросала в нас куски пинвиума, из них вспыхивала боль.

— Двадцать один кусок, если я правильно помню, — сказал Зертаник, наслаждаясь собой.

Ланэль растерянно взглянула на него, а потом на Светоча.

— Наверное. Думаю, так она их опустошала.

— Опустошала? — в этот раз Светоч сел прямо. Я хотела растаять, раствориться. — Что еще она может? Не упускай детали.

Ланэль потянулась в карман и вытащила знакомый кусок пинвиума.

— Она бросила этим в меня, а потом убежала с тем парнем. Я смогла вложить сюда боль, чтобы хватило сил позвать. Но до этого пинвиум был полным.

Зертаник рассмеялся и захолопал.

— Вот так радость, дорогуша. Я не знал, что у тебя такой талант. Повезло! Она очень ценна для нас, — сказал он Светочу. Тот так не радовался, он был насторожен.

— Если она это точно умеет.

— Умеет! Я видела, — настаивала Ланэль.

Светоч фыркнул. Ланэль закрыла рот. Она хотела еще что-то сказать, но боялась.

Как и я.

— Воспоминания ваших стражей это подтверждают, — сказал Зертаник. — Подумайте, что это значит. Другую такую не найти.

Светоч поджал губы и смотрел на меня, медленно постукивая длинным пальцем по подлокотнику. Потом он повернулся к Ланэль.

— Благодарю... это все, — сказал он.

— Сэр? — она не двигалась. — А мое повышение?

— Поговори с Виннотом, — он оскалился. Я подозревала, что Виннот останется, когда Светоч и Зертаник сбегут. — Ты его проблема, не моя.

Ланэль вскочила на ноги, ее щеки покраснели.

— Но я днями работала в той ужасной комнате! Она чуть не убила меня! Виннот обещал мне четвертую ленту за информацию о ней!

Я злилась на нее, но могла лишь смотреть. Как она могла? Стыд за то, что я причиняла ей боль, пропал. Предательница.

— Все это между вами с Виннотом, — он указал на дверь. — Иди. Или мне позвать стража и выгнать тебя из Лиги?

Даже Ланэль услышала угрозу. Она с ненавистью посмотрела на меня и вырвалась из комнаты.

— А теперь Мерлиана, — Светоч повернулся ко мне, пронзая голубыми глазами. — Поговорим об опустошении пинвиума.

ДВАДЦАТЬ ДВА:

Я впилась в подлокотники. Они не докажут, что я это сделала. Я могла сказать, что Ланэль соврала. Или можно просто не отвечать.

— Ученики ушли. Все в Гевеге теперь знают, что вы соврали.

— Нет, — сказал Зертаник, встал и налил себе что-то из синего хрустального графина. — Как только стражи заметили тебя на крыше, я послал Джеатара следить за входами. Он точно их поймал.

Предатель. Лжец. Джеатар казался хорошим, но теперь у него была Тали и остальные. Я подавила гнев.

— Вы не можете прятать Забирателей и думать, что никто не заметит.

— Мы так делали, дорогуша, и никто не заметил, — Зертаник протянул графин к Светочу. — Выпьете?

Светоч покачал головой.

Мне ничего не предлагали, даже объяснений.

— Люди знают. Думаете, я глупо пошла бы сюда, не рассказав об этом? — я сжала кулаки, жалея, что не сделала так.

Он рассмеялся.

— Не глупо. Недальновидно, да, это да.

Все бесполезно. Я делала ужасные вещи, а результата не было. Попились слезы, и я не могла их сдержать.

— Не кори себя, дорогуша, — Зертаник подхватил тарелку с фруктами и выпечкой, словно это был его кабинет. Он думал, что ему принадлежало все, что все можно было купить? Светоча это не тревожило. Я всхлипнула. Что происходит? Целители не ладили с торговцами болью. Они считали торговцев боли ниже себя, и они были правы.

Так почему Светоч слушался торговца болью?

Светоч сидел в тишине и смотрел на меня. Одна рука постукивала по подлокотнику, но другая сжимала его. Он точно нервничал, и я была уверена, что дело было не в том, что Виннот не передал ему слова Ланэль.

— Зачем я здесь? — спросила я. И что во имя Сэи тут происходит?

Не радуясь еде на тарелке, Зертаник вернулся в кресло с напитком. Он не нервничал.

— У нас есть к тебе деловое предложение.

Во рту пересохло, я слышала в голове крики рыбака. Мне хватило его предложений.

— Не выйдет

— Мы еще не решили, — заявил Светоч. На миг его натянутое спокойствие подвело его. Чего он боялся? Не меня. Зертаника? Светоч тоже сделал что-то, о чем жалел? — Это не меняет план, Зертаник.

— Конечно, меняет, — Зертаник отмахнулся. — Мерлиана, дорогуша, все очень просто. Если ты можешь делать это, я бы хотел нанять тебя опустошать пинвиум. Я хорошо буду платить за это.

И все? Они не хотели, чтобы я опустошила его на надвигающуюся армию? Просьба не могла быть простой. Никто не стал бы так утруждаться из-за этого.

— Зачем?

— Чтобы я мог его продавать.

Светоч фыркнул.

— Мы.

— Снова на моей стороне? — он рассмеялся и улыбнулся мне. — Представь, что сейчас заплатит за пинвиум Верлатта.

Все, что у них есть. Как мы, когда герцог окружил нас, а у нас кончались припасы.

— Ты сможешь им, Дорогуша. Дашь то, что им так надо, когда это им нужно больше всего.

Наживаться на боли. Как в случае с рыбаком и богатой парой с умирающим ребенком.

— А ученики? — спросила я. Я не упоминала Тали и остальных по имени, чтобы он не знал, как сильно может на меня влиять.

— Простой обмен. Твои услуги в обмен на жизни учеников. Всех, а не только тех, кого ты пыталась увести, пока никто не смотрел.

Он врал. Как только ученики заговорят, Гевег порвет Лигу, чтобы добраться до Светоча. Он не согласится отпустить их.

— Я вам не верю, — сказала я. — Светоч не просто так им вредил. Он не даст им уйти после этого.

Светоч вскочил и направился к графину.

— Дура из Гевега, — пробормотал он. Глубоко вдохнув, он повернулся ко мне. — Ученики были проектом Виннота, а не моим. Можешь спросить у него, почему герцогу хочется наполнять Забирателей болью. Мне все равно.

— Не понимаю.

— Это очевидно, — он повернулся к Зертанику. — Мы тратим время. У нас есть достаточно, пора уходить.

— Не спеши.

— Она не нужна нам.

— Мне нужна.

Светоч опустил с шумом стакан и пошел к двери. Он открыл ее и поговорил со стражами снаружи. Мне не было слышно слова, но я видела его злой взгляд в мою сторону. Хотел уйти или готовил следующий ход, если я откажусь?

Зертаник кашлянул.

— Дорогуша, нас не интересуют ученики. Только ты.

Я поежилась. Я слышала это раньше, но у Зертаника это звучало жутче, чем от Джеатара.

— В идеале мы бы забрали тебя, — продолжил Зертаник, — и в безопасности ты сделала бы все, что мы попросим, а учеников отпустили бы. Мы просто требуем гарантий.

— Гарантий в чем?

— Что ты сбежишь, согласившись на сделку, — он улыбнулся. — Ты так уже делала.

Я нахмурилась.

— Я не считаю плохим отказ передавать боль связанному человеку.

Зертаник пожал плечами и сделал глоток.

— Ты нужна нам на пару месяцев, а потом будешь свобода. Тебе хорошо заплатят. Я не понимаю, почему ты отказываешься. Зимой ты вернешься с деньгами, которых хватит, чтобы купить виллу. И не нужно будет переживать о еде. Вы с сестрой не будете ни о чем переживать.

Святые, это было заманчиво. Даже если он был плохим, Зертаник все-таки дал мне пинвиум. Вряд ли он хотел, чтобы я опустошала пинвиум добра ради, только для себя, но пинвиум сейчас был нужен, и если он мог дать его нуждающимся...

— Что мне придется опустошать?

Зертаник просиял и вскочил с кресла. Он подошел к скамейке, накрытой зеленой тканью и убрал покрывало, как фокусник на ярмарке.

— Мы переплавим это в мелкие бруски, чтобы проще было переносить и продавать в регионе.

Я едва дышала. Плита. Выше стога с сеном, темно-синяя, похожая на огромный сапфир. Мои глаза расширились, когда я поняла. Они хотели украсть не Целителей, а Плиту. Герцог хотел сделать из пинвиума с болью оружие. Он не даст им забрать это.

Я сжалась, огляделась, скользя взглядов по мебели, картинам, хрусталу и золоту. То, что крали из домов, убивая семьи. Они были ворами. Я посмотрела на Светоча. У нас есть достаточно... Похоже, в Геве не было пинвиума, потому что Зертаник и Светоч воровали его.

Зертаник поправил ткань и улыбнулся мне.

— Это начало, но мы сможем путешествовать по городам, предлагать свои услуги по высоким ценам. Но люди заплатят. Ведь пинвиум им выйдет дороже.

— Ясно, — они были безумны. Они не знали, как работали вспышки. Святые, даже я не знала, как это работало, но такая сильная вспышка могла убить меня. Даже если я смогу выжить, нельзя было украсть пинвиум у герцога и сбежать. Нельзя было мятежом прикрывать побег. Они не знали, что это глупый план?

— Герцог узнает об этом. И придет за вами.

— Нет, — сказал Зертаник. — Будет ужасный случай, мы погибнем при мятеже. Просто трагедия. Людей окажется больше стражей, они проберутся внутрь. Тела сожгли до неузнаваемости. Только пара украшений и знаки Лиги помогут нас опознать.

Герцог будет винить Геве в их смертях. Он пошлет солдат. Он осадит город, запрет людей, допросит всех, кто может знать об украденном пинвиуме и смертях. Когда никто не расскажет, он выместит на нас гнев.

Я встала и медленно подошла к Плите. Зертаник улыбался, Светоч следил за мной, не доверяя, как и я ему. Я прижала ладони к холодному металлу. Только это я и ощущала. Ни зова, ни тяги, ни покалывания боли. Ничего, что ощущали Целители, касаясь чистого пинвиума.

Холод сдавил мой живот. Я была оружием, как и Плита. Но у меня еще был выбор, во что мне переплавляться.

Я подняла голову, на меня с картины смотрели знакомые глаза. Бабушка, последний Светоч из Гевега, это место у нас забрали солдаты герцога. Я даже сейчас слышала ее совет.

Лучше наброситься, чем пятиться.

Я рассмеялась со слезами на глазах. Бабушка всегда была права, всегда боролась. Даже в тот день, когда мы сдались, когда люди герцога вытащили ее из Лиги. Они не вернули ее тело, как мамино. Святые, я по ним скучала.

— Вы отпустите учеников, если я это сделаю? — спросила я. Голос дрожал, но не руки.

— Конечно, конечно, — Зертаник снова встал, чуть не танцуя, ожидая моего ответа. Светоч не двигался.

Я вспомнила слова рыбака, что его семья сможет прожить еще год. Мы могли использовать это. Как долго продержится Плита? Тысячу исцелений? Эта была полной, но если я опустошу ее, протянет ли Гевега еще год? Успеет ли потребовать Светоча, какой была бабушка, который защитит их, а не будет использовать?

Может, но эти «может» меня утомили.

Я не была Целителем, но могла отдать жизнь ради них, не ранив никого, не заслужившего этого. Я посмотрела на картину. Я знала, что сделала бы бабушка. Что сделали

бы мама и папа. Я должна была спасти тех, кого любила.

Прости, Тали. Я не хотела оставлять ее, но если я буду у них, ей не навредят. И если они уйдут, не навредят остальным. Жаль, что здесь не было Виннота.

— Я согласна, — я улыбнулась Зертанику. — Буду рада опустошить его для вас.

Он просиял и потер ладони.

Я закрыла глаза, прижала ладони к Плите и представила, как три одуванчика разлетаются на ветру.

ДВАДЦАТЬ ТРИ:

Боль вырвалась из Плиты, я отлетела в книжную полку. Песок жалил глаза, кожу, терзал волосы. Зертаник и Светоч кричали, а потом затихли, рев заглушил их вопли. Трещало дерево, щепки летели, а потом поток ослаб, и я упала лицом на пол.

Я лежала часами... днями... секундами... Я не знала. Голова пульсировала почти в такт с сердцем. Пальцы еще никогда не были такими холодными. Все тело онемело.

Почему я не умерла?

Что-то холодное накрыло мои глаза, покалывая, я убрала это, кривясь, когда песчинки царапнули кожу. Я стала действовать осторожнее, убирая эту холодную соль. Я открыла глаза и моргнула, белые кристаллы таяли на пальцах.

Лед? Бабушка говорила о нем. Она рассказывала о горном народе. Лед падал с неба вместо дождя, когда было холодно. Тали смеялась и не верила ей. В Гевеге так холодно не было.

А теперь было. Мурашки бегали по моей коже, я дрожала. Я потирала руки. Они были покрыты льдом, как были и глаза. Я попыталась поправить воротник, обрывок ткани упал мне на пальцы. Ледяная вода текла по моей голове, спине...

Святые! Где моя одежда?

Холод и потрясение прогнали туман из головы. Платье Айлин пропало, остались лишь обрывки на манжетах и воротнике. Сандалии остались, но верхние лямки порвались. А синяя штука рядом со мной — это...

Плита.

Я коснулась ее. Теплая, как кожа, несмотря на холод вокруг. Еще больше тепла было сзади. Я огляделась. Вечернее солнце светило в разбитые окна, пуль и обрывки ткани летали по комнате. Осколки стекла усеивали пол. Ковры под Плитой пропали, виднелись царапины. Лед покрывал все белой коркой.

— А-ау? — пропищала я, не узнала свой голос. Я не видела Зертаника или Светоча, но комната была разбита. Все оттолкнулось от Плиты с той же силой, что я отлетела к книжной полке. Мебель разбилась о стены, картины валялись на разбитых столах и креслах. Даже портрет бабушки пропал.

Подул теплый ветерок. Штор не было. Части крыши тоже, куски камней лежали среди прочих обломков. Красные брызги покрывали дальнюю стену, под ними виднелся яркий шелк. В трещине кирпича торчал клочок волос, покрытый льдом, сияя на солнце.

Зертаник.

От него ничего не осталось. Он рассеялся, как пинвиум, который я использовала слишком часто. Я не хотела искать Светоча, но все же пыталась увидеть что-то зеленое. Недалеко от Зертаника лежала косичка из золотых лент между столом и сломанной статуей.

Красные следы покрывали стену за ней.

О, Святые! Так это была кровь.

Меня стошнило, я едва дышала. Прижав ладони к лицу, я пыталась остановить кружащийся мир.

Почему я не умерла?

Нужно убираться отсюда. Я встала на колени и не увидела среди обломков двойные двери. Они были завалены.

— Ниа!

Мужской голос снаружи. Знакомый, но не Данэлло. Не Созк. Я пыталась отозваться, но могла лишь хрипеть. Все кружилось, вспыхивало серебро, как в тот день на мосту, когда я передала боль рыбаку. Я споткнулась и упала. Стекло впилось в колени.

Громкий стук, стена обломков справа двигалась. Обломок дивана, на котором сидел Зертаник, упал на пол. Еще стук, пробился луч света.

— Тут кто-то есть?

— Есть, — прохрипела я.

Раздавались стук и треск, брешь стала шире, почти как дверь. Я увидела что-то синее и золотое, серебряные вспышки все еще слепили меня.

— Ниа? — мужчина. На пороге. — Святые, Ниа, что случилось?

Я пыталась ответить, но слова не давались. Я знала это лицо, этого человека, но имя не вспоминалось.

Он снял рубашку и надел мне через голову, просунул руки, как я сделала с Тали, когда та была маленькой. Он обхватил мое лицо, тревожно осмотрел. Его грудь была обнаженной. У него было много шрамов.

— Ты меня слышишь?

Я кивнула. И поток серебра накрыл меня.

* * *

Я проснулась в свете солнца. Он проникал в высокие окна вокруг меня, за окнами сияло озеро, словно ничего плохого и не случилось. Я очень хотела, чтобы так и было. Чтобы я никого не убивала.

Чтобы не думать, как я выжила.

Боль пронзила меня, когда я села. Я была в зале, на мягком диване рядом со столом, где была ваза с розовыми цветами. Синий шелк охлаждал синяки, и я потянула за большую рубашку. Когда я последний раз носила шелк?

— Ты проснулась.

Я закричала и прижалась к дивану. Джеатар стоял на пороге.

— Прочь!

Он вскинул руки.

— Ниа, ты в безопасности. Я тебя не обижу.

У меня не было оружия, только вазочка, но она не ранит, если я ее брошу. Может, я смогу схватить стул, но они были тяжелее меня на вид.

— Где я? — спросила я. Придется разговором обеспечить себе выход, хотя с Джеатаром это не работало.

— В доме Зертаника. Он был закрыт и пуст.

Я все вспомнила. Его предложение, угрозы, Плиту. Красные капли, обрывок волос. Комната покачнулась.

— Тише. Глубоко дыши, — Джеатар вдруг поймал меня.

— Я убила их.

— Да, — он тоже был в смятении. — Не знаю, что случилось. Крыло Светоча обвалилось. Вся Лига содрогнулась, — он усадил меня на диван и налил стакан воды. — Что ты сделала? — настороженно спросил он, вручив мне стакан.

Я не хотела отвечать. Я не хотела думать об этом, хотя правда кричала в голове. Я пила, понимая, что он был в большой для него рубашке. Он отдал мне свою. Одел меня. Святые и грешники! Он видел меня обнаженной! Я не могла смотреть на него, мои щеки пылали.

— Что вы сделали с учениками? С Тали и остальными?

— Отпустил. Толпа отвлеклась из-за обвала Лиги, но когда они увидели учеников и выслушали их, они перестали все сжигать. Солдаты генерал-губернатора взяли толпу под контроль, но там все тяжело. Эта ночь будет сложной для всех.

— Вы убьете учеников.

Он покачал головой.

— Нет. Мне нужно было, чтобы Зертаник и Светоч так думали.

— Зачем?

Он вздохнул.

— Чтобы я мог схватить их на том, что они делали.

— При краже Плиты.

Он не скрыл удивления.

— Да.

— Кто вы?

— Я работаю на герцога...

Я отскочила, пошатнулась и чуть не упала.

— Выпустите меня немедленно!

— Ниа, прошу, послушай. Я работаю на герцога, но это не значит, что я верен ему. Я — исследователь из Консорциума пинвиума.

Что? Они управляли шахтами, нанимали колдунов. У них было столько власти, что даже герцог не рискнул бы перечить им.

— Не понимаю.

— Пинвиум исчезал на территории басэери. Корабли терялись. Такие потери не казались естественными. Кто-то воровал его.

— Зертаник и Светоч.

— Мы подозревали это, но не могли доказать. В последней Лиге Целителей тоже обнаружили пропажи. Винили в ошибке работников, но герцог был уверен, что Светоч что-то делает. Когда Зертаник закрыл магазин и уехал за Светочем, я тоже прибыл. Я начал работать на Зертаника, чтобы узнать, что он задумал.

Я опустила стакан.

— А я?

— Тебя я, — он сделал паузу, — не ожидал. И ты чуть все не испортила.

— Вы меня похитили.

— Прости. Я пытался отговорить Зертаника, но после случая с паромом он узнал с твоей силой передавать боль от своих шпионов в Лиге. Он решил, что так получит больше денег и покинет Геveg.

— На корабле Мустово.

Теперь он был очень удивлен.

— Откуда ты знаешь?

— Он хотел, чтобы я исцелила их сына. Я отказалась, и отец сказал что-то о лодке. Кионэ слышал, что Светоч собирался уплыть, — я пожалала плечами. — Все совпало.

— Зертаник сказал, что ты умнее, чем выглядишь.

Я не знала, как это воспринимать.

— Так что вы узнали? — спросила я. Колени дрожали так, что Джеатар точно заметил. Я ничего и не скрывала.

— Возможно то же, что и ты. Виннот проверял учеников, перегружая их болью. Это не было связано с пинвиумом, зато связано с герцогом.

— Он пытается найти необычных Забирателей.

Джеатар побледнел, он был потрясен.

— Что? Зачем?

— Не знаю, — он не хотел, чтобы Светоч знал об этом. План герцога был шире, чем я думала. — Мне нужно идти, — сказала я, хотя было сложно встать.

— Ниа, что ты там делала?

— Как думаете, что-нибудь здесь подойдет мне?

— Ниа.

— Уверена, Тали сейчас переживает. Может, думает, что я мертва. Мне нужно найти сестру, — Святые, как часто я это говорила за эту неделю?

— Я отправил людей привести ее сюда... но они задерживаются.

— Плевать. Я должна найти ее.

— Знаю, но я не могу тебя выпустить. Там опасно.

— Для меня везде опасно.

Он вздохнул и провел руками по волосам.

— Ланэль сказала людям, что ты зажигаешь пинвиум, — резко сказал он. — Ходит слух, что ты можешь его опустошать. Она разболтала всем, кто слушал.

Мои колени подкосились, и я рухнула на диван.

— Я схватил ее и запугал, чтобы она молчала, но это не надолго. Твой секрет уже все знают, Ниа. Если узнает герцог, даже если это не так, он пошлет за тобой лучших ищек.

— Знаю.

— Не знаю, что решит делать Консорциум.

— Но вы работаете на них.

Он пожал плечами.

— Я работаю, где взяли.

Я прижала ладони к лицу. Я не знала, что делать. Я не ожидала, что придется делать это снова.

— Ниа, — тихо сказал он. — Что ты делала в кабинете Светоча?

Что я сделала? Убила двух человек. Разрушила пинвиумом целое крыло. И выжила. Святые! Я выжила!

— Не могу сказать. Вы знаете.

Он смотрел на меня минуту, а потом кивнул.

— Думаю, ты права, — сухо сказал он. — Но я хотел бы знать.

Я тоже многое хотела знать. Я подняла голову. Это еще не закончилось, как бы мне ни хотелось.

— Вы знаете тех, кому я передала боль? Тех людей? Рыбака?

Он не ожидал такого вопроса, но кивнул.

— Видел записи.

— У Зертаника остался здесь украденный пинвиум?

— Да. Я нашел немного, пока ты спала.

— Он мне нужен. И имена с адресами тех, кому я передала боль. Я хочу уйти, как только придет Тали.

Он не мешкал.

— Я все принесу. И я посмотрю, найдется ли одежда.

— Спасибо, — я не могла доверять ему, но хотела. Мне было нужно. У него не было причины держать мое имя в секрете, но он так делал. Он мог отдать меня генерал-губернатору, пока я была без сознания. Но он меня спрятал.

Он принес одежду и показал ванную. Дом Зертаника был роскошным, как и его кабинет. Как много он украл? Или все это было куплено на украденное?

Я расплетала последние косички Целителя, когда из коридора донеслись голоса. Требовательные. Я вышла из ванной и пошла в гостиную.

— ...знать, где моя сестра! — вопила Тали, пока я шла. Айлин и Данэлло были с ней, но я не видела Созка.

— Ниа! — Тали подбежала ко мне, и мы обнялись, смеясь и плача. Джеатар смотрел украдкой с печальной улыбкой. Он поднял руку и почесал шею, рукав сполз, открыв длинный шрам на руке.

Как на груди.

Мне стало не по себе, я старалась не смотреть на него. Он говорил, что не верен герцогу. Как он получил эти шрамы? Столкнулся с басэери, как мы?

— Где Созк? — спросила я. — Воры ему не навредили?

— Он в порядке, — сказала Айлин. — Он охранял комнату, как и сказал. Генерал-губернатор хочет допросить учеников и отправил солдат. Созк сказал ему, что это сделал Светоч, — она вскинула руку и продолжила. — Нет, о тебе он не рассказал. Он обещал.

— Что случилось, Ниа? — сказала Тали. — Ты пропала, когда мы пойти сбежали. А потом показался Джеатар, я думала нас схватят, но он спрятал нас, а потом раздался грохот, с потолка все падало. Они сказали, Светоч мертв!

Я скривилась.

— Нет времени объяснять. Нам нужно исцелить людей.

— Каких?

Я потащила Тали к двери. Джеатар опустил рядом с ней сумку.

— Данэлло, возьми сумку, прошу. Там пинвиум.

— Пинвиум? — он растерялся, но послушался.

Джеатар вручил мне список.

— Рыбак первый.

— Спасибо, — я потащила Тали из комнаты к выходу. Данэлло и Айлин шли за нами, задавая вопросы, которые я хотела бы опустить.

— Светоч мертв? — прошептала Тали.

Я толкнула дверь и прищурилась в свете вечернего солнца. Как долго я спала? Часы, не меньше.

— Да.

— Как?

Я не хотела рассказывать. Не стоило. Им было безопаснее не знать, но я хранила так много секретов, столько врала, что уже не хотела так делать.

— Мне сказали, что если я не помогу им украсть Плиту, они убьют тебя и всех учеников.

Вскрики. Не из-за убийства учеников, это не удивляло, а из-за кражи Плиты. Плита, полная боли, стояла не меньше пустой.

Я оглянулась на Лигу вдаль, за дымом ее было плохо видно. Дым был слабым, это давало надежду, что огонь почти потух. Я едва видела Лигу над крышами, но одна часть была обвалена, словно что-то зубастое откусило кусок.

— Ниа? — сказал Данэлло. — Что случилось?

— Хмм? О, они хотели, чтобы я опустошила Плиту, они хотели переплавить ее в брусочки поменьше.

— Не понимаю, — сказала Айлин. — Как это связано с вредом ученикам?

— Никак.

— Ниа, — Тали выхватила руку. Она остановилась и уперла кулаки в бока. — Ради любви Святой Сэи, что происходит? Я не сдвинусь с места, пока ты не расскажешь.

Я прикусила губу, но пора было им рассказать. Как я получила пинвиум. Что я сделала с Зертаником и Светочем. И правду, которую я не хотела поднимать.

У меня был иммунитет к вспышкам боли.

— Ниа? — спросила Тали.

Я развернулась. Это будет не просто.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ:

— И я сказала ему, что буду рада опустошить пинвиум, и зажгла его, — закончила я и задержала дыхание. На улице у дома Зертаника было мало людей, никто на нас не оглядывался. Наверное, богачи все еще не выходили из-за мятежа.

— Ого, — сказал Данэлло, но слишком тихо, чтобы я поняла, что он чувствует насчет этого. — Это тебя не убило?

— Нет.

— Так ты...?

— Ага.

— Ого.

Айлин не была впечатлена.

— Ты помогала торговцу болью мучить людей?

— Нет. Я их исцеляла...

— Ты давала их боль людям, зная, что это их убьет, — она смотрела на меня так, что мне стало не по себе. — Ты знала, но сделала это.

Ее потрясение ранило, но она была права. Я знала, увидев, что стало с Данэлло, не сделала это. Я думала, что это другое. Было так сложно рассказать больше.

— Ты хотела умереть? — потрясенно сказала Тали. — Ты собиралась оставить меня одну?

Я покачала головой.

— Нет! Я просто... не знаю. Я не видела другой способ остановить их, — я могла

послушаться их и разбогатеть. Часть меня этого хотела. Сильно хотела жить, как раньше. Было больно признавать, но я не могла отрицать. — Так сделала бы бабушка, — сказала я.

Тали надула губы, думая, как делала и мама, и кивнула.

— Точно.

— Думаю, она герой, — сказал Данэлло, словно бросая вызов Айлин. Он напоминал младшего брата, который просил дать ему боль папы. — Она хотела пожертвовать собой, чтобы спасти нас, как наши родители.

— Данэлло, — сказала Айлин, — те люди были невиновны.

— Они бы сделали это, даже если бы знали правду.

Айлин скрестила руки и фыркнула.

— Ты не знаешь этого.

— Знаю, потому что так бы сделал я. Я заставил ее дать мне боль, потому что так она спасла папу. Я знал, что делаю, и мне было все равно, убьет ли это меня. Я все еще рискнул бы.

Айлин не ответила, но ее злое лицо смягчилось, она отвела взгляд.

Данэлло продолжил тише:

— И теперь ты хочешь спасти их, да, Ниа?

— Да. Я так и хотела. Просто у меня не хватало времени или пинвиума, чтобы спасти всех, кого нужно.

— Вот видишь? — сказал он Айлин.

— У тебя был выбор, а у них — нет, — пробормотала она, но уже не так уверенно. — Это не одно и то же.

— Нет, — Тали опередила меня с ответом. — Те люди выбрали пойти к Ние. Бабушка всегда говорила, что беду приносит выбор. Порой выбор не лучший, но его нужно делать. Мы там не были. Мы не выбирали между жизнями семьи и аристократов басэери. Мы не выбирали, как это пришлось сделать Ние, и только Данэлло ощутил то, что и те, кому она передала боль. Нельзя судить ее за то, чего мы не испытали.

— Я не осуждаю ее, — быстро сказала Айлин.

— Разве? — спросил Данэлло.

Айлин открыла рот, а потом закрыла. Ее щеки покраснели, и она вздохнула.

— Прости, Ниа.

Она глубоко вдохнула и убрала волосы с глаз.

— Ты права, меня там не было. И даже когда я увидела, как ты расстроена, я почти ничем не помогла. Может, если бы я была настойчивее, тебе не пришлось бы дальше передавать боль.

— Спасибо, — прошептала я.

Может, все будет хорошо. Может, я не пала так низко, как думала.

— Прости, что сомневалась в тебе.

Данэлло взял меня за руку.

— Разве нам не нужно спасти жизни?

Мы поспешили к домику у рыбацкой пристани. Мы набились в коридор, никто не хотел ждать снаружи. Я постучала, и мальчик двенадцати лет ответил, его глаза были красными и опухшими. Мое горло сжалось, я не могла говорить. Данэлло склонился к нему

— Мы пришли исцелить твоего отца.

Мальчик подавил всхлип и покачал головой.

— Поздно. Он умер утром, на рассвете.
Я рухнула на колени и зарыдала.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ:

Данэлло нес меня. Хотя я и пыталась, ноги не слушались. Как и глаза. Из них лились слезы, они все еще видели рыбака.

— Все хорошо, Ниа, — Данэлло водил круги на моей спине. — Мы пытались. Уже ничего не сделать.

Айлин была права. Я должна была отказаться. Стоило отказаться.

Шепот сочувствия доносился до меня, всего-то пустые фразы. Они знали, что я убила его. Он был бы жив, если бы я отказалась.

Тали обхватила мое лицо руками. Она молчала. Она могла ненавидеть меня, может, не хотела больше меня видеть.

— Ниа, слезами никому не поможешь.

Я моргнула из-за ее ровного тона, не могла ничего ответить.

— Нужно исцелить других людей, — продолжила она. — Людей, которые дали любимым шанс выжить. Сколько еще умерло бы, если бы ты не передала боль рыбаку?

Я всхлипнула.

— Не знаю. Многие.

— Тогда поднимайся и цени его жертву. Что сделано, то сделано...

Она замолчала. Я должна была закончить. Все закончить.

— И я не могу ничего изменить.

— Как и говорила бабушка.

Данэлло помог мне подняться на ноги.

— Не сдавайся, Ниа.

Я чуть не заплакала снова.

— Идем. Я не хочу потерять еще кого-то.

* * *

Эта ночь напоминала ночь у Зертаника, но наоборот. Джоналис, где четыре дяди держали боль двух сломанных ног. Кестра Новаик, в которой была боль сломанного плеча сына. Безымянная леди, забравшая боль братьев Фортуно. Ее звали Силена, мы едва успели. Данэлло пришлось выбить дверь, мы нашли ее одну, кровь была такой густой, что странно, что она текла по венам.

Я смотрела, как Тали исцеляет их. Забирает их боль и наполняет пинвиум. Я не могла этого. Я все еще видела рыбака со шляпой в руках, молившего спасти его семью. Зертаник обманул меня. Джеатар просил молчать. Вскоре все это смешалось в один голос. Прошу, мисс. У герцога еще нет такого оружия, как вы.

Как скоро герцог узнает обо мне? Я не буду ничего делать для него. Я не могу больше никого так ранить. Трое умерли, моя душа больше не выдержит. Я убегу, если надо, оставлю Гевег, уйду на юг, за Три территории, подальше от герцога. Пересеку горы и найду горный народ, о котором всегда рассказывала бабуля.

Гевег оставить не сложно, так лучше, чем быть оружием герцога. Может, до этого не дойдет. Ланэль может болтать, но она не знает мое настоящее имя, да и сплетни часто искажаются. Кто-то был с иммунитетом к вспышкам боли? Бред. Может, никто им не

поверит.

Нет. Хватит «может». Кто-то воспримет это всерьез, и герцог или Консорциум придут за мной. Я должна быть готова. Обрежу волосы и покрашу. Тали тоже так сделает. Она всегда хотела рыжие волосы, как у Айлин, так что уговорить ее будет не сложно.

Мы подождем, пока обо мне забудут, пока преобразователь не станет мифом учеников. Тогда мы с Тали вернем наши жизни. Лучшие жизни. Для меня. У Тали было будущее Целителя, хорошее, но не теперь. Я спасла ее, но не пожертвовала ли ее будущим? Что теперь будет с Лигой? С нами? Я приговорила ее к жизни в укрывании?

Последние лучи солнца окрасили город в темно-золотой, мы шли к последнему дому. На улицах теперь было больше солдат, они подавляли последние проблемы лжи Светоча. Люди еще злились, боролись, но многие пошли по домам, когда заговорили ученики. После случившегося за два дня было сложно подавить слухи. Все говорили о том, что пинвиума нет, ходили сплетни о нападении на Лигу.

Я постучала в дверь домика на маленьком фермерском островке. За домиком раскинулись небольшие поля сладкого картофеля.

Ответила аккуратного вида женщина.

— Да? — в ее глазах была настороженность, но она не горевала, не выглядела испуганной.

— Мы пришли исцелить ваших дочерей.

Ее пальцы накрыли рот, подавив благодарный вскрик.

— О, неужели Святые сжалились. Спасибо вам! — она развернулась и побежала внутрь, выкрикивая имена. Дверь она оставила открытой.

— Думаю, можно войти? — сказала Айлин, заглянув внутрь.

— Отсюда исцелять будет сложно, — Тали пошла за женщиной. Пожав плечами, я последовала за ней.

Дом был простым. Старая мебель, но ухоженная, отполированная. Пышные подушки, выгорели только те, что были под окнами. Чистые шторы и ковры, тонкие, но с работой справлялись.

— Хороший дом, — сказал Данэлло с тоской во взгляде. Такой взгляд был и у Айлин.

Семь крючков с плащами висели у двери. Семь стульев было у стола. Они делили три спальни. Семья фермеров работала на своем небольшом участке и ухаживала за этим гостеприимным домом. Настоящим домом.

Я хорошо их помнила, двух женщин, которым передала боль, а потом убежала от Зертаника. Три сына и их отец ушли помогать после случая с паромом, пострадали там. Четыре человека не могли помочь семье, а скоро нужно было собирать урожай. Четверо мужчин с сестрами и дочерьми, готовыми забрать боль ради семьи.

Я не спасла их, ведь они не были на грани смерти. Но я спасла их дом, хозяйство. Они смогли остаться семьей. В Гевегах таких осталось мало, они напоминали нам о надежде.

Данэлло обошел комнату, улыбаясь.

— Видишь, кого ты спасла?

Семья. Из жителей Гевега. Я вредила, но все же помогла.

Я не была простым оружием. Я принимала тяжелые решения. Как мама. Как бабушка.

Грудь сдавило, вдруг стало сложно дышать.

— Я буду снаружи, — пробормотала я, направившись к двери. Я опустилась на ящик с овощами.

Данэлло вышел и сел со мной.

— Знаешь, — начал он, потирая шею, — у меня ощущение, что это я во всем виноват.

— Это еще почему?

— Если бы я не попросил исцелить папу, ты бы не стала исцелять остальных. Может, это я толкнул тебя с этого склона.

Я не знала, что сказать, и лишь смотрела на него. Синяки, полученные им в толпе, теперь позеленели. Утром будут лиловыми. Он все еще был милым, даже без лунного света.

— Ты не виноват, — сказала я. — Твой папа умер бы. И Тали с учениками. Мы узнали о них из-за Тали. Если бы я не передавала боль, все умерли бы, а Зертаник со Светочем сбежали бы с нашей Плитой. И солдаты герцога уже пришли бы сюда, готовые сжечь нас.

— Ага, может, ты права, но... — он вздохнул.

Я тоже вздохнула, ужасно уставшая. Вина и страх сильно терзали меня.

— Никто не виноват. И сейчас можно лишь держать куриц перед собой, а о гусях беспокоиться позже.

Данэлло рассмеялся, я слабо улыбнулась ему.

— Бабушка? — спросил он.

— Ага. Мне ее не хватает, — и мамы с папой, и еще много чего, что я не могла вернуть. Но я могла начать заново.

— Ну, — сказал он, — такое ощущение, что за все это нужно кого-то наказать.

Я знала, что он чувствует. Хотелось винить кого-то, кого угодно. Хотя... мятежники были правы, виноват был герцог. Он украл наш пинвиум, наши жизни. Светоч не наполнял бы людей болью, если бы герцог не приказал Винноту искать необычных Забирателей.

Святые! Если он сказал Винноту, то точно сказал и другим Старейшинам. И сколько еще таких Лиг Целителей проверяли учеников по велению герцога?

— Что ты будешь делать? — спросил он.

— Остановлю его, — выпалила я. Как и многие выборы до этого, я сделала этот, не обдумав.

Данэлло замер, раскрыв рот, а потом закрыл его.

— Кого?

— Герцога. Он может издеваться над учениками всюду, пытаюсь обнаружить новые способности Забирателей. Но он не использует их в армиях, иначе пошли бы слухи. Для чего тогда они ему?

— Не для добра точно.

— Я должна узнать. Должна остановить его, — даже если придется идти к нему.

— Ниа, это не похоже на случай с Лигой. У герцога есть армии с оружием из зачарованного пинвиума.

— Они могут стрелять ими в меня. Это меня не остановит.

— А рапира в живот остановит, — он скривился и потер живот. — И шестеро солдат с сетями. Они тебя свяжут и отнесут туда.

— Он все равно так сделает, если узнает обо мне.

Айлин вышла раньше, чем Данэлло успел ответить.

— В чем дело?

— Ниа объявляет войну герцогу, — сказал он.

— Я думала, мы уже это сделали.

— Она думает, что сможет узнать, зачем ему необычные Забиратели, и остановить

его, — он явно надеялся, что Айлин его поддержит.

— А она разве не сможет?

Данэлло опешил. Если он и дальше будет сидеть с открытым ртом, слетятся мухи.

— Один человек не может одолеть целую армию.

— Она хочет одолеть не армию, а его.

— Ты с ума сошла. Это невозможно.

Айлин прислонилась к дому.

— Ты недооцениваешь Нию. Кионэ говорил, что она не сможет пробраться в Лигу, но ты сам видел, что вышло.

Я скривилась. Я старалась не смотреть на обломки произошедшего.

— Это другое, — сказал он. — Она не пыталась сражаться с ним, она пыталась спасти от него людей.

— Но они не нужны Светочу, так что она спасала их от герцога, — отметила Айлин и устроилась рядом со мной на ящике, отодвинув Данэлло. — Она добралась до них первой.

Он спорил с ней, но я не улавливала слова. Я попала к ним первой, почему бы не продолжить? Тали знала, кем были ученики. Айлин знала обо всех остальных. Мы могли найти их, спрятать, пока не поймем, что задумал герцог, как его остановить.

Бабушка всегда говорила, что Святые прячут судьбу от нас. А если моя судьба не исцелять, а защищать? Говорить, когда остальные молчат? Делать то, что остальные считают невозможным?

Как передавать боль. Переживать вспышку боли. Опустошать пинвиум.

Сразить герцога.

— Так я и сделаю, — сказала я, встав. — Я найду их первой. Я защищу каждого Забирателя, желающего этого.

Данэлло смотрел на меня так, словно у меня выросли рога, но Айлин просияла.

— Ты хочешь сказать «мы», — она встала рядом со мной.

— Что? Нет, я не хочу никем рисковать.

— Ты не сможешь одна. Тебе нужна была наша помощь, чтобы остановить Светоча, и потребуется помощь против герцога.

Я хотела отказаться, уберечь ее, но она была права. Я нуждалась в них, и хотя я не просила, они шли со мной. Я обняла ее.

— Спасибо.

Данэлло на миг закрыл глаза.

— Это безумие.

Мы с Айлин улыбнулись. Мы одновременно скрестили руки.

— Мы знаем.

— Ланэль расскажет о тебе одному из шпионов герцога. За тобой придут, — сказал он.

— Знаю, но ему придется меня поискать. А если он найдет, будет хорошо иметь при себе кого-то умелого с рапирой.

Данэлло вздохнул и постучал ботинком по земле.

— Я ни на что не соглашаюсь, но что ты будешь делать? Ты же не ворвешься в Басэр?

— Не глупи. Мы будем искать Забирателей. Тали и Созк могут рассказать, о ком Ланэль тревожилась сильнее в той комнате, и мы начнем с них.

— Генерал-губернатор тоже будет тебя искать, — сказал Данэлло. — Многие стражи Лиги видели тебя, когда... — он отвел взгляд. — Ты понимаешь... — он взмахнул рукой.

Я сглотнула и не дала себе посмотреть на Лигу.

— Я спрячусь, изменю облик.

Данэлло все еще не был убежден.

— Как ты будешь есть? Ты не сможешь работать, прячась от солдат и разыскивая Забирателей.

Айлин вытащила шелковый мешочек из кармана и потрясла передо мной.

— Думаю, это я покрою.

— Что это такое?

Она бросила мешочек мне в руку. Я заглянула внутрь и раскрыла рот.

— Айлин! Где ты это взяла? — я высыпала на ладонь два изумрудных кольца, рубиновый кулон, три сапфировые броши.

— На столе Зертаника. Он был перед тобой в долгу.

Я широко улыбнулась.

— Этого хватит на много обедов.

Айлин кивнула.

— И вы с Тали можете оставаться со мной, пока мы не найдем комнату больше. Мне платят хорошо, так что мы будем в порядке.

Продать украшения будет сложно, но я знала парня, который знал девушку, «ищущую» штучки для аристократов басэри. Она все купит.

— Итак, — я спросила у Данэлло, — ты нам поможешь?

Он смотрел на украшения, потом на озеро и дымящийся Гевег. Он так долго смотрел, как над городом пляшет дым, что я забеспокоилась, что он откажет нам. Я привыкла быть одной, но с помощью все становилось проще, и я этого хотела.

— Даже когда прекратится мятеж, злость не угаснет, да? — неожиданно сказал он. — Люди буду злиться и дальше, будут говорить о независимости.

— Может... — начала Айлин.

— Возможно, — исправила я. Хватит «может».

— Так что мне все равно придется сражаться, — сказал он. — Всем придется. Как нашим родителям.

— Возможно.

Он вздохнул и подумал еще немного, бросая из руки в руку камень.

— Хорошо, я с вами. Герцог может отправить и много солдат, да?

— Остров-то маленький, — сказал Айлин. Данэлло рассмеялся.

— Да, но это наш остров.

Я качала головой, с готовностью ожидая будущее, хоть оно и было опасным.

— Нет, это наш дом.

И мы будем бороться за него.

Больше книг на сайте - Knigolub.net